САМОДЕРЖАВІЕ НА СВЯТОЙ РУСИ

НАКАНУНѢ XX ВѢКА.

ЕГО РАСХИЩЕНІЕ, ОБЕЗЛИЧЕНІЕ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I.

Исторія моихъ попытокъ борьбы за самодержавіе.

Глава II.

Самодержавіе въ послѣднія три царствованія и конституціонные планы.

Глава III.

Союзъ Chrétien-Juif. Финансовая политика и финансовые дѣятели.

Глава IV.

Экономическая политика Chrétien-Juif.

Глава V.

Chrétien-Juif въ союзѣ съ расколомъ на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Глава VI.

Императоръ Николай II и надежды на возстановленіе самодержавія.

Глава VII.

Заключеніе.

Прилоэюенія.

I. Письмо къ Великому Князю Константину Константиновичу.

II. Письмо къ Государю-Императору Николаю II.

III. Postscriptum.

А. ПОРОХОВЩИКОВЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1895.

414
37

I.

ИСТОРІЯ МОИХЪ ПОПЫТОКЪ БОРЬБЫ ЗА САМОДЕРЖАВІЕ.

Если передъ цареубійствомъ 1 марта историкъ остановится въ недоумѣніи, не находя отвѣта на вопросъ кому, зачѣмъ нужно было это кровавое событіе; за что благожелательнѣйшій, лучшій изъ царей пріялъ такую страдальческую жизнь и мученическую смерть, то съ неменьшимъ удивленіемъ остановится онъ и передъ современнымъ состояніемъ Россіи.

Это современное состояніе — тягчайшее иго экономическое.

Сложилось оно тремя путями:

1) порывомъ непосредственной связи Царя съ народомъ;

2) узурпаціей самодержавныхъ правъ до фактическаго обезличенія самодержавія и

3) возвращеніемъ къ тому произволу, который страна считала навсегда отмѣненнымъ манифестомъ Александра II при введеніи гласнаго судопроизводства.

Въ силу этихъ условій одновременно съ обогащеніемъ ничтожной группы случайныхъ людей подъ предлогомъ обогащенія казны, — обогащенія путемъ разоренія всѣхъ классовъ населенія — нашему исторически сложившемуся государственному строю нанесены и продолжаютъ наноситься такіе удары, что свидѣтелю, разумѣющему ихъ послѣдствія, молчаніе становится преступленіемъ, а борьба долгомъ.

Первой моей попыткой посильнаго выполненія этого долга, было рѣшеніе основать въ Москвѣ еженедѣльный органъ, посвященный выясненію послѣдствій такого положенія и исканію выхода изъ него. Но министръ графъ Толстой, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе просьбы издавать газету или журналъ, отказалъ мнѣ въ томъ. Причиной отказа было конфиденціальное письмо, полученное имъ отъ Московскаго Генералъ-Губернатора Князя Долгорукова въ отвѣтъ на мою просьбу. Князь Долгоруковъ писалъ, что Московская печать совершенно удовлетворяетъ потребностямъ населенія и находилъ излишнимъ увеличеніе въ Москвѣ числа повременныхъ изданій. При этомъ онъ добавилъ, что перо мое-довольно рѣзкое, могущее быть нежелательнымъ для администраціи.[1]

[1] Отношеніе Московской печати къ Князю Долгорукову было слѣдующее: всѣ прославляли его, т. е. всѣ лгали; и въ этомъ направленіи только однѣ «Русскія Вѣдомости» (газета профессоровъ Москов-

Въ этомъ, пожалуй, есть доля правды ... Въ своихъ статьяхъ и брошюрахъ, давшихъ поводъ къ такому отзыву, я неоднократно проводилъ ту мысль, что на ряду съ самодержавіемъ, которому мы присягали, объявились и такіе самодержцы, которымъ мы не присягали, при чемъ въ рукахъ этихъ-то послѣднихъ оказывается и вся фактическая самодержавная власть, за исключеніемъ титуловъ и прочихъ внѣшнихъ принадлежностей. Я говорилъ и доказывалъ, что не правда а ложь, не законъ а произволъ царятъ у насъ повсюду, и указывалъ на слагавшееся въ странѣ иго экономическое, какъ на первое послѣдствіе такого положенія. И, конечно, извлекавшимъ свои выгоды изъ такого положенія обличенія мои пріятными быть не могли.

Получивъ отказъ, мотивированный нежеланіемъ правительства увеличивать число изданій выходящихъ безъ предварительной цензуры, я избралъ другой путь для исполненія указаннаго долга, — я рѣшилъ написать книгу подъ названіемъ «Россія наканунѣ XX вѣка».

Я имѣлъ въ виду дать доступную предѣламъ свободы слова фотографію настоящаго положенія страны и сопроводить каждый отдѣлъ книги посильными указаніями на возможный выходъ. Книгу эту я предполагалъ составить изъ десяти выпусковъ. Содержаніе и программа каждаго выпуска были мною детально разработаны.[1] Что же касается выполненія программы, то я пригласилъ цѣлую группу сотрудниковъ-единомышленниковъ. Сговорившись съ каждымъ изъ нихъ о главныхъ основаніяхъ и задачахъ, я поручилъ имъ составленіе семи выпусковъ, а за собою оставилъ составленіе лишь трехъ выпусковъ изъ коихъ первенствующимъ является IV, посвященный вопросу объ экономическихъ силахъ Россіи.

Эта вторая попытка моя также не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя размѣръ каждаго выпуска и былъ опредѣленъ свыше десяти печатныхъ листовъ съ цѣлью избѣжать хотя предварительной цензуры, но первый же выпускъ — о положеніи церкви въ государствѣ — ни въ какомъ случаѣ не могъ избѣжать духовной цензуры. Цензоръ-протоіерей потребовалъ многихъ измѣненій въ оригиналѣ и исключилъ рядъ страницъ, освѣщающихъ слабыя стороны нашего духовенства. Двѣ же дополнительныхъ главы этого выпуска были признаны имъ совсѣмъ неудобными для печати. Въ одной изъ этихъ главъ я обработалъ собранные мною факты относительно раскола въ Россіи; въ другой излагались результаты произведеннаго мною изслѣдованія монастырскаго быта въ эпархіяхъ Новгородской и Мос-

---

скаго университета) была до нѣкоторой степени исключеніемъ, такъ какъ не выходила изъ предѣловъ благопристойности. Редакторъ же издатель самой распространенной въ массѣ населенія безцензурной газеты (бывшій сидѣлецъ виннаго склада) иначе не здоровался и не прощался съ Кн. Долгорукимъ, какъ цѣлуя его руку, даже не стѣсняясь присутствіемъ сторонніхъ людей, а Кн. Долгоруковъ говорилъ ему «ты».

[1] Выпускъ I. Предисловіе. — Русская Церковь и ея значеніе въ жизни народа и государства. — Выпускъ II. Политическій строй Русскаго государства и его вооруженныя силы. — Выпускъ III. Общественный и гражданскій строй Русскаго народа. — Выпускъ IV. Экономическія силы Россіи. — Выпускъ V. Просвѣщеніе Русскаго народа. — Выпускъ VI. Иноземныя и иновѣрныя воздѣйствія и вліяніе ихъ на теченіе русской жизни (Вопросы: еврейскій, нѣмецкій и польскій). — Выпускъ VII. Внѣшнія сношенія Россіи, ея политика и дипломатія. — Выпускъ VIII. Русская печать. — Выпускъ IX. Москва. (Ея политическое прошлое, настоящее и возможное будущее.) — Выпускъ X. Историческая миссія Русскаго народа.

ковской. Въ женскихъ обителяхъ этихъ двухъ епархій я нашелъ лишь трудъ, всякаго рода лишенія, истинное «послушаніе», порядокъ, и пріютъ сирымъ и обездоленнымъ, да подчасъ непосильное обложеніе этихъ монастырей сборами на епархіальныя нужды. Что же касается мужскихъ монастырей, то тамъ я нашелъ почти поголовное тунеядство, развратъ подчасъ открытый и утонченный, безконтрольность и хищенія монастырскихъ суммъ и сборовъ настоятелями монастырей и экономами архіерейскихъ домовъ и. т. п.

Второй и третій выпуски, напечатанные мною безъ предварительной цензуры, прошли относительно благополучно, хотя въ обоихъ выпускахъ фотографія настоящаго положенія во многихъ случаяхъ подвергалась ретушовкѣ.

Четвертый выпускъ «Экономическія силы Россіи», какъ выше сказано, долженъ былъ быть центромъ тяжести предпринятаго изданія. Необходимо было поставить наконецъ ребромъ и освѣтить тотъ въ сущности общеизвѣстный фактъ, что экономическая политика «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей», состоявшихъ до появленія у власти на службѣ у группы людей, девизъ которыхъ «взять изъ казны, т. е. у мужика, какъ можно больше и дать казнѣ, т. е. мужику, какъ можно меньше», направлена не столько ко благу страны, сколько къ личному ихъ благу и къ благу имъ близкихъ по прежней совмѣстной дѣятельности подъ вышеприведеннымъ девизомъ.

Справки, собранныя мною лично въ Петербургѣ, подтвердили всѣ мои взгляды на дѣятельность этихъ новыхъ распорядителей судьбами народнаго достоянія; въ тоже время всѣ указывали мнѣ на тотъ печальный фактъ, что Царь вѣритъ Вышнеградскому, и не будучи по самому положенію Своему освѣдомленъ ни съ теоріей, ни съ практикой въ области финансовъ, утверждаетъ всѣ его представленія. Помимо того оказалось, что почти вся печать тѣмъ или инымъ путемъ закуплена, а органы, непричастные къ подкупу, не смѣютъ выступать съ протестами, опасаясь преслѣдованій того же всесильнаго Вышнеградскаго. Даже самъ предшественникъ его, назначенный предсѣдателемъ Комитета министровъ, устранился отъ всякихъ столкновеній съ нимъ, какъ съ фактическимъ самодержцемъ. Наконецъ, арестъ книгъ полковника Борткевича (бывшаго ученика Вышнеградскаго по классу механики, а затѣмъ занимавшаго каѳедру математики) книгъ, посвященныхъ разбору тѣхъ самыхъ конверсій, произведенныхъ чуждымъ финансовой наукѣ Вышнеградскимъ, которыхъ не допускалъ такой ученый финансистъ какъ г. Бунге, прямо установилъ невозможность появленія четвертаго выпуска книги «Россія наканунѣ XX вѣка».

Соединивъ вышедшіе три выпуска въ одну книгу, я послалъ ее почтой Государю, Наслѣднику и Великимъ Князьямъ.

Императоръ Николай II читалъ ее бывши Наслѣдникомъ, и какъ читатель увидитъ ниже, спросилъ Великаго Князя Александра Михайловича «читалъ ли онъ эту чудную книгу?»

Тѣмъ и окончилась эта вторая попытка исполненія вышеуказаннаго гражданскаго долга. Однако финансовая и экономическая политика «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» приняли такой угрожающій, прямо грабительскій характеръ, что я сталъ искать новаго пути для той же борьбы. Судьбѣ угодно было послать подходящій случай. Гр. Толстой, не разрѣшившій мнѣ издавать газету, послѣ тяжкой болѣзни умеръ. Всѣ ожидали, что на мѣсто графа Толстаго министромъ внутреннихъ дѣлъ будетъ назна-

ченъ товарищъ его, В. К. Фонъ-Плеве, фактически управлявшій министерствомъ не только въ теченіи продолжительной болѣзни Толстаго, но и въ тѣ немногіе періоды улучшенія его здоровья, когда онъ, Толстой, принималъ доклады и просителей; но министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ г. Дурново. И вотъ митрополитъ Московскій (нынѣ Кіевскій) Іоанникій, въ присутствіи нѣсколькихъ посѣтителей, выражая сожалѣніе о современномъ положеніи повременной печати вообще и объ полученномъ мною отказѣ отъ графа Толстаго, самъ предложилъ свое ходатайство у новаго, ему знакомаго министра разрѣшенія издавать мнѣ газету безъ предварительной цензуры. На изъявленіе моей признательности за доброжелательный откликъ, митрополитъ отвѣтилъ, что завтра же поѣдетъ просить министра, какъ архипастырь Московскій, и пригласитъ къ такому же содѣйствію товарища оберъ-прокурора синода Н. П. Смирнова, какъ лицо свѣтское, хорошо знавшее мою прошлую общественную и частную дѣятельность.

Вотъ какимъ путемъ я получилъ право на изданіе газеты, подъ условіемъ издавать ее не въ Москвѣ, въ которой я родился, выросъ, и къ которой приросъ всею своею дѣятельностью, а въ чуждомъ мнѣ Петербургѣ, и при томъ газету не новую, а лишь разрѣшено было купить старую, съ обязательствомъ вести ее первое время даже подъ старымъ названіемъ.

Въ напечатанныхъ ниже письмахъ къ Государю и къ Великому Князю Константину Константиновичу читатель найдетъ весьма поучительную, хотя и краткую исторію этого пятилѣтняго изданія. Названіе его было въ моментъ покупки «Минута»; затѣмъ я получилъ разрѣшеніе дать свое названіе и назвалъ газету «Русская Жизнь», знамя которой выразилъ такъ: «Люди-братья; ихъ долгъ — жить въ мірѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.»

Въ ночь на 21 января сего года главный инспекторъ типографіи доставилъ мнѣ сообщеніе министра Дурново Градоначальнику, что по соглашенію его, Дурново, съ министрами просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокуроромъ синода, газета «Русская Жизнь» прекращается навсегда. Мотивовъ такой необычайной кары газетѣ, имѣвшей не три и даже не два, а лишь одно предостереженіе, объявлено не было. Но весь Петербургъ зналъ, что «c'est une rancune de Witte», какъ выразился одинъ изъ самыхъ близкихъ его соратниковъ.

Такъ кончилась третья попытка моей борьбы съ «нашими новыми государственными финансовыми дѣятелями». Но приведя оцѣнку второй попытки, борьбы съ хитителями самодержавныхъ правъ и народнаго достоянія, слѣдуетъ привести оцѣнку и третьей попытки такой же борьбы, т. е. оцѣнку служенія газеты «Русская Жизнь». Ограничусь авторитетами официальными, имѣя возможность подтвердить каждое слово показаніями живыхъ свидѣтелей или имѣющимися въ рукахъ документами.

— «Я очень радъ сообщить вамъ, что Е. В. Наслѣдникъ въ восторгѣ отъ той постановки вопроса организаціи общественныхъ работъ, которая предлагается на страницахъ «Русской Жизни», — такъ сказалъ мнѣ, войдя въ кабинетъ, г. Вессель (членъ ученаго комитета министерства просвѣщенія и не безъизвѣстный финансистъ) въ присутствіи секретаря редакціи и двухъ случайно находившихся сотрудниковъ.

— «Наслѣдникъ сказалъ — продолжалъ г. Вессель — когда буду Царемъ, то это будетъ первое дѣло, за которое возмусь.»

На вопросъ мой, изъ какихъ источниковъ получены имъ эти свѣдѣнія, г. Вессель отвѣтилъ, что не считаетъ себя въ правѣ указать на нихъ.

Тутъ дѣло въ томъ, что на ассигнованные во время голода десять милліоновъ на общественныя работы, съ цѣлью дать заработокъ населенію губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, предполагалось вызвать рабочихъ изъ этихъ голодающихъ мѣстностей, и занять ихъ усиленной рубкой казенныхъ лѣсовъ, заготовляя на продажу лѣсные матеріалы, дрова, шпалы, срубы и проч., что означало между прочимъ не только увеличить причины засухъ и неурожаевъ, но и означало сбить на нѣсколько лѣтъ почти повсемѣстно всю лѣсную торговлю. Затѣмъ предполагалось строить элеваторы, отъ которыхъ польза многими земствами опровергалась; да и своевременно ли строить зернохранилища, когда и зерна нѣтъ и хранить нечего? Предполагалось еще мостить городскія незамощенныя улицы и проч. т. п. работы. А «Русская Жизнь» говорила такъ: не отрывайте кормильца семьи отъ его домашняго очага во дни такого народнаго бѣдствія, а дайте заработокъ ему дома у своей же хаты, платя хлѣбомъ и кормомъ для скота, который спѣшите доставить изъ урожайныхъ губерній на эти десять милліоновъ. Не отрывайте кормильца отъ его семьи, гдѣ или нѣтъ кабака и притоновъ разврата, или кабакъ закрытъ, благодаря голодухѣ населенія, и не зовите его въ города и другіе центры, гдѣ окружатъ его всѣ соблазны, заслонивъ собою лишенія и страданія его семьи. Обратите вниманіе, говорила еще «Русская Жизнь», на тѣ десятки, а пожалуй и сотни тысячъ фабричнаго люда, которые проѣдаютъ послѣдній заработокъ по случаю сокращенія работъ на фабрикахъ, оставаясь въ раіонѣ ихъ расположенія въ ожиданіи возобновленія работъ; и помогите этимъ, лишеннымъ привычнаго заработка, людямъ вернуться къ своимъ же голодающимъ семьямъ. А выдумывать занятіе для этой массы свободныхъ рукъ дѣло не нашего ума: геній Екатерины ровно сто лѣтъ тому назадъ указалъ, какую дать обязательную и производительную работу голодающему крестьянству на благо ему и государству, — работу, въ которой могли бы принять участіе всѣ голодающіе отъ мала до велика, а не одни лишь взрослые да здоровые. Эта работа — постепенное обращеніе вѣчно пылающей Руси въ огнестойкую. Сто лѣтъ прошло, напоминала «Русская Жизнь», какъ этотъ вѣками вопіющій и благодѣтельный для страны планъ общественныхъ работъ хранился въ архивахъ государственныхъ, и уже двадцать лѣтъ какъ подробности его выполненія были мною разработаны. И не взирая на всѣ настоятельныя мои ходатайства по сему и благожелательные отклики нѣсколькихъ министровъ, дѣло оставалось безъ движенія только потому, что «средостѣнію» между истинными нуждами народными и Верховной Властью не предлагалось ни взятокъ, ни промессъ, ни паевъ, какъ въ питейныхъ откупахъ и въ желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, и вообще не видно было источника для наживы, поглощавшей почти все вниманіе, творчество и силы «средостѣнія». . .

Попали эти статьи «Русской Жизни» въ руки Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя, не случайно, а вслѣдствіе мною установленнаго порядка посылать въ особыхъ пакетахъ подобнаго рода статьи членамъ династіи, министрамъ, товарищамъ ихъ и нѣкоторымъ выдающимся дѣятельностью членамъ государственнаго совѣта. Въ большинствѣ случаевъ пакеты эти оставались не распечатанными; многіе даже осуждали такую назойливость; но одинъ вышеприведенный откликъ Наслѣдника Престола оправдалъ такое служеніе газеты. Жаль только, что самолюбіе изобрѣтателей проэкта общественныхъ работъ,

направленныхъ на усиленную рубку казенныхъ лѣсовъ и тому подобныя измышленія взяло верхъ, и планъ «Русской Жизни» и «восторгъ» Наслѣдника Престола остались безъ послѣдствій.[1]

Божіимъ милосердіемъ, какъ извѣстно, весною 1892 г. была прервана дѣятельность фактическаго самодержца всея Руси Вышнеградскаго. Нервный ударъ въ его возрастѣ, и притомъ, какъ оказалось, не первый, долженствовалъ бы убѣдить и Царя и его совѣтниковъ въ невозможности возврата больного. Но обаяніе этого временщика было такъ сильно, и собранныя имъ нити государственнаго управленія такъ были крѣпко притянуты къ министерству финансовъ, что никто не вѣрилъ факту даже нескрываемому врачами, и въ ожиданіи выздоровленія «его фактическаго величества» буквально все теченіе дѣлъ въ сферѣ экономической было пріостановлено.

14 и 15 мая того же года были 2 дня праздниковъ. Зайдя 14 числа утромъ къ члену Государственнаго совѣта А. А. Половцеву я услышалъ отъ него о полученіи депеши изъ Крыма о томъ, что съ Вышнеградскимъ припадки повторились и что родственники его сегодня же уѣзжаютъ туда. Желая провѣрить это извѣстіе я пошелъ въ то же утро къ г. Витте, уже бывшему тогда министромъ путей сообщенія. Г. Витте повидимому былъ удивленъ этимъ извѣстіемъ тѣмъ болѣе, что наканунѣ получилъ собственноручное письмо Вышнеградскаго.

Недѣлю спустя пришли вѣсти, что о возвратѣ Вышнеградскаго къ какой либо государственной дѣятельности рѣчи быть не можетъ. Еще недѣлю спустя, 25 мая 1892 г., я получилъ собственноручное письмо отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Фонъ-Плеве, приглашающаго меня посѣтить его около полудня 28 числа. Вотъ краткая выписка изъ записанной мною въ тотъ же день продолжительной бесѣды на этой неожиданной для меня аудіенціи.

— «Я обязанъ былъ продолжительное время внимательно слѣдить за «Русской Жизнью», такъ началъ В. К. Фонъ-Плеве. Не надѣясь на свои силы въ виду множества другихъ моихъ занятій, я пригласилъ въ помощь надежнѣйшаго изъ моихъ сотрудниковъ. Ожидая васъ сегодня я посвятилъ вчерашній вечеръ возобновленію въ памяти многихъ отмѣченныхъ нумеровъ, и долженъ заявить вамъ, что вашими статьями по экономическимъ вопросамъ вы несомнѣнно оказали крупныя услуги государству.»

Съ трудомъ подавилъ я охватившее меня при этихъ словахъ волненіе. Такое впе-

---

[1] Во сколько обошлась одна администрація этого нелѣпаго плана; сколько къ десяти мил. добавлено новыхъ милліоновъ; украдено ли изъ нихъ, и сколько, и кѣмъ именно украдено по примѣру и завѣтамъ предковъ; сколько пропито и прожито въ безчисленные праздничные дни, и какія крохи попали въ голодающія семьи объ этомъ до сихъ поръ нѣтъ, да и не будетъ никогда точныхъ свѣдѣній. За то въ лицѣ генерала Анненкова, которому ввѣрены были эти милліоны, и въ лицѣ его многочисленныхъ пріятелей и сотрудниковъ, какъ равно и въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, «Русская Жизнь» нажила себѣ злѣйшихъ враговъ въ дополненіе къ тѣмъ, которые уже преслѣдовали ее за такіе напримѣръ указанія Вышнеградскому, что государственный банкъ требуетъ кореннаго преобразованія, такъ какъ онъ не есть банкъ государства, а какая то домашняя касса министра; что конверсія не есть конверсія; что во всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ есть явныя неточности; что благотворительныя лотереи — созданіе г. Витте, по личному мнѣ его признанію — есть дѣло не только безнравственное, какъ справедливо назвалъ такія лоттереи въ официальной бумагѣ г. Бунге, бывши министромъ финансовъ, но что это есть прямой налогъ на бѣдность и при томъ налогъ, вызывающій хищническіе инстинкты въ средѣ и безъ того всячески обездоленной.

чатлѣніе получилось вѣроятно вслѣдствіе того, что оцѣнка моего служенія родинѣ исходила отъ лица, лично меня не знавшаго и поставленнаго такъ высоко, что нерѣдко и подолгу онъ управлялъ всѣмъ министерствомъ. Оцѣнка исходила отъ человѣка дѣйствительно государственнаго ума, извѣстнаго безупречною и продолжительною дѣятельностью на самыхъ трудныхъ, сложныхъ и отвѣтственныхъ должностяхъ, не исключая директора департамента государственной полиціи въ самый трудный періодъ борьбы съ крамолой, и никому кромѣ себя не обязаннаго возвышеніемъ. Но подавивъ волненіе я не скрылъ изумленія; и на вопросъ о причинахъ, его вызвавшихъ, не могъ не отвѣтить такимъ вопросомъ: «какому государству оказалъ я услугу?».

— «Я думаю тому, которому мы съ вами принадлежимъ», былъ отвѣтъ.

— «Вотъ первый поводъ къ изумленію, возразилъ я. Дружина, работающая подъ знаменемъ «Русской Жизни», смотритъ на Россію, какъ на царство, потому что у насъ есть Царь; признаетъ ее имперіей потому, что у насъ есть Императоръ; но государствомъ — нѣтъ, до государства мы не доросли. И чтобы не быть бездоказательнымъ, я позволю себѣ остановиться на Вашей же оцѣнкѣ экономическаго отдѣла «Русской Жизни». То же министерство, котораго въ данную минуту Ваше Превосходительство являетесь представителемъ, за тотъ же самый экономическій отдѣлъ, за который Вы вѣшаете мнѣ тотъ Георгіевскій крестъ, котораго на моей долгой памяти удостоился у насъ лишь одинъ журналистъ, да и то при такихъ исключительныхъ условіяхъ, которыя слагаются быть можетъ одинъ разъ въ цѣлое столѣтіе — то же министерство и за тотъ же отдѣлъ долго и неотступно меня преслѣдовало, карало, разоряло матеріально, и, наконецъ, обнародовало первое предостереженіе, мотивируя его яко бы явно неодобрительнымъ направленіемъ органа.

— «Во первыхъ я не имѣю привычки говорить отъ имени министерства, сказалъ В. К. Фонъ-Плеве; я выражаю вамъ свой личный взглядъ. А затѣмъ не будемъ болѣе говорить объ этомъ; вы сами знаете, какую силу имѣлъ въ свое время Иванъ Алексѣевичъ; ну, и вліяніе его на Ивана Николаевича...»

Затянувшуюся фразу закончилъ я такимъ возраженіемъ: «и такъ у насъ есть Царь, да еще самодержавный, есть законъ, есть судъ, но во всякую данную минуту есть и Иванъ Алексѣевичъ, который вліяніемъ на Ивана Николаевича можетъ вызвать преслѣдованіе открытаго, честнаго общественнаго служенія, да еще такого, которое оказываетъ крупныя услуги государству. Да какое же послѣ этого мы государство?...»

— «Повторяю, сказалъ достопочтимый собесѣдникъ, забудьте все прошлое и продолжайте вести «Русскую Жизнь» съ тою же отзывчивостью, которой нельзя не признать.»

На просьбу мою объ указаніяхъ на пробѣлы въ другихъ отдѣлахъ газеты В. К. Фонъ-Плеве возразилъ съ улыбкой, что хотя особеннаго онъ ничего не можетъ отмѣтить нежелательнаго въ другихъ отдѣлахъ, но «что въ общемъ газета даетъ такое впечатлѣніе, что какъ будто она издается гдѣ-то на другой планетѣ, или въ странѣ, гдѣ нѣтъ правительства». На это я просилъ дозволенія повторить отвѣтъ мой, данный въ Берлинѣ одному изъ ораторовъ, въ моемъ присутствіи хулившему Русское правительство, восхваляя впрочемъ народъ. Я говорилъ тогда, что въ Россіи нѣтъ правительства, и не можетъ быть его въ томъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ въ цивилизованныхъ странахъ; и что въ этомъ-то отсутствіи такого правительства наша сила. У васъ, продолжалъ я,

министерскіе портфели ввѣряются лицамъ завѣдомо пользующимся довѣріемъ страны и разногласіе можетъ быть только въ степени оцѣнки дарованій государственнаго дѣятеля; у насъ же ничего подобнаго нѣтъ, и не было; и мотивы назначенія на высшія должности всегда были до такой степени разнообразны, что доходило даже до такого комизма: Императоръ Николай I спрашиваетъ героя Кавказа Ермолова, чѣмъ наградить его за его великія государственныя заслуги и получаетъ въ отвѣтъ — «позвольте, Государь, быть нѣмцемъ» — такъ высоко тогда цѣнилось при дворѣ нѣмецкое происхожденіе. Въ царствованіе Александра III нѣмцамъ было хуже; евреямъ кромѣ Зака, Ротштейна и ихъ компаніоновъ и совсѣмъ плохо, а на такихъ гешефтмахеровъ, какъ Вышнеградскій и К° — оказался спросъ. Произошло это потому, что кто-то увѣрилъ Царя будто среди 120-ти милліоннаго даровитѣйшаго Русскаго народа «нѣтъ людей», а если и есть, то ихъ надо искать лишь среди союза плутократіи съ бюрократіей, отбросивъ справки о нравственной сторонѣ и прошлой дѣятельности въ роли ли хищника или укрывателя воровъ Русской Земли. Такимъ образомъ въ одномъ вѣдомствѣ назначеніе было удачное, въ другомъ подчасъ прямо позорное, но въ общемъ итогѣ дѣла плелись кое-какъ, такъ какъ самъ Царь, не взирая на исключительность своего положенія и совершенно оторванный отъ народной жизни, все же былъ преисполненъ лучшихъ намѣреній, и обманутый однимъ не всегда былъ обманутъ другими. Но что же было бы на Руси, если бы завелось, при такомъ тиражѣ въ должности министровъ, правительство единодушное, каковымъ оно и быть должно въ странѣ цивилизованной?[1]

Черезъ день послѣ этой аудіенціи я былъ приглашенъ въ Аничковъ дворецъ, гдѣ провелъ почти три часа въ бесѣдѣ съ воспитателемъ нынѣшняго Государя ген.-ад. Г. Г. Даниловичемъ. Кромѣ сочувственныхъ отзывовъ его на нѣкоторые вопросы, возбужденные «Русскою Жизнью» и въ первыхъ трехъ выпускахъ моей книги, царскій наставникъ высказалъ свое мнѣніе о причинахъ затрудненія въ выборѣ людей, — причинахъ, давшихъ въ концѣ концовъ извѣстную оскорбительную для Русскаго человѣка формулу — «нѣтъ людей». Воздерживаюсь по уважительнымъ причинамъ отъ оглашенія этихъ безусловно свѣтлыхъ мыслей.

Управляющій дѣлами охраны камергеръ Ѳедосѣевъ пріѣзжалъ въ редакцію съ заявленіемъ сочувствія своего шефа ген.-ад. Черевина, какъ высказанному въ первыхъ трехъ выпускахъ моей книги, такъ равно и служенію «Русской Жизни», многіе нумера которой посылались къ ген.-ад. Черевину вышеуказаннымъ порядкомъ.

Одинъ изъ сановниковъ, выше стоящій трехъ поименованныхъ, посѣтивъ меня въ сопровожденіи своего зятя въ помѣщеніи редакціи и выражая сочувствіе направленію органа, заявилъ между прочимъ желаніе подписаться на 10 лѣтъ. Отмѣчаю эти отклики членовъ высшей государственной іерархіи, какъ полученные отъ лицъ, съ которыми я не имѣлъ

---

[1] Въ письмѣ къ В. К. Константину Константиновичу читатель найдетъ итоги царенія хищниковъ и ихъ сообщниковъ и укрывателей за сравнительно недолгій періодъ. Слѣдуетъ ли намъ отвернуться отъ нихъ или хотя обезвредить ихъ? — на такой вопросъ отвѣтитъ совѣсть читателя.....

Исторія учитъ не однихъ насъ, она говоритъ и на Престолѣ сидящимъ указаніями на послѣдствія довѣрія къ убаюкивающимъ напѣвамъ. Дорого обошлись эти напѣвы Николаю I., Александру-Освободителю, Александру III., и еще дороже обошлись неповинному въ томъ, единому за все отвѣтчику — страстотерпцу народу.

дотолѣ никакихъ отношеній; масса подобныхъ же откликовъ и сотни писемъ, частью сохранившихся, полученныхъ отъ читателей «Русской Жизни», какъ во время изданія газеты, такъ и по ея прекращеніи, — писемъ коллективныхъ и единоличныхъ изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, свидѣтельствуютъ, что авторы писемъ вѣрно понимали характеръ служенія «Русской Жизни» и не было для нихъ того «Ивана Алексѣевича» или «Сергѣя Юльевича» или гофмейстера Кривошеина, который бы по тѣмъ или инымъ соображеніямъ могъ заставить признать полезное служеніе государству вреднымъ...

* * *

Задолго до всенародной казни «Русской Жизни», — казни безъ суда и даже безъ объявленія мотивовъ — я слышалъ совѣтъ перенести изданіе за границу, и число такихъ совѣтниковъ увеличивалось по мѣрѣ развитія преслѣдованія органа. Въ то же время я получилъ предложеніе занять мѣсто редактора русскаго отдѣла въ газетѣ, долженствовавшей выходить въ Парижѣ взамѣнъ одного изъ иностранныхъ органовъ, поддерживаемыхъ нашимъ правительствомъ. Получивъ согласіе на сохраненіе для русскаго отдѣла той газеты знамени «Русской Жизни», я предъявилъ Н. К. Гирсу всю по этому дѣлу переписку, и послѣ обсужденія съ нимъ требованія издателей участія министерства иностранныхъ дѣлъ въ расходахъ по изданію въ размѣрѣ $^1/_4$ части складочнаго капитала, и другихъ вопросовъ, г. министръ выразилъ свое согласіе, обусловленное, впрочемъ, согласіемъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ въ то же время, по словамъ г. Гирса, у него уже происходили переговоры съ другою редакціею заграничнаго изданія, то онъ поручилъ мнѣ, не дожидая пріемныхъ дней у вышеуказанныхъ двухъ министровъ, идти къ нимъ отъ его имени и предъявить какъ переписку по этому дѣлу, такъ и его, г. министра, согласіе. Принятый на другой же день Вышнеградскимъ, я выслушалъ нѣсколько его мыслей на тему, что финансы и политика родныя сестры и что для печати, въ особенности заграничной, это обстоятельство должно быть незыблемымъ основаніемъ. На это я добавилъ, что, по мнѣнію г. Гирса, къ этимъ двумъ сестрамъ примыкаетъ и третья — политика внутренняя. Затѣмъ министръ финансовъ потребовалъ письменнаго изложенія всего дѣла. На слѣдующій день, прочитавъ поданную мною записку, Вышнеградскій спросилъ: «остается ли «Русская Жизнь» на прежнемъ положеніи?» и на утвердительный отвѣтъ сказалъ: «а я думалъ, что вы ее сами прекратите». Изъ этихъ словъ я могъ безошибочно заключить, что союзъ бюрократіи съ плутократіей, преобразовавшійся въ Chrétien-Juif уже подумываетъ о томъ, какъ бы прекратить надзиравшій за нимъ непродажный органъ, и что онъ не допуститъ осуществленія предложенія, принятаго Н. К. Гирсомъ, а потому и рѣшилъ повременить докладомъ министру внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ, однако, всѣ подробности правителю его канцеляріи А. Н. Алфераки. Но тутъ заболѣлъ Н. К. Гирсъ; отъ Вышнеградскаго, конечно, никакого отвѣта не послѣдовало, и дѣло не состоялось.

Между тѣмъ, послѣ отказа моего товарищу министра финансовъ Антоновичу напечатать въ моей газетѣ завѣдомо ложный доносъ на проф. Пихно, а попутно и на министерство внутреннихъ дѣлъ, преслѣдованія меня союзомъ Chrétien-Juif увеличились

и дошли до апогея. Chrétien-Juif былъ возмущенъ моими планами и настояніями сдѣлать что нибудь для мужика на Нижегородской выставкѣ, какъ того желалъ самъ покойный государь Александръ III. Подробности въ главѣ V. «Наши новые государственные финансовые дѣятели» были возмущены и моимъ отношеніемъ къ ихъ собственнымъ признаніямъ... Дѣло въ томъ, что задолго до представленія Государю росписи на 1895 г., т. е. во второй половинѣ Декабря 1894 г., въ обществѣ заговорили о какой то книгѣ, напечатанной г. Весселемъ. Говорили, что задача этой книги — заклеймить позоромъ правленіе Вышнеградскаго, такъ еще недавно признаваемаго за генія, и объявить геніемъ его преемника, бывшаго однако все время правой рукой умершаго генія. При этомъ редакція «Русской Жизни» получила свѣдѣнія изъ несомнѣнно достовѣрнаго источника, что книга издана на деньги, отпущенныя изъ министерства финансовъ... Я счелъ долгомъ достать эту книгу, прочиталъ ее, и понялъ почему ее на государственныя деньги печатали, отъ государства — но не отъ Государя — прятали, а печать не смѣла говорить о ней. Немного позднѣе пришли свѣдѣнія объ общемъ смыслѣ текста, поясняющаго ожидаемую Царемъ роспись. И вотъ въ передовой статьѣ «Русской Жизни» въ нумерѣ, вышедшемъ въ первый день Рождественскихъ праздниковъ 1894 г. я исповѣдывалъ вѣрноподданническія чувства, вызванныя ознакомленіемъ и съ книгой Весселя, и съ нѣкоторыми изъ поясненій къ росписи, и внезапнымъ превращеніемъ по Царскому слову министра и гофмейстера Высочайшаго Двора Кривошеина въ чиновника уволеннаго тѣмъ же чиномъ со снятіемъ съ него придворнаго званія, и даже уволеннаго безъ оглашенія мотивовъ увольненія. Вотъ эта статья «Русской Жизни»:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25-го декабря.

«Только Бога нельзя обманывать. Ему одному нельзя изображать Россію иною, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Истину нельзя скрыть отъ Того, Кто Самъ Истина.

Какую же Россію исповѣдуемъ? Какіе итоги въ области экономической предъявимъ? Чему въ нихъ поучаемся? Чего желаемъ?

На эти вопросы въ эпоху торжества торгово-промышленныхъ идеаловъ трудно отвѣчать фотографическими снимками съ дѣйствительности, — снимками безъ ретушовки...

Этому торжеству торгово-промышленныхъ идеаловъ предшествовали самыя разнообразныя явленія, начиная съ Іудиныхъ лобзаній, то отечества, то купечества. Такого страха нагнали эти новые люди, страшные своею наглостью и нахальствомъ, такъ самодержавно стали властвовать, что у насъ, у зрителей, опускались руки, и, мало-по-малу, сложилось надъ страной самое тяжкое иго, — иго рубля, иго у рубля стоящихъ, рублемъ владѣющихъ.

Тутъ правдой какъ «лбомъ стѣну не прошибешь», подсказывала зрителямъ горькая правда народной мудрости.

Но вотъ, событія послѣднихъ дней словно будятъ надежды. Эти событія какъ бы вслухъ заговорили о томъ, почему въ лагерѣ не зараженныхъ современной проказой мысли парятъ куда-то въ высь... Словомъ, плотина прорвана... Исполнимъ же долгъ. Пойдемъ навстрѣчу новому теченію, и, опираясь на возвращаемый къ жизни законъ, попробуемъ подобрать лишь однѣ по пути попадающіяся крупицы.

Такой крупицей на первый разъ будетъ тотъ же полумилліардъ, испрашиваемый у Государственнаго Совѣта на постройку подъѣздныхъ путей при ежегодномъ расходованіи его по 10 милл. руб.

Если подъѣздные пути необходимы, то почему же «Русская Жизнь» ратуетъ противъ того, чтобы разбогатѣвшая нынѣ казна удѣляла на эту статью благоустройства хоть по десяти милліоновъ въ годъ? Да потому, что есть нужды неизмѣримо болѣе настоятельныя, неизмѣримо болѣе и ранѣе назрѣвшія. Нужды, правда, не столь декоративныя, но во истину къ совѣсти вопіющія. Только воззовите къ совѣсти, и она укажетъ вамъ, что нѣтъ еще земли у пахаря . . . Воззовите къ совѣсти, и она не скроетъ отъ васъ истину переселенческаго движенія. Воззовите къ совѣсти, и она откроетъ глаза той экономической политикѣ, отъ которой, бросая родныя земли и родныя могилы, бѣжитъ народъ въ полудикую Сибирь, въ тайгу, заранѣе обрекая себя на нечеловѣческія лишенія, страданія и даже потерю самой жизни слабыми по силамъ членами семьи. А затѣмъ, что означаютъ эти ежегодныя сотни милліоновъ потерь отъ пожаровъ деревянносоломенныхъ логовищъ, именуемыхъ жильемъ простолюдина? Что означаютъ и такіе научные показатели:

Средняя продолжительность жизни человѣка въ культурныхъ государствахъ 53 года, а въ Россіи — 29 лѣтъ.

Рабочихъ лѣтъ въ жизни гражданъ тѣхъ государствъ 35, а въ жизни русскаго гражданина только 11-ть (считая рабочую пору съ 18-ти лѣтняго возраста).

Вывозимъ заграницу хлѣбъ, за отсутствіемъ сбыта у себя дома, а между тѣмъ самому пахарю, этотъ же хлѣбъ сѣявшему, собиравшему и отправлявшему, нехватаетъ въ ежегодномъ продовольствіи свыше 23 милліоновъ четвертей по самому скудному расчету.

Очевидно, что кормилецъ другихъ самъ живетъ впроголодь. Истощаясь физически, онъ слабѣетъ и нравственно. Но не онъ, не кормилецъ другихъ до-сыта, дастъ Богу отвѣтъ въ томъ, что на Руси нынѣ семьи разлагаются, браки уменьшаются, преступленія учащаются, и, какъ апоѳеозъ, среди православныхъ палестинъ объявились цѣлые уѣзды, въ которыхъ въ одинъ годъ не осталось ни одной не обокраденной . . . церкви.

Изъ 120-ти милліоновъ населенія совѣсть 119-ти милліоновъ свободна отъ упрека въ томъ, что, въ силу нашей отсталости въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, девять холерныхъ эпидемій, бывшихъ въ періодъ отъ 1831 года, поглотили всѣ вмѣстѣ ровно столько жертвъ (1600000), сколько излишне умираетъ у насъ каждый годъ.

. . . . . .

Вмѣсто комментаріевъ къ этому голосу совѣсти, представимъ себѣ такую благодать, что подъѣздные желѣзнодорожные пути строятся пріемомъ, вызываемымъ захудалой русской жизнью и «Русской Жизнью» предложеннымъ, — т. е. строятся безъ расходованія милліоновъ, собранныхъ казною съ населенія, хотя бы и не однимъ выколачиваніемъ.

Спрашивается: что случится, если подбираемая нами первая крупица, т. е. десять милліоновъ рублей, въ 1895 году будетъ направлена на «устроеніе счастія» самой захудалой губерніи? Что случится, если этотъ же пріемъ «устроенія счастія» мы примѣнимъ въ послѣдующемъ году къ слѣдующей съ казоваго конца губерніи, и т. д. и т. д? Что случится, если такимъ путемъ, шагъ за шагомъ, съ тою же кошницею обойдемъ всю Русь?

Случится... сказанное въ священномъ обѣтѣ Императора Николая II. Случится то, что не одна казна будетъ сыта — богата, будетъ сытъ народъ... Настанетъ эра новая. Съ землей, да съ грамотой, да съ словомъ искреннимъ, свободнымъ, да съ земщиной — такая сила сложится, которой еще не вѣдалъ міръ... И будетъ эта сила вѣковѣчною; ибо не насиліемъ сложится, а правдою.»

* * *

Послѣ этой статьи стали учащаться совѣты перевести изданіе въ Англію, — совѣты вести его тамъ подъ тѣмъ же знаменемъ, замѣнивъ только эзоповскій языкъ простою русской рѣчью. Конечно никогда, ни при какихъ условіяхъ мы не назовемъ тѣхъ дорогихъ намъ соотчичей, которые прямо предлагали всѣ нужныя для того матеріальныя средства, видя что преслѣдованіями «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» я разоренъ, и безъ сторонней помощи не могъ думать о переводѣ изданія за границу. Отмѣчаю этотъ отрадный фактъ, какъ доказательство того, что въ русскомъ обществѣ еще имѣются люди, коихъ гражданскій кодексъ не исчерпывается «шкурнымъ интересомъ». Такіе отклики шли отъ лицъ безусловно благонадежныхъ, желавшихъ только, что бы не умолкъ единственный органъ открыто и по пятамъ слѣдившій за всесильнымъ Chrétien-Juif.

Какъ бы ни было, смыслъ такихъ благожелательныхъ совѣтовъ сводился къ тому, чтобы дружина работавшая подъ знаменемъ «Русской Жизни», или хотя часть ея, или одинъ вдохновитель ея бѣжали изъ отечества и продолжали служеніе ему, т. е. продолжали надзирать за безнадзорнымъ Chrétien-Juif, заполонившимъ самодержавныя права Царя и проявившимъ ихъ прямо или косвенно чуть не по отношенію ко всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Читатель, конечно, не удивится, узнавъ что такіе же благожелательные совѣты, но только съ большею настоятельностью и укоризною за неслѣдованіе имъ услыхали мы послѣ насильственнаго прекращенія «Русской Жизни» — когда весь городъ говорилъ: c'est une rancune de Witte.

Но не бѣжавшему отъ Прадѣда, Дѣда и Отца Императора Николая II достоитъ ли бѣжать отъ Него Самого — да еще послѣ событія 14 ноября, о которомъ будетъ сказано въ главѣ VI. Развѣ задача свергнуть съ родины экономическое иго путемъ возстановленія самодержавныхъ правъ Царя и открытіемъ доступа къ Нему правдѣ народной изъ первоисточника — развѣ такая задача преступна? Развѣ борьба съ хитителями самодержавныхъ правъ Царя и съ союзомъ Chrétien-Juif, ведена была мною подпольными путями, а не открытой рѣчью съ представленіемъ каждый разъ поличнаго, достойнаго критики и осужденія? Почему же въ самомъ дѣлѣ «Русская Жизнь» прямо указывала на мотивы такого ея отношенія къ Chrétien-Juif и къ породившему его союзу бюрократіи съ плутократіей, а казнили ее безъ объявленія мотивовъ? Мы понимаемъ такую казнь во владѣніяхъ Менелика, Насръ-Эдина или Бухарскаго Эмира; мы видѣли казни безъ мотивовъ и въ Болгаріи во дни правленія изрубленнаго на дняхъ Стамбулова, но во владѣніяхъ народомъ призванной династіи Романовыхъ исторія еще не заносила на свои страницы такого пріема, какъ не заносила она появленія самодержавныхъ правъ Царя христіанскаго, да еще православнаго, въ рукахъ союза Chrétien-Juif...

Печатаемыя ниже письма Государю и В. К. Константину Константиновичу были писаны мною не по личной инициативѣ. Я писалъ ихъ, уступая настояніямъ массѣ читателей, въ своихъ письмахъ ко мнѣ возмущавшихся такимъ небывалымъ судомъ. Самъ же я былъ убѣжденъ въ безполезности такихъ обращеній; и былъ правъ. Нѣсколько недѣль спустя по отсылкѣ письма Государю, я получилъ бумагу за подписью того же г. Дурново, что Его Величество соизволилъ отказать мнѣ даже въ томъ, въ чемъ не отказываютъ самому тягчайшему преступнику, т. е. въ судѣ для выясненія мотивовъ лишенія добраго имени и достоянія.

И если изъ нижеизложеннаго читатель убѣдится въ томъ, что совѣсть и правда на моей сторонѣ, а не на сторонѣ «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» то и согласится, что слагать оружіе при такихъ условіяхъ было бы дѣломъ противнымъ присягѣ и чести. Прочитавшій до конца изложенное въ этой книгѣ едва ли найдетъ поводы къ возраженію на такое рѣшеніе, если онъ считаетъ присягу Царю не шуткой, а чувство гражданственности чувствомъ обязательнымъ для вѣрнаго слуги своей родины.

Выборъ путей для продолженія вышеозначеннаго служенія Престолу и Отечеству не могъ быть затруднительнымъ, такъ какъ всѣ карты теперь открыты. Но для вѣрной оцѣнки намѣченнаго плана дѣйствій, я, ранѣе его изложенія, долженъ предложить читателю нѣсколько страницъ подготовительныхъ къ справедливому приговору объ этомъ планѣ.

Итакъ, освобожденіе родины отъ тягчайшаго ига экономическаго, а для того возвратъ къ монархіи отъ анархіи путемъ возстановленія путей къ Царю нуждамъ и горю народному изъ первоисточника — вотъ моя задача.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще три случая въ этой борьбѣ моей за самодержавіе.

Случай первый. Вскорѣ послѣ того какъ Chrétien-Juif добился объявленія перваго предостереженія «Русской Жизни», я встрѣтилъ покойнаго митрополита Московскаго Леонтія при слѣдующей обстановкѣ: онъ выходилъ изъ квартиры бывшаго товарища оберъ-прокурора синода, нынѣ сенатора, Н. П. Смирнова, имъ же провожаемый, а на слѣдующей площадкѣ лѣстницы ожидала митрополита группа чиновниковъ канцеляріи оберъ-прокурора. И вотъ, увидя меня, митрополитъ громко сказалъ: «Что это за невзгоды на «Русскую Жизнь». Къ вашимъ статьямъ можно бы подписаться обѣими руками.»

Случай второй. Узнавъ, что въ числѣ подписчиковъ «Русской Жизни» значится О. Іоаннъ Кронштадтскій, я обратился къ нему и имѣлъ съ нимъ двѣ бесѣды. Первую, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, по пути изъ Петербурга въ Москву, я имѣлъ еще во дни царенія Вышнеградскаго, послѣ дошедшихъ до меня изъ достовѣрнаго источника слуховъ о выраженномъ имъ намѣреніи заставить замолчать «Русскую Жизнь». Второй разъ о. Іоаннъ напутствовалъ меня пророческими словами, сказанными имъ при второмъ моемъ обращеніи къ нему во дни такого гоненія на «Русскую Жизнь» преемника Вышнеградскаго, что самые пріемы гоненія ясно говорили о томъ, что и въ этого рода творчествѣ ученикъ превзошелъ своего учителя.

Пригласивъ меня слушать обѣдню въ алтарѣ церкви дома трудолюбія въ Кронштадтѣ, О. Іоаннъ, по окончаніи литургіи, подошелъ ко мнѣ съ просфорой и теплотой и спросилъ, съ какой нуждой я къ нему обращаюсь? Я отвѣтилъ, что изнемогаю въ борьбѣ за то дѣло, ради котораго основалъ «Русскую Жизнь», при чемъ вкратцѣ выяснилъ ему, за что ведется борьба и съ кѣмъ. Тогда, возложивъ на меня руки, о. Іоаннъ ска-

залъ: «высоко Вы доведете «Русскую Жизнь»; идите съ Богомъ.» И благословивъ и обнявъ меня, онъ отошелъ на молитву.

Я называю эти слова пророческими потому, что объявить о прекращеніи «Русской Жизни», т. е. лишить меня всего достоянія и всенародно заклеймить какимъ-то пятномъ неблагонамѣренности, безъ объявленія мотивовъ такой лютой казни, возможно только въ томъ случаѣ, если этихъ мотивовъ нѣтъ. Такъ же точно и увѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе убѣдить Царя отказать мнѣ въ судѣ для выясненія этихъ мотивовъ, т. е. отказать въ томъ въ чемъ не отказываютъ тягчайшему изъ преступниковъ, — значило, что преступникъ не преступникъ, а самая казнь поменьшей мѣрѣ недоразумѣніе, въ которое вовлечены были члены «en petit comité» при закрытыхъ дверяхъ. — Стало быть, официально признано и всенародно объявлено, что служеніе «Русской Жизни» было именно тѣмъ единственнымъ бревномъ, которое встрѣтилъ на пути своемъ безнадзорный, безконтрольный, безотвѣтственный и всемогущій Chrétien-Juif... И въ этомъ я не каюсь; отъ такой задачи не отрекаюсь; и не отойду отъ нея до послѣднихъ дней. Ибо не по одному убѣжденію моему или какой-либо группы людей, а по фактамъ неоспоримымъ осязаемымъ и даже по собственному личному признанію, случайно вырвавшемуся у самого Chrétien-Juif, онъ является бѣдствіемъ для Россіи. Читатель увидитъ ниже, что не одни пророческія слова О. Іоанна, а и другія знаменія указываютъ, что такое опредѣленіе значенія Chrétien-Juif признано и судомъ Божіимъ и человѣческимъ.

Третій случай въ этой борьбѣ моей былъ уже послѣ всенародной казни «Русской Жизни», въ тѣ дни когда съ особенной настойчивостью мнѣ предлагали всѣ средства для того чтобы продолжать вести борьбу съ Chrétien-Juif переведя изданіе въ Англію. Молва давно указывала на протоіерея Московскаго Архангельскаго собора Валентина Амфитеатрова и какъ на выдающагося своимъ подвигомъ и вліяніемъ на паству, и какъ на высоко образованную и свѣтлую личность. Я поѣхалъ въ Москву; говѣлъ у него, и открылъ ему на исповѣди все, что читатель найдетъ въ этой книгѣ. Исповѣдь была письменная и устная, длилась почти два дня, и между нами ничего не осталось недосказаннаго; а въ результатѣ — совѣтъ не только не покидать родины, а на оборотъ вернуться въ Москву, на старое гнѣздо, гдѣ «найдемъ, сказалъ онъ, много, много дѣла и всѣ нужныя для того средства». Но вѣдь главный лагерь Chrétien-Juif не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и наблюденіе за нимъ — такое дѣло, равнаго которому въ данную минуту нѣтъ.[1] Стало быть, вопросъ былъ исчерпанъ, и я былъ правъ въ томъ, что

---

1 Читателю быть можетъ неизвѣстно, что Chrétien-Juif сосредоточилъ теперь всѣ свои силы надъ рѣшеніемъ вопроса: какимъ бы научнымъ путемъ вызволить громадные запасы золота изъ государственныхъ кладовыхъ. Это будетъ послѣднее, это все, чего остается только желать Union Israélite Universelle... А откуда эти запасы золота «наши новые государственные финансовые дѣятели» сами объясняютъ такъ: «Въ настоящее время, какъ въ обществѣ такъ и въ народѣ денегъ почти совсѣмъ нѣтъ.» И какихъ денегъ? «Такихъ, которыя доставили бы средства для удовлетворенія самой главной, давно назрѣвшей потребности Россіи — для распространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію». Н. Х. Вессель: «Наша новая государственная финансовая дѣятельность», стр. 276 — книга, изданная на деньги министерства финансовъ... Такъ вотъ какой цѣной пріобрѣтены Chrétien-Juif эти запасы золота! Вотъ каковы пріёмы и итоги нашей блестящей экономической и финансовой политики послѣдняго десятилѣтія!!..

обязанность моя, какъ вѣрноподданнаго, не бѣжать отъ Государя Николая II, а наоборотъ продолжать служить Ему вѣрой и правдой, какъ я служилъ Его Прадѣду, Дѣду и Отцу. И вотъ, какъ разумѣю, такъ и пытаюсь въ нижеизложенномъ отстаивать исторически сложившійся государственный строй и указать способы къ возстановленію прямыхъ путей для правды къ Царю изъ первоисточника.

* * *

Эта книга печатается не для распространенія въ публикѣ и не для продажи, а будетъ разослана только членамъ Царствующаго Дома, нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, членамъ Государственнаго Совѣта, сенаторамъ, предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ губернскихъ городовъ, архіереямъ, и протоіереямъ о. Іоанну Сергіеву и Валентину Амфитеатрову. Такимъ образомъ, книга предлагается для прочтенія тѣмъ лицамъ, въ средѣ которыхъ нѣтъ умовъ незрѣлыхъ, имѣется вѣроятность присутствія независимыхъ отъ Chrétien-Juif, и обладающихъ болѣе или менѣе продолжительнымъ житейскимъ и служебнымъ опытомъ, да довѣріемъ Царя и Россіи.

Мѣстожительство автора: С. Петербургъ, Большая Морская 23/12, гдѣ и можно получить отъ него всѣ разъясненія, буде таковыя потребуются.

II.

САМОДЕРЖАВІЕ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ТРИ ЦАРСТВОВАНІЯ И КОНСТИТУЦІОННЫЕ ПЛАНЫ.

Въ жизни общества и государства, какъ и въ жизни частнаго человѣка, появляются признаки, по которымъ, какъ по вѣхамъ на пути, можно судить объ уклоненіи отъ прямой дороги. По отдѣльнымъ дѣяніямъ и самому характеру дѣятелей, всплывающихъ на поверхность теченія общественной жизни, распознаются конечныя ихъ цѣли, предсказываются даже судьбы общества и государства.

Всякому извѣстно, что чѣмъ выше уровень развитія человѣка зараженнаго преступными замыслами, тѣмъ разнообразнѣе пріемы, орудія и самые объекты хищенія. А такъ какъ власть, или вліяніе на имущихъ власть, суть орудія, передъ которыми нерѣдко безсильно даже правосудіе, то весьма естественно, что къ захвату этихъ орудій силы культурныхъ хищниковъ прежде всего и направляются. Въ эпоху, когда, по признанію Императора Николая I, «Россіей управляли столоначальники», вышеуказанныя орудія пріобрѣтались сравнительно недорогою цѣной. Въ борьбѣ этого Царя-рыцаря съ такимъ страшнымъ врагомъ, какъ эпидемія хищеній, встрѣчаются мѣры самыя разнообразныя: сенаторскія ревизіи; производство дознаній, поручавшихся Государемъ лицамъ, Ему близко извѣстнымъ; требованіе списковъ лицъ, занимающихъ высокіе посты, съ обозначеніемъ, въ чемъ заключается имущественное достояніе каждаго, при чемъ на лаконическую отмѣтку «гдѣ взялъ»? надлежало дать Царю отвѣтъ точный, подъ страхомъ гнѣва и наказанія.

Все это, въ связи съ многими другими мѣропріятіями того же характера, не приносило желательныхъ результатовъ. И самъ Царь при выходѣ изъ перваго представленія Ревизора сказалъ: «тутъ досталось всѣмъ, а мнѣ больше всѣхъ». Признаки разложенія имѣлись на лицо, но Царя старались убѣдить, что указаніе этихъ признаковъ составляетъ дѣло людей неблагонадежныхъ или безпокойныхъ; что, наоборотъ, вездѣ «все обстоитъ благополучно»; и стоитъ лишь зажать рты именуемымъ безпокойными и неблагонадежными, какъ исчезнутъ всѣ тревожные признаки.

Зажали рты; «безпокойныхъ» удалили; «неблагонадежныхъ» не слушали; признакамъ разложенія не вѣрили, и въ концѣ концовъ подъ развалинами Севастополя одновременно хоронили и Царя — рыцаря, и славу его, и сотни тысячъ лучшихъ сыновъ Россіи. Престижъ Россіи былъ подорванъ, и страна разорена . . .

Таковъ былъ результатъ «управленія Россіей столоначальниками».

* * *

Съ воцареніемъ Александра II-го послѣдовалъ періодъ великихъ реформъ. Но рядомъ съ ними мы видимъ тѣ же вражескія силы уже въ видѣ правильно организованнаго союза бюрократіи съ плутократіей — союза, всецѣло захватившаго фактическую самодержавную власть въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Этотъ «союзъ» породилъ прежде всего государственный нигилизмъ, т. е. отрицаніе исторически сложившейся власти и законовъ страны. Спускаясь ниже и ниже нигилизмъ пріостановился въ своемъ побѣдоносномъ шествіи лишь I-го марта на порогѣ въ самую толщу населенія, одинаково пораженную и ужасомъ цареубійства и несправедливостью людской къ благожелательнѣйшему изъ людей.

Вся бѣда, вся сила и самое долголѣтіе русскаго нигилизма исходили изъ ложной оцѣнки его происхожденія. Членамъ союза бюрократіи съ плутократіей не нравились поиски исчезнувшей куда то законной фактической государственной власти и ея настоящихъ похитителей. Хулителей власти искали вездѣ, даже среди школьниковъ, но обходили ея расхитителей, — обходили именно ту среду, гдѣ хищники укрывались, группировались, обогащались и пировали подъ флагомъ союза бюрократіи съ плутократіей. Они обогащались злоупотребляя похищенной властью и расхищая народное достояніе, — пировали въ то время, когда возвышавшіе голосъ свой противъ такой вакханаліи подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ . . . Вотъ тотъ путь, которымъ Россія перешла отъ монархіи къ анархіи.

Итакъ, анархія заняла мѣсто монархіи, экономическое иго замѣнило только — что отмѣненное крѣпостное иго, и кровавое событіе I Марта — вотъ результатъ управленія Россіей союзомъ бюрократіи съ плутократіей.

* * *

Государственный нигилизмъ, насажденный союзомъ бюрократіи съ плутократіей, дошелъ наконецъ до такого развитія, что не только въ обществѣ, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, не исключая самого министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, открыто признавали конституцію единственнымъ спасеніемъ и Царя, и Россіи. Объявляя исторически сложившійся государственный строй отжившимъ, сторонники конституціи упустили изъ виду, что изъ ста двадцати милліоновъ населенія уровень развитія не менѣе ста милліоновъ почти тотъ же, который былъ въ то время, когда народъ билъ челомъ боярынѣ Романовой отпустить Михаила на царство. Они судили по Петербургу, Москвѣ

и тѣмъ окраинамъ, гдѣ культура дѣйствительно сказалась во многихъ проявленіяхъ. Но вѣдь это была лишь капля въ русскомъ морѣ... Матерая же стомилльонная Русь, безграмотная и бездорожная, съ увольненіемъ трехсотъ тысячъ испрaвниковъ (такъ называлъ Николай I помѣщиковъ) прозябала все въ той же курной избѣ, чуть ли не въ одномъ съ рабочимъ скотомъ помѣщеніи. Рядъ разнообразныхъ и всѣмъ извѣстныхъ причинъ вызвалъ бѣгство дворянъ изъ деревни. Они бѣжали отъ земли и народа, кто куда могъ, предлагая наперерывъ услуги свои всѣмъ, не исключая и членовъ «союза», ради пополненія своего оскудѣвшаго бюджета.

Сторонники конституціи забыли, что въ исторіи большей части народовъ и народцевъ, вошедшихъ въ составъ Русской Имперіи, были и свѣтлыя страницы, были періоды, когда они не знали ни анархіи, ни рабства. У Русскаго же народа промежутокъ между игомъ крѣпостнымъ и игомъ экономическимъ былъ столь кратковременный, что не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ. И если подъ страхомъ наказанія можно заставить дѣтей нашихъ инородцевъ и иновѣрцевъ говорить по русски даже въ рекреаціонные часы въ школахъ; если отцевъ ихъ, не исключая и незнающихъ русскаго языка, можно судить на русскомъ языкѣ и заставить въ извѣстныхъ случаяхъ заявлять вслухъ, что они люди русскіе; если изъ числа этихъ подданныхъ Русской Державы всегда были и будутъ вѣрные слуги русскаго общества и государства, — то можно ли заставить ихъ думать, что вѣра ихъ предковъ хуже вѣры побѣдителей и что языкъ побѣдителей долженъ быть если не исключительнымъ, то преобладающимъ для нихъ языкомъ? Можно ли наконецъ у большинства изъ нихъ вытравить преданія, заставить забыть исторію или хотя однѣ ея свѣтлыя страницы? И вотъ, подъ давленіемъ этихъ-то преданій, въ Россійскомъ парламентѣ представители нашихъ инородцевъ и иновѣрцевъ мало по малу слились бы въ общемъ стремленіи къ возрожденію былаго, къ отторженію отъ страны рабовъ, какой остается Россія и до сего дня, и мы очутились бы лицомъ къ лицу не съ однимъ лишь польскимъ, финляндскимъ и нѣмецкимъ сепаратизмами, а съ таковыми же стремленіями и иныхъ народовъ и народцевъ, составляющихъ нашу колоссальную мозаику. Въ запискахъ тестя моего Приклонскаго, бывшаго Костромскимъ губернаторомъ въ сороковыхъ годахъ, я нашелъ указанія, что еще въ то время не только въ Царствѣ Польскомъ и въ Остзейскомъ краѣ, но даже и въ Сибири была группа людей мечтавшихъ объ ея отторженіи и независимости. Спрашивается, что же получилось бы въ результатѣ отъ этой неминуемой сплоченности въ Россійскомъ парламентѣ представителей инородцевъ и иновѣрцевъ? Къ тому же нельзя забывать, что культура ихъ выше культуры кореннаго населенія, а исторія ихъ не сплошная исторія рабства...

Одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей, имя котораго болѣе четверти вѣка высоко цѣнится нашей интеллигенціей, находилъ мои опасенія преувеличенными. Онъ утверждалъ, что представители кореннаго населенія въ Россійскомъ парламентѣ поглотили бы представителей инородцевъ и иновѣрцевъ, и въ итогѣ получилось бы не разрушеніе мозаики, а ея укрѣпленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ бы произволъ горсти людей, подѣлившихъ между собой самодержавіе и фактически его упразднившихъ; исчезло бы и безправіе остального населенія.

Но такъ ли это? Въ чемъ проявило коренное населеніе не только такую силу, но даже предвѣстницу ея — сплоченность — ту сплоченность, которую видимъ у насъ среди

всѣхъ народовъ и народцевъ въ борьбѣ за самобытность? Гдѣ, въ чемъ нашъ патріотизмъ? Кто его носители и представители? Укажите среди нашего кореннаго населенія что-нибудь подобное тому чувству гражданственности, которое проявляется на каждомъ шагу у нашихъ инородцевъ и иновѣрцевъ? Ничего подобнаго не укажете и не найдете. Коренное населеніе отъ одного рабства освобождалось и сдавалось другому рабству. Иго монгольское уступило мѣсто крѣпостному, а это послѣднее въ свою очередь уступило мѣсто экономическому игу. Развѣ на такой почвѣ можетъ зараждаться и развиваться чувство гражданственности въ массахъ населенія? . . Сбросьте съ Русскаго народа это послѣднее тягчайшее изъ всѣхъ экономическое иго и все остальное ему приложится. И если бы конституція была единственнымъ для того средствомъ, если бы ею одною можно было устранить безправіе населенія, то планы конституціоналистовъ пожалуй имѣли бы за собой извѣстныя основанія. Но вѣдь это не такъ; и прежде чѣмъ ломать строй, исторически сложившійся и съ народомъ сроднившійся, слѣдовало бы поискать въ немъ самомъ, въ этомъ строѣ, исхода изъ настоящаго положенія. Но объ этомъ вовсе не заботились, и Императору Александру III передали такое наслѣдіе:[1]

Во 1-хъ) экономическое иго въ странѣ; во 2-хъ) государственный нигилизмъ въ правящихъ сферахъ, прикрытый флеромъ; въ 3-хъ) самодержавіе, обращенное чуть не въ одиночное заключеніе; и въ 4-хъ), для монархіи, уступившей мѣсто анархіи, уже былъ изготовленъ проэктъ конституціи, ожидавшій на столѣ Царя только его подписи.

Нашлись однако люди, которые взамѣнъ подписи объ отрѣченіи отъ самодержавія предъявили Государственному Совѣту, а затѣмъ и всей Россіи, подпись Царя о возстановленіи самодержавныхъ правъ во всей ихъ совокупности.

Манифестъ, авторомъ котораго признаютъ г. Побѣдоносцева, былъ событіемъ историческимъ. Но онъ былъ бы и величайшей заслугой и спасеніемъ страны отъ анархіи, если бы проведенъ былъ въ жизнь, а не остался мертвой буквой.

Чтобы покончить съ анархіей, мало было подписи Царя на манифестѣ, сочиненномъ талантливымъ министромъ. Дѣломъ разума и совѣсти совѣтниковъ Царя было не одно лишь сочиненіе манифеста, но и доведеніе до слуха и сердца Царева того, чего жаждалъ, чего ждалъ отъ Него народъ, — тѣхъ подвиговъ, на которые указывалъ самый смыслъ манифеста.

Вотъ тѣ три Царственныхъ подвига, которыхъ ждалъ народъ, на которые имѣла право страна, какъ на единственный путь перехода отъ анархіи къ монархіи:

1) Прекращеніе пользованія самодержавными правами со стороны всякаго, кто только склоненъ къ ихъ хищенію, и сосредоточеніе этихъ правъ, т. е. возвратъ ихъ въ тѣ руки, въ которыя только и вручены были они народомъ.

---

[1] Другое весьма распространное возраженіе (слышалъ даже въ дворцовыхъ сферахъ) что для страны рабовъ, какова Россія, нѣтъ другаго выхода изъ настоящаго положенія, какъ путемъ такой же «всеобщей встряски, какою была Крымская война».

Смѣю думать, что изъ нижеизложеннаго читатель убѣдится въ томъ, что и безъ такой встряски можно покончить съ анархіей, т. е. навсегда оградить Верховную Власть отъ расхищенія и злоупотребленія и сбросить съ народа бремя ига экономическаго.

2) Открыть пути правдѣ отъ народа къ Царю изъ первоисточника, и

3) Объявить особымъ манифестомъ со всевозможною торжественностью и гласностью, что отнынѣ Уложеніе о наказаніяхъ, какъ и всѣ законы, Самодержцемъ изданные, равно обязательны для всѣхъ безъ изъятія. И не только объявить, но и исполнить объявленное.

Въ печатаемомъ ниже письмѣ къ В. К. Константину Константиновичу читатель найдетъ достаточно матеріала для сужденія о законности этихъ ожиданій. Въ этой же книгѣ я укажу и на возможность ихъ исполненія.

Идеальное въ мірѣ — одно лишь мірозданіе. И какія бы слабыя стороны не были присущи монархіи самодержавной, все же для такой мозаики, какъ Россія, монархія не только лучше анархіи, но при существующемъ уровнѣ развитія кореннаго населенія и единственная форма бытія.

III.

СОЮЗЪ CHRÉTIEN-JUIF. ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА И ФИНАНСОВЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Бездѣятельность приверженцевъ самодержавія конечно была весьма выгодна для союза бюрократіи съ плутократіей; «союзъ» осмотрѣлся и приспособился къ обстоятельствамъ — преобразовавшись изъ союза бюрократіи съ плутократіей въ союзъ Chrétien-Juif.

Величайшаго къ себѣ вниманія въ союзѣ Chrétien-Juif требуетъ іудаизмъ какъ душа этого союза, справедливо именуемаго «фактическимъ величествомъ». Для читателя мало знакомаго съ еврейскимъ вопросомъ необходимо хоть въ краткомъ очеркѣ дать объ іудаизмѣ представленіе ясное и истинное или хотя-бы только посильное намъ, послѣ многолѣтняго изученія еврейскаго вопроса. Но такъ какъ не намъ же судить о степени вѣрности своихъ выводовъ, то мы не поскупимся и на иллюстраціи, подчасъ болѣе разъясняющія и убѣждающія, чѣмъ какія бы ни было слова и рѣчи.

Едва ли кто будетъ оспаривать, что іудаизмъ — явленіе міровое. Какъ племя, евреи, подобно эллинамъ, племя міродержавное въ духовномъ, конечно, смыслѣ. Идея всечеловѣчества внесена въ міръ іудеями же — Христомъ и апостолами. И если мы взяли отъ нихъ Христа и апостоловъ, то не могли отнять вѣковой исторіи у этого богато одареннаго племени, — той исторіи, на почвѣ которой подготовилась идея всечеловѣчества; а стало быть не все же человѣческое мы отъ нихъ взяли. Изученіе еврейскаго вопроса привело меня къ убѣжденію, что православные христіане, культурные и некультурные, духовные и мірскіе, такъ именно и разумѣютъ іудаизмъ. Когда на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ Достоевскій впервые сказалъ и доказалъ, что только православный русскій человѣкъ и есть искомый «всечеловѣкъ», то около 3000 интеллигентныхъ слушателей, которыхъ только и могла вмѣстить зала дворянскаго собранія, пришли въ такое состояніе просвѣтленія, восторга и умиленія, которое не поддается никакому описанію. Около получаса длился экстазъ. Аксаковъ, за которымъ была очередь, взошелъ на кафедру взволнованный не менѣе окружавшей меня молодежи и отказался отъ рѣчи въ такихъ выраженіяхъ: «теперь — сказалъ онъ — болѣе говорить нечего; словомъ Достоевскаго

все сказано». И только послѣ неотступной просьбы всей трехтысячной аудиторіи неохотно сталъ читать свою рѣчь, словно исполняя тяжелую повинность.

Во время перваго еврейскаго погрома въ Нижнемъ, когда еврей Дайцельманъ, подрядчикъ, былъ буквально разорванъ пополамъ толпой пьяныхъ крючниковъ, депутаты отъ трехъ сотъ его рабочихъ — простыхъ плотниковъ, стало быть «всечеловѣковъ» некультурныхъ, — пришли къ губернатору и сказали: «если бы мы знали, что хозяинъ нашъ въ опасности, то всѣ какъ одинъ человѣкъ съ топорами пошли бы на его выручку». — А вѣдь рвали-то Дайцельмана, какъ отрицающаго Христа, такіе же некультурные люди и христіане, да только пьяные.

Во дни еврейскихъ погромовъ на югѣ тѣ-же всечеловѣки, молодые и старые, трезвые и подвышившіе, уставляли своими иконами окна жилищъ тѣхъ евреевъ, которыхъ завѣдомо признавали не за лиходѣевъ.

Молодой, умный, ученый сельскій священникъ Московской губерніи, разрѣшившій въ своей паствѣ мужу отпустить жену свою въ кормилицы младенца еврея, дѣйствовалъ сознательно. Эта же кормилица на мой вопросъ, какъ рѣшилась она молокомъ своимъ вскармливать отрицающаго Христа, да и не только кормить, но и привязаться къ нему, и ласкать, и лелѣять его какъ бы своего собственнаго ребенка или младенца-христіанина, спокойно и безъ запинки отвѣтила, любовно глядя на спящаго на рукахъ ея младенца — еврея, такъ: «вѣдь и это Божіе дитя».

Я нарочно взялъ изъ разныхъ слоевъ православнаго міра культурнаго и некультурнаго свидѣтельства о томъ, что идея всечеловѣчества живетъ въ немъ не съ Пушкинскаго только праздника. На этомъ праздникѣ можно признать развѣ за «новое слово» тотъ выводъ Достоевскаго, что идея всечеловѣчества только и можетъ вмѣщаться въ христіанинѣ православномъ. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ; не мало о томъ передумано; не мало источниковъ въ литературѣ духовной и свѣтской пересмотрѣно, и если потраченное на то время можно признать производительнымъ, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что производившему эти изслѣдованія можно теперь съ полнымъ убѣжденіемъ сказать читателю: да, Достоевскій правъ въ своихъ выводахъ. А если онъ правъ, то стало быть для насъ евреи — такіе же люди, какъ и мы, и союзъ Chrétien-Juif можетъ и не внести и не привить намъ, православнымъ, того разлагающаго начала, отъ котораго застонала вся западная Европа, — лишь бы сами мы не зѣвали и за нимъ наблюдали. Скажу болѣе, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что этотъ союзъ т. е. нашъ Россійскій — вѣрнѣе Петербургскій — Chrétien-Juif даже при самой энергичной поддержкѣ Еврейскаго Всемірнаго Союза (Alliance israélite universelle) не въ силахъ надѣлать намъ столько бѣдъ, чтобы вызвать такой стонъ, который уже слышится на западѣ. И вотъ почему: тамъ онъ нашелъ почву въ атеизмѣ; тамъ онъ занялъ мѣсто, освободившееся послѣ того, какъ изъ христіанской школы выбросили изображеніе Христа и разумомъ вздумали замѣнить вѣру; тамъ человѣкъ возгордился до степени отрицанія той силы, Богомъ именуемой, которая неизвѣданными путями создала въ этомъ возгордившемся человѣкѣ именно то, что стало предметомъ его гордыни, и отрицаніе замѣнило собою смиреніе и сыновнюю признательность. Вотъ этой-то гордыни въ православіи нѣтъ и слѣдовъ; и во всей свыше-тысячелѣтней исторіи Руси нѣтъ ни одного даже самаго краткаго періода, въ который можно бы было уловить хотя позывъ къ такой гордынѣ. Безъ Наполеоновъ,

Бисмарковъ, Кавуровъ и имъ подобныхъ прославленныхъ именъ эта же православная Русь такимъ историческимъ подвигомъ себя ознаменовала, которому подобнаго нѣтъ въ исторіи другихъ народовъ. Да и что сталось бы съ западной Европейской культурой, а пожалуй и со всѣмъ міромъ христіанскимъ, если бы у воротъ міра нехристіанскаго не стояла рать православная, неспособная уступить Христа? . . .

Все здѣсь вскользь отмѣченное мы разовьемъ подробно въ томъ выпускѣ нашей книги, гдѣ будемъ говорить о еврейскомъ вопросѣ; въ данную же минуту останавливаемся на слѣдующихъ положеніяхъ: союзъ Chrétien-Juif не въ силахъ отнять Христа у православнаго русскаго народа. Православные члены этого союза, этого фактическаго величества, подтверждаютъ своимъ именнымъ спискомъ лишь то, что всякое правило имѣетъ исключенія. Обезвредить союзъ, т. е. сохранить только одни полезные для страны элементы, въ этомъ союзѣ имѣющіеся, возможно тремя нижеслѣдующими мѣрами: прежде всего увѣнчаніемъ зданія по той схемѣ, которая изложена въ VI гл. въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Рихтеръ. Только въ немъ одномъ, въ такомъ «увѣнчаніи зданія», союзъ бюрократіи съ плутократіей и союзъ Chrétien-Juif встрѣтятъ непреодолимыя препятствія къ захвату самодержавныхъ правъ, т. е. фактическаго самодержавія, со всѣми его пагубными для Царя и Царства послѣдствіями. Вторая мѣра упраздненіе Комитета Министровъ или, какъ въ обществѣ называютъ его, «комитета взаимнаго одолженія». Ибо всякому извѣстно, что любое представленіе министра, по которому ожидается въ Государственномъ Совѣтѣ болѣе или менѣе сильная оппозиція, вносится именно въ комитетъ министровъ потому, что оно всегда пройдетъ въ «комитетѣ взаимнаго одолженія». Сегодня одинъ министръ уступастъ другому, чтобы завтра самому просить уступокъ. И третья мѣра — выдѣленіе государственной полиціи изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ совершенно особое, ни отъ кого не зависимое учрежденіе, и съ такимъ шефомъ во главѣ, котораго страна знала бы какъ гражданина вѣрнаго присягѣ, умнаго, съ безупречнымъ прошлымъ, и, въ силу ли своихъ скромныхъ привычекъ или наличнаго достатка, не имѣющаго надобности заискивать благосклонность союза Chrétien-Juif.

* * *

Усиленный іудаизмомъ «союзъ» смѣло пошелъ на самодержавіе. Іудаизмъ въ «союзѣ» оказался крупной силой и привелъ въ исполненіе планъ воистину геніальный. Опаснымъ для хищниковъ, т. е. для союза Chrétien-Juif представлялся только безусловно честный, пользовавшійся Европейской извѣстностью какъ ученый финансистъ, министръ финансовъ Н. Х. Бунге. Стало быть Chrétien-Juif и долженъ былъ начать именно съ него.

И планъ былъ осуществленъ блистательно, при самомъ дѣятельномъ участіи того-же всесильнаго Каткова, уже состоявшаго подъ надзоромъ приставленнаго къ нему «союзомъ» въ качествѣ «недрѣманнаго ока» профессора Медиц. Академіи Щіона, принявшаго и другую вѣру и другую, требуемую обстоятельствами, профессію.

И вотъ, сначала членомъ государственнаго совѣта, а затѣмъ и министромъ финансовъ былъ назначенъ самый выдающійся по своей дѣятельности членъ того-же «союза» Вышнеградскій . . . Незнакомство его съ теоріей и практикой столь сложнаго дѣла какъ

государственные финансы было фактомъ общеизвѣстнымъ, а потому тотъ-же Катковъ и рекомендовалъ ему въ помощники Ціона, какъ лучшаго изъ сотрудниковъ, какъ человѣка достойнаго довѣрія, какъ патріота въ духѣ Московск. Вѣдомост. послѣдняго ихъ періода, и какъ ученаго финансиста.

Не будемъ воспроизводить реплики г. г. Каткова, Побѣдоносцева и Толстого на укоризненные возгласы назначенію Вышнеградскаго: эти реплики были вызваны всеобщимъ изумленіемъ и негодованіемъ, которое вылилось тогда въ прозѣ, стихахъ, легендахъ и сказкахъ; достаточно вспомнить легенду о присягѣ Вышнеградскаго передъ чудотворной иконой въ Казанскомъ соборѣ при участіи г. г. Побѣдоносцева и Толстого. Словомъ, ликовала лишь небольшая группа; и очень скоро Россія получила новое подтвержденіе того, что «гласъ народа» дѣйствительно иногда «гласъ Божій» . . .

Оцѣнку дѣятельности Вышнеградскаго, какъ министра, предоставимъ Г. Витте — старшему изъ его учениковъ, бывшему его правою рукой, имъ, Вышнеградскимъ, выдвинутому, облагодѣтельствованному и даже указанному Царю, какъ единственно достойнымъ себѣ преемникомъ. Предлагаю читателю или прочесть книгу «Наша новая государственная финансовая дѣятельность», написанную Г. Весселемъ при столь живомъ участіи Г. Витте, что и трудъ Г. Весселя не остался неоплаченнымъ, и даже типографщикъ, печатавшій книгу, получилъ уплату отъ министерства финансовъ; или читатель можетъ ограничиться и одними приведенными въ этой моей книгѣ выписками, чтобы составить себѣ ясное представленіе о задачахъ автору данныхъ, и объ ихъ выполненіи.

Іудаизмъ разжигала нетолько жажда къ кассовымъ пріобрѣтеніямъ, но и накипѣвшее чувство озлобленія за тѣ стѣсненія ихъ гражданскаго быта, которыя никогда не доходили до такой степени, какъ въ царствованіе Александра III. По показанію многихъ евреевъ, даже такія мѣры, какъ облавы на нихъ и ловля ихъ дѣтей для обращенія въ кантонисты въ царствованіе Николая I, при чемъ изловленныхъ нерѣдко отправляли буквально въ мѣшкахъ, — что даже такія мѣры не вызывали большаго озлобленія, чѣмъ одна такая мѣра какъ «исходъ евреевъ изъ Москвы» . . . Какъ-бы то ни было, но всесильный въ то время и обладавшій уже не малыми капиталами Катковъ сдѣлался первымъ объектомъ іудаизма. И вотъ, сначала всѣ капиталы его, т. е. касса «Московскихъ Вѣдомостей», оказывается перемѣщенною въ кассу одного изъ главарей этой группы, и талмудистъ-медикъ Ціонъ, превращенный въ христіанина и спеціалиста по государственнымъ финансамъ, является выдающимся сотрудникомъ того же органа и завоевываетъ себѣ и симпатіи и довѣріе Каткова. Такая сила, какъ Катковъ, была необходима іудаизму потому, что намѣченный имъ раіонъ дѣятельности того требовалъ: въ какую-нибудь кассу Скопинскаго банка вкладчиковъ было съ небольшимъ шесть тысячъ, да и то вкладчики-добровольцы; а вкладчиками въ государственную казну, если бы удалось устроиться около нея, является все населеніе государства . . . Но ключи отъ казны были въ то время въ рукахъ чистыхъ, устранить которыя возможно было только путемъ убѣжденія Царя въ томъ, что Россія и Европа ошибаются, признавая этого честнаго государственнаго кассира ученымъ финансистомъ. Надлежало убѣдить Царя въ томъ, что хроническіе дефициты не являются результатомъ несообразностей въ налоговой системѣ, за преобразованіе которой принялся Н. Х. Бунге, и что они не происходятъ отъ того, что при потугахъ жить культурною жизнью страна изображаетъ собой чуть не сплошное «пятно невѣжества», зорко охраняемое скуд-

ными ассигновками даже на обученіе грамотѣ и закону Божію коренного населенія. Наоборотъ, нужно было доказать, что дефициты происходятъ отъ того, что ключи отъ кассы находятся въ неумѣлыхъ рукахъ, и что надо ихъ передать людямъ другого типа и другихъ идеаловъ, и именно такихъ идеаловъ, коихъ выразителями является Chrétien-Juif. Что же касается до научной подготовки для занятія поста министра финансовъ, то въ ней никакой-де надобности не представляется.

Плѣненіе капиталовъ «Московскихъ Вѣдомостей», плѣненіе всесильнаго Каткова, и энергическій, но грубый натискъ на скромнаго ученаго — спеціалиста по финансовой части и честнаго государственнаго кассира, какимъ былъ покойный Н. Х. Бунге, все это привело къ перемѣщенію ключей отъ государственной казны изъ его рукъ въ руки спеціалиста въ сферѣ прикладной механики, чуть не наканунѣ приглашавшаго цѣлый съѣздъ дѣятелей изъ желѣзнодорожной сферы «придумать такъ, чтобы брать изъ казны какъ можно больше и платить казнѣ, какъ можно меньше» (подробности читатель найдетъ въ прилагаемой копіи письма къ В. К. Константину Константиновичу).

Евреи Закъ и Ротштейнъ — вѣрные вѣрѣ и профессіи отцовъ своихъ, и еврей вѣроотступникъ Ціонъ объявились вдохновителями «спеціалиста прикладной механики»: первые двое въ качествѣ спекулянтовъ практиковъ и биржевыхъ игроковъ, а третій въ качествѣ ученѣйшаго финансиста — дипломата, проникнутаго и священнымъ трепетомъ къ интересамъ престола и отечества, унаслѣдованнымъ имъ отъ «Московскихъ Вѣдомостей». Такой «союзъ», тогда же оцѣненный по достоинству въ нелегальной литературѣ, испугалъ всѣхъ. И, словно въ предвидѣніи предстоящихъ утечекъ и усышекъ въ народномъ достояніи, Богъ послалъ намъ два такихъ урожая, которыхъ не было въ цѣломъ столѣтіи. Характеръ Императора Александра III, мирный и домовитый, былъ вѣрнѣйшимъ залогомъ Европейскаго мира, и во всякомъ случаѣ мира Россіи съ ея сосѣдями. И вотъ среди такихъ-то условій, благопріятныхъ для развитія началъ экономической политики только что установленной или хотя робко, но вѣрно намѣченной честнымъ ученымъ финансистомъ Н. Х. Бунге, объявились такіе «новые государственные финансовые дѣятели», которые по собственному ихъ признанію своими мѣропріятіями быстро уничтожали ихъ (эти условія, эту милость-то Божію) и приводили государственные финансы еще въ большее разстройство.[1] Взамѣнъ отмѣненыхъ Н. Х. Бунге двухъ нелѣпѣйшихъ и безобразнѣйшихъ налоговъ (соляного и подушнаго) «наши новые государственные финансовые дѣятели» набросились на народный трудъ словно мухи на патоку, и были мѣсяцы, въ которые они проводили до пятнадцати новыхъ налоговъ, включая въ это число и обновляемые возвышеніемъ старые налоги. Займы слѣдовали за займами, то въ видѣ конверсій, то въ видѣ разсрочекъ долговъ съ такими маклерскими куртажами, которыхъ Россія не платила даже при займахъ въ годины тяжкихъ испытаній, войнъ и внутренней сумятицы. Въ то же самое время «наши новые государственные финансовые дѣятели» конечно ничего не сдѣлали для охраны тѣхъ народныхъ сбереженій, которыя въ милліардныхъ итогахъ были собраны спекулянтами въ акціонерныя предпріятія. Въ этой сферѣ наше законодательство до такой степени мало охраняетъ и понынѣ интересы вкладчиковъ, что по мѣткому выраженію одного изъ лучшихъ Московскихъ

[1] См. кн. Вессель: «Наша новая государств. финан. дѣятельность».

юристовъ, цѣлыя группы пришельцевъ въ союзѣ съ нашими туземными гешефтмахерами организовали массу акціонерныхъ предпріятій, прямо поставивъ себѣ девизомъ «грабежъ на законномъ основаніи».

Государственной полиціи и Комиссіи Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ доказаны факты явнаго потворства «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» этому сейчасъ указанному девизу... Не взирая даже на то, что чистый доходъ акціонерныхъ предпріятій обложенъ налогомъ въ пользу казны, двери туда для прокурорскаго надзора закрыты пріемомъ чрезвычайно остроумнымъ: прокуроръ можетъ являться только по требованію большинства голосовъ, или послѣ предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ тѣми-же «нашими новыми государственнными финансовыми дѣятелями»..... Лучшей иллюстраціей въ данномъ случаѣ служитъ заявленіе г. Витте, къ которому я по совѣту Н. Х. Бунге обратился, какъ къ ближайшему сотруднику Вышнеградскаго за совѣтомъ, что дѣлать въ виду того, что два года департаментъ торговли и мануфактуръ не даетъ мнѣ никакого отвѣта на просьбу командировать кого либо хотя на мой счетъ для присутствованія на общемъ собраніи акціонеровъ общества для производства цемента. Это предпріятіе, въ свое время поддержанное крупнымъ государственнымъ вкладомъ, имѣетъ государственное значеніе, какъ впервые установившее производство продукта изъ отечественнаго сырья. Но къ сожалѣнію и оно не ушло отъ политики «грабежа на законномъ основаніи». Дѣло въ томъ, что директоры правленія сами съ собой заключили такой «законный» договоръ, который и заставилъ Московскаго юриста дать ему вышеуказанное названіе «грабежъ на законномъ основаніи»; а въ числѣ ограбленныхъ былъ не одинъ я, жалобщикъ, но и казна. Вотъ, что сказалъ мнѣ тогда г. Витте, бывши директоромъ желѣзнодорожнаго департамента: «у васъ хоть еще средства есть на изданіе газеты, а вотъ Сибирскихъ пароходчиковъ департаментъ торговли и совсѣмъ разорилъ такой проволочкой.»[1]

Подготовленная печать ежедневно пѣла хвалебные гимны геніальной и патріотической дѣятельности Вышнеградскаго и компаніи «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» за то, что они доложили Государю и объявили всему міру, что трудами ихъ накоплены небывалые у насъ запасы золота. Но одному изъ финансистовъ вздумалось поближе взглянуть на эти новоявленные запасы золота. И вотъ 28 ноября 1892 г. входитъ этотъ изслѣдователь на кафедру въ Императорскомъ обществѣ содѣйствія торговли и промышленности и цѣлый часъ доказываетъ, что эти запасы золота, о которыхъ наше правительство такъ официально заявляетъ, — что это и золото и не золото; что

---

1 Я пошелъ къ г. Витте по совѣту предсѣдателя комитета министровъ Н. Х. Бунге просить защиты отъ преслѣдованій Вышнеградскаго, буквально меня разорившаго. Болѣе 2-хъ лѣтъ, Вышнеградскій не давалъ хода прошенію моему о назначеніи ревизіи правленія акціонернаго общества Подольскихъ цементныхъ заводовъ, — дѣло, въ которомъ и меня, и семью мою, а вмѣстѣ и казну открыто грабила австрійская фирма Borgay и К-о, пользуясь хаотическимъ состояніемъ нашего акціонернаго законодательства. При этой первой встрѣчѣ съ г. Витте онъ прежде всего просилъ меня дать ему прочесть ненапечатанныя нигдѣ письма ко мнѣ дяди его Р. А. Фадѣева, который былъ моимъ другомъ, и при этомъ г. Витте обѣщалъ мнѣ не только всякое ходатайство у Вышнеградскаго о прекращеніи преслѣдованій, но даже самъ предложилъ подать ему записку о вознагражденіи понесенныхъ мною отъ вышеуказанной волокиты убытковъ путемъ временной ссуды за проценты изъ государственнаго казначейства. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, которому я сообщилъ въ тотъ же день подробности этого перваго знакомства съ г. Витте, сказало мнѣ, что это не болѣе какъ «ловушка», и что я «кругомъ буду обманутъ». Такъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ...

это то, что французы называютъ «regardez-y, mais ne touchez pas», т. е. смотрите, но не дотрогивайтесь, не разсматривайте. Кстати ораторъ указалъ и на загадочную несообразность такой политики, при которой дѣлаются займы, народъ истощается налогами именно въ то время когда казна въ деньгахъ не нуждается, когда миръ кругомъ, и Божіе милосердіе пало на нашу землю въ двухъ небывалыхъ урожаяхъ, стоимостью конечно свыше полумилліарда золотомъ. Вся совокупность этихъ благопріятныхъ явленій очевидно исключала потребность и въ новыхъ займахъ и въ новомъ обложеніи кормильцевъ Земли Русской, — кормильцевъ этихъ же «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей». Отмѣна налоговъ соляного и подушнаго и прочія облегченія, продолжалъ ораторъ, составили годовой итогъ въ шестьдесятъ милліоновъ руб., но за то потомъ, въ одинъ годъ, съ тѣхъ же кормильцевъ потребовали восемьдесятъ пять милліоновъ путемъ новыхъ налоговъ и возвышеніемъ старыхъ. Стало быть въ конечномъ итогѣ неистощимый въ своемъ долготерпѣніи и самоотверженіи полуголодный страстотерпецъ нашъ оказался еще съ минусомъ въ двадцать пять милліоновъ, которые и поступили въ распоряженіе тѣхъ же «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» т. е. союза Chrétien-Juif.

Все это говорилось въ биткомъ набитой залѣ, при открытыхъ дверяхъ; не менѣе половины слушателей принадлежала къ учащейся молодежи обоего пола; предсѣдательствовалъ генералъ-адъютантъ Государя, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ и государственной полиціи; да и самъ ораторъ, въ чинѣ генерала, былъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; были тутъ и репортеры; были взрывы рукоплесканій и соотвѣтственные возгласы. Но о таковомъ просвѣщеніи слушателей рѣшилась повѣдать небывшимъ на засѣданіи лишь одна газета «Русская Жизнь», да и то какъ-бы въ видѣ деликатнѣйшаго запроса «нашимъ новымъ государственнымъ финансовымъ дѣятелямъ»: правда ли все это или не правда? Дѣйствительно ли до такой степени дошла ихъ патріотическая и вѣрноподданническая дѣятельность, что съ кафедры, при открытыхъ дверяхъ, объ ней остается только сказать: «regardez-y, mais ne touchez pas» . . .

На такой запросъ не послѣдовало никакого отвѣта. Газеты его не повторили. Прокурорскимъ надзоромъ не было обслѣдовано такое гласное опороченіе правительственнаго заявленія, хотя оно являлось открытымъ и небывалымъ разобличеніемъ политики «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей». Предсѣдатель — мастистый дипломатъ — благодарилъ докладчика отъ имени Императорскаго общества содѣйствія за предпринятыя имъ изслѣдованія и сдѣланныя открытія и сообщенія, присовокупивъ, что рефератъ поступитъ на разсмотрѣніе въ какую то комиссію; а «наши новые государственные финансовые дѣятели» отмолчались подъ охраной безотвѣтственности . . .

* * *

Я не имѣю въ виду перечислять всѣ дѣянія «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей», которыя свидѣтельствуютъ о разхищеніи самодержавныхъ правъ Царя, выразившемся въ закрытіи прямыхъ путей правдѣ къ Царю изъ первоисточника и въ упроченіи надъ страной тягчайшаго ига экономическаго. Да теперь и нѣтъ въ томъ надобности, такъ какъ никто такъ блистательно не доказалъ Царю справедливости всего

вышесказаннаго, какъ самъ преемникъ Вышнеградскаго . . . Незадолго до представленія первой росписи (на 1895 г.) новому Царю появляется «частный» докладъ о блестящей дѣятельности г. Витте по сравненію съ дѣятельностью Вышнеградскаго, которая въ свою очередь еще такъ недавно признавалась самой блестящей. Появилась книга подъ заманчивымъ заглавіемъ «Наша новая государственная финансовая дѣятельность (1893—1894)». Трудъ автора, по удостовѣренію одного изъ почтенныхъ дѣятелей минист. финансовъ, былъ оплаченъ изъ суммъ мин. финансовъ. Корректурные листы книги съ собственноручными правками министра видѣлъ тотъ-же чиновникъ, о чемъ и сообщилъ одному высокопоставленному лицу въ моемъ присутствіи.

Въ этой книгѣ на стр. 4 сказано: «И дѣйствительно, если въ столь продолжительномъ разстроенномъ положеніи нашихъ государственныхъ финансовъ и происходили временныя улучшенія, иногда даже весьма значительныя, какъ въ 1872—75 годахъ и особенно въ 1887—1890 годахъ, то единственно лишь по милости Божіей; министерство же финансовъ не только не умѣло пользоваться милостію Божіею и не упрочивало такихъ улучшеній, но своими мѣропріятіями быстро уничтожало ихъ и приводило государственные финансы еще въ большее разстройство.» И далѣе на стр. 24 и 25 сказано: «Съ 1887 г. наступаетъ необыкновенно благопріятное для Россіи время въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи, и программа новаго министерства финансовъ, какъ видно изъ его всеподданнѣйшаго доклада о государственныхъ росписяхъ на 1888 и 1889 г., была составлена прекрасно» . . . «Но дѣйствія министерства финансовъ сказались съ самого начала въ совершенномъ противорѣчіи съ этою мудрою, прекрасною программою.» И наконецъ, на стр. 276 читаемъ: «Россія, въ которой въ настоящее время, какъ въ обществѣ такъ и въ народѣ денегъ почти совсѣмъ нѣтъ.» И какихъ денегъ? «Такихъ, которыя доставили бы средства для удовлетворенія самой главной, давно назрѣвшей потребности Россіи — для распространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію.»

Вотъ какую правду о дѣятельности «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» печатаетъ уже не Щіонъ на свои деньги, а самъ преемникъ Вышнеградскаго на деньги казенныя.

Но почему же замалчиваютъ и прячутъ эту книгу, въ которой должна быть одна правда и не должно быть обмана? Почему газеты и журналы не смѣютъ говорить о ней, какъ говорятъ о всѣхъ выходящихъ книгахъ неизмѣримо меньшаго значенія и интереса? Почему эту книгу, посвященную самому животрепещущему вопросу въ государствѣ и на государственныя деньги изданную, прячутъ отъ государства такъ, что даже въ такомъ промышленномъ и торговомъ центрѣ, какъ Москва, ея не было и нѣтъ въ продажѣ? А между тѣмъ во дворцѣ она имѣется даже у нечитающихъ по слабости зрѣнія . . . Не потому ли, что только для дворца она и издана? . . Не потому ли, что говорить о ней въ печати опасно, ибо цѣль книги выяснилась бы неминуемо? Книга издана съ цѣлью убѣдить молодаго Царя, что доселѣ никто ничего не понималъ въ финансахъ, а знатоки объявились лишь въ періодъ, скромно обозначенный въ скобкахъ на обложкѣ книги (1893—1894) т. е. съ момента назначенія министра, рекомендованнаго Вышнеградскимъ. Однако не мѣшало бы вспомнить преемнику Вышнеградскаго, что онъ былъ ученикомъ его, а затѣмъ и правой рукой, и даже творцомъ нѣкоторыхъ печальнѣйшей памяти мѣропріятій.

той самой эпохи дѣятельности министерства финансовъ, которую такъ справедливо клеймитъ позоромъ въ этой книгѣ, на казенныя деньги изданной. Въ ту пору онъ сливалъ свою дѣятельность съ дѣятельностью Вышнеградскаго до такой степени, что иначе не говорилъ о ней, какъ «мы такъ думаемъ», «мы такъ сдѣлаемъ» и т. п.; такъ почему же онъ теперь исключаетъ себя изъ числа лицъ, отвѣтственныхъ за всѣ эти позорныя и для народа разорительныя дѣянія, которыя, обогащая спекуляцію и дѣятелей въ родѣ Ротштейна и К-о и высасывая всѣ соки въ казну, обсосали страну такъ, что «ни въ обществѣ, ни въ народѣ денегъ почти нѣтъ, даже для распространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію»? При этомъ надо помнить, что дѣятельность Chrétien-Juif съ самого его появленія и до сего дня въ принципіальномъ отношеніи остается неизмѣняемой.

* * *

Но все это блѣднѣетъ передъ слѣдующими фактами, за достовѣрность коихъ я принимаю на себя полную отвѣтственность, готовый подтвердить сказанное документами неопровержимыми или такими же свидѣтельскими показаніями.[1]

Я утверждаю, что одинъ изъ «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей», а именно товарищъ министра финансовъ Афиногенъ Антоновичъ склонялъ меня на уголовное преступленіе черезъ посредство присяжнаго повѣреннаго Молчанова, а затѣмъ и лично. За отказъ же мой принять участіе въ ограбленіи ни въ чемъ неповинной семьи личнаго врага Антоновича Кіевскаго профессора Пихно и за отказъ напечатать въ моей газетѣ завѣдомо ложную корреспонденцію, якобы изъ Кіева полученную и заключающую въ себѣ завѣдомо ложный доносъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ, Афиногенъ Антоновичъ, заказалъ на меня доносъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» съ тѣмъ, чтобы до напечатанія его статья была прислана въ Петербургъ для просмотра. Надъ составленіемъ этого доноса работалъ извѣстный мнѣ сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» трое сутокъ, по его собственному признанію, а набранная въ гранкахъ статья была не только прочитана самимъ министромъ финансовъ ранѣе появленія ея на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», но даже показана имъ лицу, мнѣ извѣстному и высокопоставленному.... Когда же слова Антоновича, что въ случаѣ несогласія моего напечатать эту завѣдомо ложную корреспонденцію и таковой же ложный доносъ на Пихно они будутъ напечатаны въ другой газетѣ оправдались, то въ виду появленія въ «Новостяхъ» соотвѣтствующей замѣтки только въ другой редакціи, я предъявилъ подлинныя статьи, присланныя мнѣ для «Русской Жизни», сначала Главному управленію по дѣламъ печати, гдѣ объявили мнѣ, что все изложенное въ этихъ статьяхъ ложь, и предложили под-

---

1 Конечно огласить имена лицъ для свидѣтельскихъ показаній я могу только или на судѣ при открытыхъ дверяхъ, или при личномъ меня спросѣ Тѣмъ, Кому обязанъ присягой. Къ такой охранѣ интересовъ третьихъ лицъ поучаетъ меня и обязываетъ житейскій опытъ: я самъ два раза былъ буквально ограбленъ «нашими новыми государственными финансовыми дѣятелями» только за то, что входилъ за кулисы, въ раздѣвальни ихъ, по долгу моего общественнаго служенія въ качествѣ редактора-издателя «Русской Жизни» и какъ вѣрный подданный Царя.

твердить это документальной справкой уже заготовленной вслѣдствіе появленія вышеуказанной замѣтки въ «Новостяхъ». Затѣмъ, тѣ же подлинники я лично предъявлялъ ближайшему сотруднику министра финансовъ, директору департамента Ковалевскому, а копіи съ нихъ послалъ его превосходительству юному титулярному совѣтнику, вице-директору кредитной канцеляріи Мерингу, какъ зятю министра. Въ результатѣ получилось только усиленное гоненіе на «Русскую Жизнь» и лично на меня, какъ на ея редактора-издателя, — гоненіе, которое я доказывалъ въ Комиссіи Прошеній и документами и датами. Позднѣе, по желанію одного изъ начальниковъ отдѣленій государственной полиціи, я передалъ въ его руки всѣ эти данныя и, при полученіи ихъ обратно, слышалъ завѣренія, что директоръ департамента государственной полиціи лично докладывалъ все министру внутреннихъ дѣлъ . . .

Товарищъ министра финансовъ Антоновичъ былъ въ то время въ чинѣ дѣйствит. статск. совѣтника, теперь онъ произведенъ въ тайные совѣтники, и по газетамъ видно, что послѣ всего вышеизложеннаго и государственной полиціи извѣстнаго, онъ тѣмъ не менѣе не одинъ разъ удостоивался представленія Государю . . .

— «Неужели въ цѣломъ Кіевѣ хуже человѣка не нашли, а вѣдь Кіевъ городъ большой» — такъ сказалъ мнѣ, указывая на появленіе Антоновича въ группѣ «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей», одинъ изъ іерарховъ съ такимъ свѣтлымъ прошлымъ и настоящимъ, которое составляетъ удѣлъ немногихъ избранныхъ даже среди іерарховъ. И это было сказано мнѣ при первомъ совершенно случайномъ знакомствѣ, вызванномъ обсужденіемъ вопроса, ничего общаго неимѣющаго съ дѣятельностью «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей».

— «Не грѣшно ли Вамъ и другимъ юго-западникамъ, хорошо знавшимъ Антоновича, допустить министра взять его сюда, да еще себѣ въ товарищи» — такъ сказалъ я одному изъ первыхъ сотрудниковъ министра, сообщая вышеприведенный отзывъ іерарха. Вотъ какой мнѣ былъ данъ отвѣтъ: «да потому-то онъ его и взялъ, что мы всѣ въ одинъ голосъ говорили не брать».

Выводы изъ вышесказаннаго предоставляю сдѣлать читателю, и добавлю, что тотъ цинизмъ, съ которымъ товарищъ министра финансовъ Антоновичъ сообщалъ мнѣ — конечно ранѣе отказа моего печатать завѣдомо ложный доносъ — о способахъ, коими онъ быстро нажилъ большое состояніе, что тотъ цинизмъ превосходитъ всякое описаніе. И если я не воспроизвожу подробностей на этихъ страницахъ, то только потому, что не было свидѣтелей этого разсказа, хотя многіе тогда же слышали отъ меня его повтореніе, и въ числѣ этихъ слышавшихъ были и Г. Ковалевскій, и Г. Мерингъ, т. е. ближайшія лица къ министру.

Разставаясь съ товарищемъ министра финансовъ, тайнымъ совѣтникомъ Антоновичемъ, перейдемъ къ другому крупному дѣятелю изъ числа «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» Плеске, поставленному во главѣ Государственнаго банка, преобразованнаго такъ, что безъ него теперь нельзя дохнуть во всей Русской Землѣ.

— «Когда мы были съ Плеске начальниками отдѣленій, то директоръ департамента иначе не называлъ его, какъ идіотомъ, а мы всѣ называли его департаментскимъ шутомъ», — такъ сказалъ мнѣ при свидѣтелѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ чиновъ министерства финансовъ.

— «Какъ же онъ попалъ въ государственные люди?» спросилъ я.

— «Очень просто: женился на родственницѣ Вышнеградскаго.»

Во дворѣ дома подъ N. 21 по Бол. Морской, гдѣ помѣщалась «Русская Жизнь», помѣщается и маленькій нѣмецкій трактиръ. Когда стали говорить, что одинъ изъ завсегдатаевъ этого трактира отецъ Плеске, онъ же и биржевой маклеръ, то не довѣряя такому слуху я поручилъ провѣрить его, и оказалось, что это не отецъ, а родной дядя Плеске, дѣйствительно занимающійся постоянно дѣлами на биржѣ въ качествѣ маклера. Казалось бы такое близкое родство директора кредитной канцеляріи, какимъ въ то время былъ Плеске, не совсѣмъ было безопасно для государственныхъ интересовъ, такъ какъ въ кредитной канцеляріи сосредоточены государственныя операціи, весьма часто долженствующія быть въ секретѣ отъ всѣхъ до приведенія ихъ въ исполненіе, — операціи, о которыхъ оповѣщеніе или только одинъ намёкъ, часомъ ранѣе правительственнаго оглашенія, можетъ доставить громадныя выгоды биржевому дѣльцу и такіе же громадные убытки лицамъ не посвященнымъ въ секретъ, а конечно и государству . . .

* * *

Какъ ни тяжело продолжать такую лѣтопись, нельзя однако не занести на страницы ея слѣдующаго авторитетнаго заявленія Н. Х. Бунге. Знаемъ достовѣрно, что на предложеніе ему разобрать книгу Ціона и дать заключеніе по взводимымъ обвиненіямъ на «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей», Н. Х. Бунге, просмотрѣвъ книгу, сказалъ одному изъ своихъ друзей сенаторовъ, что «для того потребовалось бы произвести формальное слѣдствіе надъ министерствомъ финансовъ за все время послѣ его ухода, а такая работа не по его лѣтамъ» . . .

Теперь два слова о событіи, о которомъ до сихъ поръ не только въ печати, но даже въ обществѣ не слышно, тогда какъ это-то событіе и составляетъ тотъ фундаментъ, на которомъ только и могло быть выстроено все это великолѣпное по виду зданіе, подъ вывѣскою «Наши новые государственные финансовые дѣятели» — зданіе, украшенное такими орнаментами, то есть членами той компаніи, которую и современники и потомство призовутъ къ отвѣту и предадутъ анаѳемѣ за то, что обсосали страну такъ, что «нынѣ въ обществѣ и въ народѣ денегъ почти нѣтъ, даже для распространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію». (Неправославные у насъ почти всѣ грамотны и Закону Божію обучены.)

Это событіе — полная и безусловная побѣда іудаизма, вызваннаго на смертный бой съ государственной властью въ царствованіе Александра III. Кѣмъ былъ составленъ планъ приведшій къ этой побѣдѣ, чей геній руководилъ этимъ смертнымъ боемъ — все это конечно надолго останется тайной вождей этой свыше десяти-милліонной группы россійскихъ гражданъ. Именно такая побѣда іудаизма и закрѣпила надъ страной узы тягчайшаго ига экономическаго, начало которому было положено порывомъ путей народной правдѣ къ Царю изъ ея первоисточника, какъ условіемъ необходимымъ для блага, да и для самаго бытія «союза бюрократіи съ плутократіей» и порожденнаго имъ союза Chrétien-Juif.

IV.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА CHRÉTIEN-JUIF.

Предложеніе Н. Х. Бунге о назначеніи формальнаго слѣдствія надъ дѣятельностью министерства финансовъ за указанный имъ періодъ, несомнѣнно имѣетъ за собой весьма вѣскія основанія; но мы оставимъ финансовую политику и перейдемъ къ экономической политикѣ «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей».

Въ области экономической политики, какъ и въ другихъ сферахъ управленія, какъ всѣмъ извѣстно, издавна царитъ у насъ «усмотрѣніе» и «канцелярская тайна». И только такой тайной объясняются многіе промахи пореформеннаго періода, когда къ участію въ государственномъ управленіи призваны были силы земскія, избираемыя. Вѣковой опытъ всего предыдущаго періода — дореформеннаго — почти сполна пропалъ для современниковъ въ качествѣ матеріала справочнаго, долженствовавшаго освѣщать пути къ изученію многихъ вопросовъ, устранять трату времени на исканіе ближайшей и вѣрной дороги, и предотвращать возможныя во всякомъ новомъ дѣлѣ ошибки. Какіе глубокіе корни пустила канцелярская тайна даже въ сферѣ высшей администраціи, доказательствомъ служитъ эпизодъ, переданный намъ однимъ выдающимся администраторомъ, призваннымъ въ послѣдній голодный годъ отправиться въ наиболѣе пострадавшую мѣстность для принятія мѣръ къ умаленію народнаго бѣдствія. Выслушавъ назначеніе и приглашеніе отправиться на мѣсто немедленно, энергичный администраторъ прямо изъ кабинета министра поспѣшилъ въ тотъ департаментъ, гдѣ, по его предположенію, должны были быть давно извлечены изъ архивовъ и давно изучены всѣ мѣропріятія по борьбѣ съ прошлыми голодовками. Такія надежды имѣли за себя тѣмъ болѣе основаній, что скрывать голодъ уже не было никакой возможности. «Имѣющіе пострадать отъ недорода», какъ тогда выражались многіе сытые, пресыщенные и умышленно слѣпотствующіе, эти «имѣющіе пострадать» настолько уже настрадались, что частью даже переселялись туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій... И что же оказалось? Всѣ таковыя справки не только составляли канцелярскую тайну, но тайну, хранимую еще въ архивахъ департамента отъ самой канцеляріи, и энергичному администратору пришлось самому добывать ихъ.

Канцелярская тайна покрываетъ и всѣ результаты экономической политики «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей». Для характеристики этихъ результа-

товъ при данныхъ условіяхъ времени и мѣста имѣются два пріема: мертвый, т. е. цифровой, и живой — опросъ завѣдомо свѣдущихъ людей и несомнѣнно добросовѣстныхъ свидѣтелей. Вышеуказанная, далеко не полная и крайне милостивая характеристика Chrétien-Juif, отталкиваетъ насъ отъ цифръ... Да и кому не извѣстно, что достовѣрными цифрами въ этой области мы еще не обзавелись; къ тому же всякій бухгалтеръ играетъ цифрами по приказу своего патрона. Достаточно вспомнить немногимъ извѣстную исторію, какъ не одинъ годъ балансировали въ Государственномъ банкѣ сумму около пятидесяти милліоновъ по выкупной операціи... Мы вѣдь еще не знаемъ сколько у насъ людей, сколько выпущено рублей, сколько въ точности долговъ, и т. д. и т. п. И при такихъ условіяхъ второй изъ вышеуказанныхъ пріемовъ конечно будетъ ближе къ истинѣ, особенно если къ опросу свѣдущихъ людей и добросовѣстныхъ свидѣтелей присоединимъ и личныя признанія самихъ руководителей экономической политики, — признанія хотя бы и случайно вырвавшіяся. Эти послѣднія признанія не мною формулированы такой вѣрной и конкретной фразой: «Въ настоящее время, какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, денегъ почти совсѣмъ нѣтъ.» И какихъ денегъ? «Такихъ, которыя доставили бы средства для удовлетворенія самой главной, давно назрѣвшей потребности Россіи — для распространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію.» Такъ говоритъ, на стр. 276. «Наша новая государственная финансовая дѣятельность» — книга, изданная на средства министерства финансовъ. Затѣмъ предлагаемъ читателю прочесть печатаемое въ приложеніяхъ при семъ письмо мое къ В. К. Константину Константиновичу, въ которомъ приведены свидѣтельскія показанія нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи привѣтствовать императора Николая II по случаю Его бракосочетанія. И только послѣ прочтенія тѣхъ показаній надлежитъ читать нижеслѣдующее письмо, полученное нами на этихъ дняхъ изъ Нижняго-Новгорода, отъ лица, составляющаго безспорно одно изъ лучшихъ украшеній нашего торгово-промышленнаго класса. Вотъ это письмо:

«За послѣднее десятилѣтіе особенно наглядно выражается усиленное скопленіе капиталовъ въ рукахъ немногихъ представителей крупной промышленности и постепенное исчезновеніе мелкихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Это безспорно есть результатъ крайне высокаго таможеннаго тарифа, ставки котораго опредѣлялись въ министерствѣ финансовъ исключительно по настояніямъ членовъ совѣщательной коммиссіи, приглашенныхъ въ С. Петербургъ тоже исключительно изъ числа только крупныхъ фабрикантовъ. При этомъ надо замѣтить, что никто изъ производителей и посредниковъ при продажѣ этихъ фабрикатовъ приглашенъ не былъ и отъ нихъ не было отобрано мнѣній.

Въ особенности рѣзко выдѣляется въ данномъ случаѣ хлопчато-бумажное производство: прядильное и ткацкое. Не только мелкіе фабриканты, но и средніе — ткачи доживаютъ послѣдніе дни. Все отдано въ руки сильныхъ. Громадныя акціонерныя компаніи, нѣсколько торгово-промышленныхъ крупныхъ товариществъ подъ знаменемъ Кнопа — въ своихъ отчетахъ какъ нельзя болѣе подтверждаютъ, что имъ даже при столь незначительномъ числѣ возможно господствовать надъ всею промышленностью въ Россіи. Невозможный охранительный тарифъ, громадная пошлина, дающая возможность выдавать, за всѣми погашеніями и отчисленіями, до 25 проц. и черезъ то — скопляя богатства — держать въ рукахъ весь рынокъ и эксплуатировать всю святую Русь,

одѣтую въ хлопчато-бумажныя ткани. Теперь пряжи нѣтъ ни фунта въ продажѣ; она запродана по Пасху; и горе тому ткачу, который не запасся теперь пряжей, хотя и предлагавшейся на тяжелыхъ условіяхъ. Развитія-ли торговли и промышленности и народнаго благосостоянія достигаютъ такія невозможныя пошлины, дозволяющія продавать королямъ бумаго-прядильныхъ мануфактуръ пряжу, — продавать, какъ выразился одинъ ткачь гуслякъ, «съ грабительскими пользами?» Конечно нѣтъ! Вѣдь это кабала и крѣпостное право самое ужасное. Ткачи, мелкіе и средніе фабриканты мало того, что должны платить что́ запросятъ, еще подвергаются возможности не получить товара даже при его наличности, когда требованія королей, касающіяся другихъ далеко не фабричныхъ дѣлъ, бываютъ не исполняемы. Жестокій и несообразный тарифъ лишаетъ возможности выписки пряжи изъ за-границы, а своей недостанешь и за деньги. Вѣдь населеніе Россіи сильно увеличивается; льняныя домашнія ткани быстро выходятъ у крестьянъ изъ употребленія, и вся святая Русь облечена въ бумажныя ткани и невольно требуетъ миткалю. Намъ скажутъ: «создавайте конкуренцію, устраивайте фабрики»; но устроить бумагопрядильню, при современныхъ требованіяхъ, нужно самое меньшее два мил., да при томъ, въ виду опять таки затруднительности полученія машинъ и проч., это устройство непремѣнно должно сопровождаться благосклоннымъ участіемъ Кнопа и Ко., — а Кнопъ и Ко., первый положившій основу скопленія богатствъ въ однѣ руки, знаетъ что дѣлаетъ. Вспомнимъ извѣстный процессъ его съ Сергѣевымъ, разыгравшійся въ Москвѣ, и тогда ясно можно представить себѣ картину печальнаго положенія бумагопрядильщика — фабриканта, не угодившаго этому эксплуататору.

Большія мануфактурныя фирмы, забирая въ руки всѣ внутренніе рынки, сокрушая мелкія фабрики, не оставляютъ безъ вниманія не только торговцевъ болѣе крупныхъ, сбытчиковъ ихъ собственныхъ произведеній, открывая склады въ Одессѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, въ Варшавѣ и т. д., но хотятъ взять все и у мелкоты — розничныхъ торговцевъ, продающихъ въ Москвѣ товары по аршинамъ. Всѣ они открыли розничные магазины и продаютъ такъ же по аршинамъ, забирая больше и больше потребительскій раіонъ въ свои руки. Словомъ съ 1887 г.[1] (время развитія охранительной торговли) торговцамъ — не капиталистамъ объявлена безпощадная война, и населеніе шагъ за шагомъ опутывается мануфактурно-бумажной откупной системой.

Не мало съиграла въ руку королямъ мануфактуры и наша печать, одушевляемая въ данномъ случаѣ чисто благородными побужденіями. Она указывала на печальное положеніе рабочихъ и тѣмъ заставила администрацію обратить вниманіе на ихъ содержаніе, жилища, санитарныя условія и лѣчебно-больничную часть. Исполнить всѣ требованія въ состояніи лишь крупные фабриканты, такъ какъ при большомъ производствѣ усиленные расходы не замѣтны; при небольшихъ же фабрикахъ все это ложится большимъ процентомъ на товаръ и потому представляется невозможнымъ не только новое открытіе, но и содержаніе старыхъ небольшого размѣра фабрикъ. Мало того, при продажности мелкой администраціи, въ особенности въ губернскихъ городахъ, вопросъ ставится иначе; и часто, что возможно для большихъ крупныхъ фабрикантовъ, которые въ случаѣ надобности могутъ отстоять свои порядки прямо въ Петербургѣ, то оказывается невозмож-

[1] Т. е. со времени нарожденія Chrétien-Juif.

нымъ для среднихъ и мелкихъ фабрикъ. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что всѣ крупные фабриканты суть предсѣдатели или члены совѣтовъ банковъ, члены учетныхъ комитетовъ, гдѣ за послѣднее время почти нѣтъ представителей мелкой торговли, а потому понятно какое они имѣютъ вліяніе на кредитъ фабрикантовъ и въ особенности на кредитъ торговцевъ этими произведеніями. Смѣло можно сказать, что масса покупателей покупаетъ товаръ дороже только потому, что представители фабрикъ и товариществъ засѣдаютъ въ качествѣ членовъ учетнаго комитета въ Государственномъ банкѣ.

Мало этого, имѣя вліяніе, они-же и рекомендуютъ къ себѣ въ товарищи, въ члены учетнаго комитета, излюбленныхъ ими лицъ. До 1895 года право избранія въ Московскій учетный комитетъ Государственнаго банка принадлежало Московскому купческому обществу, но теперь и это право отнято. На всѣхъ торгующихъ произвело страшное впечатлѣніе, когда нынче, зимой, одинъ изъ числа такихъ крупныхъ представителей былъ забаллотированъ (въ виду, какъ говорятъ, показаній одного изъ свидѣтелей на судѣ по дѣлу Сергѣева), но не смотря на то былъ назначенъ членомъ учетнаго комитета министерствомъ финансовъ. Изъ этого можно заключить, какъ мало имѣется выходовъ изъ такого заколдованнаго круга.

Еще въ болѣе тяжкомъ положеніи находиться льняная промышленность. Шестирублевая золотая пошлина съ пуда на пряжу и ограниченное число льнопрядиленъ совсѣмъ убиваетъ не только кустарную ткацкополотняную промышленность, но не даетъ развиваться и мелкимъ ткацкимъ фабрикамъ. Не смотря на такую громадную пошлину, высокіе нумера льняной пряжи все-таки приходится выписывать изъ за-границы, такъ какъ высокихъ нумеровъ у насъ нѣтъ; и пошлина, съ накладными расходами, доходящая до 10 руб. съ пуда пряжи, ложится тяжелымъ бременемъ на потребителя. Видя все это, невольно задаешься вопросомъ, почему же эти счастливцы, въ самомъ незначительномъ количествѣ, пользуются такимъ исключительнымъ положеніемъ? Наконецъ, улучшили ли они свои фабрикаты? Нѣтъ и нѣтъ! Теперь нѣтъ мало-мальски порядочнаго прочнаго полотна, и знаменитое ярославское полотно отошло въ область преданій. Нѣтъ ни одного куска полотна, который бы не имѣлъ крупныхъ недостатковъ. Почти каждый кусокъ въ пятнахъ и скверной бѣлки, а послѣ нѣсколькихъ разъ мытья превращается въ рѣшето.

Благодаря этому среднее сословіе, средніе торговцы быстро бѣднѣютъ и скоро останутся только крупные капиталисты и закабаленные ими пролетаріи. Соціальный вопросъ быстро назрѣваетъ; его создаютъ не бунтари, не соціалисты съ своими разрушительными теоріями, а прямо капиталисты и ихъ пособники и покровители... (Слушайте, г. г. «наши новые государственные финансовые дѣятели».)

Бунтъ на ярославской мануфактурѣ, бывшій въ Апрѣлѣ 1895, подтверждаетъ это. Администрація при 1,800,000 р. дивиденда (25 проц.) не постыдилась сократить плату рабочимъ, не предупредивъ ихъ какъ слѣдуетъ, хотя черезъ это сокращеніе экономія фабрики составила бы не болѣе 15 т. въ годъ... (Слушайте, слушайте!!)

Теперь на пряжу стоимостью 12½ руб. пудъ получается пользы 4 руб. и она продавалась (32 и 38 №№) 16,75—17 руб.; но гг. фабрикантамъ кажется и это недостаточнымъ, они набавляютъ и набавляютъ, потому что она идетъ изъ подъ рукъ. Есть требованіе, отчего же не брать «грабительскихъ пользъ», вѣдь тарифы не измѣняемы, взять негдѣ, а мужицкая Русь, облеченная вся въ бумажныя ткани, не будетъ же ходить въ костюмѣ Адама.

Громадная пошлина на льняную пряжу сократила и отпускъ мужицкаго (слушайте!) продукта — льна за-границу. На вопросъ, заданный одному французу, постоянно покупавшему ленъ въ одной изъ среднихъ губерній Россіи, сдѣланный секретаремъ Общества Сельскаго Хозяйства, почему сокращены покупки за-границу, послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Прежде, когда были сносныя пошлины на заграничную пряжу, мы покупали русскій ленъ и обработавъ вывозили пряжей гораздо лучшей, чѣмъ у васъ; теперь же стало невозможно и намъ нѣтъ надобности въ вашемъ льнѣ». Стало быть и мужикъ и сельское хозяйство принесены въ жертву Ваалу крупной фабричной промышленности! (гг. «наши новые государственные финансовые дѣятели» — пощадите!) Цѣна на ленъ извѣстнаго сорта въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ пала съ 5 до 3 и даже до 2¼ р. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что въ концѣ 1896 и 1897 гг. наступитъ сильнѣйшій крахъ, изъ котораго выйдутъ не только цѣлы, но и съ громаднѣйшими капиталами теперешніе капиталисты, и завладѣютъ всѣми рынками. Горе побѣжденнымъ!!.. Быстрое возникновеніе новыхъ фабрикъ при современныхъ требованіяхъ немыслимо. Кредитъ будетъ подорванъ, а при новыхъ порядкахъ усиленная выдача изъ Государственнаго банка, имѣющаго тоже жестоко поплатиться, будетъ немыслима.

Дальнѣйшая поблажка крупнымъ фабрикантамъ принесетъ неисчерпаемый вредъ странѣ. Что будетъ дальше, сказать трудно. Положеніе крестьянъ ужасно: на 3 десят. надѣльныхъ не много можно получить, а отхожіе промыслы приносятъ не Богъ знаетъ какія выгоды, да если что и приносятъ, то все поглощается податями. Земство, которое въ большинствѣ было проникнуто честными побужденіями, теперь не существуетъ, а отъ пособій кустарнымъ промысламъ кредитомъ Государственнаго банка ожидать многаго нельзя.»

* * *

Закончимъ эту характеристику краткой выпиской изъ отзыва министра Императорскаго Двора и Удѣловъ — отзыва, помѣченнаго No. 13670 отъ 16го ноября 1892 г. Вотъ что, между прочимъ, оффиціально заявляетъ хорошо знакомый съ деревней, ближайшій совѣтникъ и другъ покойнаго Царя, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ:

«Народъ бѣднѣетъ годъ отъ году, всѣ усилія его, вся его дѣятельность направлены къ тому, чтобы безплодно бороться съ тѣми условіями, въ которыхъ его заставляютъ жить; государство отъ этого терпитъ; но тѣмъ не менѣе голосъ народа, во имя идеи, никому не нужной и всѣмъ вредной, какъ будто никто не слышитъ. Гдѣ же та вѣра въ народный разумъ, которая дала возможность изъ массы крѣпостной, лишенной своей воли и правъ въ теченіе вѣковъ, сдѣлать массу, способную руководить своимъ хозяйствомъ и самоуправляться? Почему-же этотъ народъ теперь сталъ глупъ во всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ къ жизни и къ правамъ на свою собственность. Напрасно смотрятъ на передѣлы исключительно какъ на необходимое послѣдствіе естественнаго прироста населенія, а на стремленіе къ переселенію, какъ на табунное свойство массы, увлеченной примѣромъ нѣсколькихъ неразумныхъ людей, у которыхъ бродяжничество настолько въ крови, что имъ не сидится на мѣстѣ и ихъ тянетъ инстинктивно, безсознательно куда-то вдаль.»

V.

CHRÉTIEN-JUIF ВЪ СОЮЗѢ СЪ РАСКОЛОМЪ НА ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Самой характерной иллюстраціей экономической политики и такъ-называемыхъ «вѣрноподданическихъ чувствъ» Chrétien-Juif является отношеніе его къ тому народному дѣлу, которое завѣщала Екатерина Великая, котораго осуществленіе было сердечнымъ желаніемъ Императора Николая II еще въ бытность Наслѣдникомъ, — дѣло, которое я вызвалъ на очередь какъ только дошли до меня ниже сего приведенныя слова покойнаго Императора Александра III.

Въ чемъ же состоитъ это народное дѣло?

Какъ «отъ искры сгорѣла Москва», такъ появилась всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ . . .

Мысль о всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ, по словамъ директора департамента торговли и мануфактуръ, г. Ковалевскаго, принадлежитъ ему; но въ Нижнемъ я узналъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что эта мысль принадлежитъ купцу Морозову, предсѣдателю ярмарочнаго комитета, а цѣль — по тому же источнику-полученіе ордена Св. Владиміра, а попутно съ нимъ и россійскаго дворянства.

Вопреки заведенному г. Ковалевскимъ обычаю обсуждать экономическіе вопросы, если не всѣ, то большую часть ихъ, путемъ вызова въ департаментъ свѣдущихъ людей, вопросъ о всероссійской выставкѣ былъ облеченъ въ канцелярскую тайну до такой степени, что даже не было запроса губернатору, городу или земству о томъ, есть ли въ Нижнемъ подходящее для того мѣсто; есть ли возможность къ ярмарочному съѣзду въ 300—600 тысячъ пристегнуть еще такой же съѣздъ для всероссійской выставки. Москва и вся столичная администрація въ періоды Московскихъ всероссійскихъ выставокъ были въ условіяхъ прямо противоположныхъ тѣмъ, которыя имѣются для того въ Нижнемъ. Въ Москвѣ на лѣто освобождаются помимо гостинницъ, подворій, меблированныхъ комнатъ, тысячи обывательскихъ квартиръ, изъ коихъ свыше ста тысячъ обывателей выселяются въ болѣе или менѣе отдаленные поселки, соединенные съ ней желѣзнодорожными

путями; и потому приливъ, вызываемый съѣздомъ на выставку, застаетъ столицу подготовленною во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ продовольствія, санитарной и больничной части, способовъ передвиженія, охраны и проч. Въ общемъ оборотѣ лѣтній сезонъ съ всероссійской выставкой является для Москвы какъ бы продолженіемъ зимняго сезона и потому никакихъ непроизводительныхъ затратъ не вызываетъ. Въ Москвѣ громадная площадь давно отведена для всероссійской выставки, давно пріурочена къ ней во всѣхъ безъ исключенія отношеніяхъ; на ней стоятъ даже всѣ зданія для того потребныя, въ томъ числѣ такія капитальныя, какъ Царскій павильонъ, домъ для администраціи выставки, машинный отдѣлъ, водопроводъ и проч.; даже самыя витрины, роскошныя и къ этимъ же зданіямъ приспособленныя, всѣ въ цѣлости, и тутъ же въ Москвѣ сохраняются. Словомъ, сумма затраты на всероссійскую выставку въ Москвѣ, т. е. на ремонтъ и добавленія, едва ли могла бы превзойти 400—500 тыс. руб. Въ Нижнемъ же первоначальная смѣта на устройство выставки была опредѣлена отъ 3—4 мил. и уже теперь истрачено семь милльоновъ и чуть ли не столько потребуется для ея окончанія. Ибо въ Нижнемъ буквально ни одного изъ выше-указанныхъ благопріятныхъ условій не имѣется. Тамъ и безъ того ежегодно бываетъ всероссійская выставка — ярмарка, и именно въ этотъ же самый лѣтній періодъ; тамъ даже нѣтъ мѣста для второй всероссійской выставки; тамъ изъ всей суммы затраты девять десятыхъ буквально непроизводительны; тамъ нѣтъ готоваго помѣщенія для населенія ожидаемаго на всероссійскую выставку. Словомъ, тамъ нѣтъ ничего, кромѣ громаднаго риска погубить одновременно и выставку и ярмарку при первыхъ слухахъ о появленіи какой-нибудь эпидеміи въ томъ или другомъ раіонѣ, т. е. ярмарочномъ или выставочномъ. Вопроса о деньгахъ конечно и не возбуждали: Ротштейнамъ и Ко. тутъ убытка не будетъ, а слава въ случаѣ удачи-удѣлъ другого члена «союза» . . . Не знаю, есть ли другая сколько-нибудь культурная страна, гдѣ такіе государственные вопросы и крупныя затраты народнаго достоянія рѣшались бы такъ просто: купцу Морозову захотѣлось получитъ орденъ Владиміра, и онъ по секрету предложилъ директору департамента осчастливить Нижній устройствомъ всероссійской выставки; эта несчастная мысль по секрету же была доложена министру; а тотъ по секрету доложилъ Государю, и полетѣли милліоны на никому ненужное дѣло . . . И вотъ предсѣдатель мѣстнаго отдѣла всероссійской выставки, Нижегородскій губернаторъ генералъ Барановъ, посѣтивъ меня вслѣдъ за аудіенціей у покойнаго Государя, сообщилъ такія сказанныя Его Величествомъ слова, которыя, при правильно поставленной гласности, могли бы быть лучшимъ лавромъ Его Царствованія: «Что это все дѣлаемъ для промышленности да для торговли, сказалъ Государь, — хорошо бы на этой выставкѣ что-нибудь сдѣлать для народа.» Быть можетъ въ иной формѣ была высказана эта мысль, не въ томъ дѣло; но что она была высказана — это фактъ, и вѣчно живой цвѣтокъ на могилу усопшаго Царя. Теперь посмотримъ, какъ отозвались на эту добрую мысль Царя «Русская Жизнь» и союзъ Chrétien-Juif. Вотъ что напечатала «Русская Жизнь» 30 января 1894 г.

Копія докладной записки, представленной министру финансовъ сего 30 января ред.-изд. газеты «Русская Жизнь».

«При первыхъ слухахъ, что ассигнованные въ 1891 году десять милліоновъ рублей съ цѣлью создать заработокъ голодающему населенію предполагается расходовать на уси-

ленную вырубку лѣсовъ и вызовъ изъ деревень рабочихъ для замощенія городскихъ улицъ, постройку элеваторовъ, шоссе и т. п. «Русская Жизнь» заявила протестъ противъ такого пріема борьбы съ голодомъ.

Въ цѣломъ рядѣ статей мы доказывали необходимость прямо противоположнаго плана дѣйствій, и приводимые доводы не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что нравственные и матеріальные интересы голодающихъ, соображенія общегосударственныя, политическія, экономическія и даже чисто полицейскія требовали прежде всего удержать кормильца среди его голодающей семьи.

«Русская Жизнь« указывала на возможность дать одновременный и почти поголовный — безъ различія пола и возраста — заработокъ не только всему сельскому населенію голодающихъ районовъ на самомъ мѣстѣ жительства, но и на возможность привлечь къ этому же заработку часть тѣхъ 400,000 фабричныхъ и иныхъ рабочихъ, которые очутились безъ дѣла отъ сокращенія производства и, оставаясь въ густо населенныхъ центрахъ въ надеждѣ на лучшіе дни, проѣдали послѣднія сбереженія, служили поводомъ эксплуатаціи работодателей, а въ минуту безысходнаго положенія могли сдѣлаться орудіемъ людей, девизъ которыхъ: «чѣмъ хуже — тѣмъ лучше».

Такимъ образомъ «Русская Жизнь» развернула цѣлый, давно готовый, планъ общественныхъ работъ, долженствовавшій положить начало осуществленію великаго, по истинѣ вопіющаго въ народномъ хозяйствѣ дѣла, задуманнаго императрицей Екатериной въ послѣдніе годы ея жизни, — планъ постепеннаго обращенія деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую.

Подсчетъ потребной для того затраты на весь голодающій районъ указывалъ, что достаточно было лишь одной трети тѣхъ издержекъ казны, которыя министерство финансовъ признавало посильнымъ ассигновать на борьбу съ голодомъ, — издержекъ частью безвозвратныхъ, частью явно минующихъ голодающихъ, — милліоновъ, расходуемыхъ по проектамъ и смѣтамъ, спѣшно составленнымъ, не продуманнымъ, не обработаннымъ, не провѣреннымъ, даже не пріуроченнымъ къ наличнымъ силамъ и насущнѣйшимъ потребностямъ, и во всякомъ случаѣ вызывающимъ увеличеніе пьянства и разгула въ мѣстахъ скопленія рабочихъ, да траты ими времени, силъ и средствъ на переѣзды за поисками заработка, по слухамъ часто ложнымъ.

«Мы считаемъ эти десять милліоновъ прямо потерянными» — говорили намъ тогда отпускавшіе эти милліоны[1]; а между тѣмъ планъ, предложенный «Русской Жизнью», предупреждалъ и эти потери, и всю эту сутолоку, и ея печальныя послѣдствія. Данныя, давнымъ давно добытыя самимъ правительствомъ и частными изслѣдованіями, воочію убѣждали въ томъ, что каждый милліонъ рублей, расходуемый государствомъ на такой пріемъ помощи населенію, не только не былъ никогда затратой безвозвратной, но, наоборотъ, приносилъ сто на сто въ смыслѣ финансовой операціи и, главное, открывалъ кормильцу государства — пахарю — пути къ тому нравственному и экономическому преуспѣянію, которое недоступно человѣку при совмѣстномъ со скотомъ жительствѣ въ избѣ, обязательно сгораемой въ періодъ отъ 12 до 15 лѣтъ.

Какъ извѣстно, голосъ нашъ оказался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Доля вины

---

[1] Подлинныя слова Г. Витте.

въ томъ, въ силу общихъ условій, падаетъ и на «Русскую Жизнь», такъ какъ, вѣрная своему знамени, она ранѣе обсужденія вопроса о борьбѣ съ голодомъ и одновременно со статьями, ему посвященными, открыто выражала несочувствіе нѣкоторымъ мѣропріятіямъ, какъ, напр., появленію въ странѣ «биржеваго хозяйства», покровительству спекуляціи, уклоненію государственнаго банка отъ его прямаго назначенія, точно закономъ указаннаго; «благотворительнымъ лотереямъ», и нѣкоторымъ другимъ мѣропріятіямъ, вызывавшимъ рукоплесканія, въ лучшемъ случаѣ исходящія отъ неяснаго объ нихъ представленія.

Приравнивая нѣкоторыя изъ таковыхъ мѣропріятій къ новымъ налогамъ на бѣдность, «Русская Жизнь» неустанно взывала къ замѣнѣ объекта, предлагая поставить обездоленныхъ впереди судьбою взлелѣянныхъ, избу впереди биржи, заботы о землѣ и пахарѣ впереди всѣхъ безъ исключенія другихъ заботъ, и, противопоставляя фактической силѣ одну лишь правду, съ первыхъ же шаговъ по пути таковаго служенія навлекла на себя опалу со всѣми ея послѣдствіями, не исключая наносимыхъ ей матеріальныхъ ущербовъ.

Въ массѣ заявленій, полученныхъ редакціей — буквально изъ всѣхъ сферъ — съ иною оцѣнкою таковаго служенія, былъ полученъ одинъ откликъ на предложенный ею планъ общественныхъ работъ, который исторія отмѣтитъ, какъ начало новой эры въ государственномъ хозяйствѣ вообще и въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ особенности. Вѣстникомъ такого отклика былъ тотъ русскій ученый финансистъ, который имѣлъ мужество гласно указывать на многіе недочеты финансоваго режима того времени.

Нынѣ, изъ достовѣрныхъ свѣдѣній, оказывается, что таковаго же отклика можно ожидать и каждой попыткѣ дать предстоящей въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской выставкѣ характеръ народный, долженствующій послужить не одной только торговлѣ и промышленности, какъ было доселѣ, но послужить на пользу и самому быту пахаря и прочей бѣднотѣ въ ихъ домашнемъ обиходѣ, такъ рѣзко выдѣляющемся среди всѣхъ сколько-нибудь культурныхъ народовъ.

Счастливый возможностью принести посильную лепту въ этомъ направленіи, доказательствомъ чего служитъ прилагаемая справка, покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство разрѣшить комитету включить въ программу выставки отдѣлъ «дешевыхъ сельскихъ огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ», организацію и выполненіе котораго, буде комитетъ затруднится въ выборѣ отвѣтственнаго лица изъ числа свѣдущихъ по сему вопросу, я готовъ принять на себя по прилагаемой смѣтѣ.

Эта смѣта максимальныхъ расходовъ отдѣла составлена мною при участіи тайн. сов. Королева, болѣе всѣхъ на Руси потрудившагося по этому вопросу, и В. В. Гулевича, перваго предсѣдателя комиссіи при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, учрежденной по моему предложенію для изысканія средствъ устраненія народнаго бѣдствія отъ пожаровъ единственно раціональнымъ путемъ — распространеніемъ дешевыхъ огнестойкихъ построекъ.

Вся денежная часть по выполненію отдѣла можетъ быть ввѣрена чиновнику министерства, уполномоченному комитетомъ, который и представитъ дѣйствительные итоги расходовъ съ оправдательными документами для государственнаго контроля.»

I. Цѣль устройства отдѣла — положить начало постепенному обращенію деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую — задача государственнаго характера.

II. Срокъ открытія выставки даетъ возможность пріурочить самое устройство отдѣла къ теоретическому и практическому обученію этому дѣлу мастеровъ и десятниковъ-руководителей, вызванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

III. При развитіи дѣла съ небольшой поддержкой крестьянства кредитомъ государства, помимо вышеуказанныхъ результатовъ, сумма ежегодныхъ сбереженій народнаго достоянія отъ истребленія пожарами можетъ быть доведена до размѣровъ, нѣсколько разъ превышающихъ сумму всѣхъ прямыхъ налоговъ, платимыхъ населеніемъ.

IV. Изъ найденныхъ въ рязанск. губерн. архивѣ документовъ видно, что обращеніе вѣчно пылающей Руси въ огнестойкую было поручено императрицей Екатериной своему наслѣднику; и въ Гатчинѣ, резиденціи цесаревича, былъ произведенъ имъ цѣлый рядъ пробныхъ огнестойкихъ сельскихъ построекъ, а по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ далъ дѣлу совершенно правильную организацію, уничтоженную имъ же только по свойствамъ своего характера.

Эти данныя въ связи съ широкими задачами, возлагаемыми нынѣ Государемъ Императоромъ на Своего Первенца (предсѣдательство въ Особомъ комитетѣ и предсѣдательство въ комитетѣ по постройкѣ мірового пути) указываютъ и этой вопіющей народной нуждѣ прямой путь къ тому же сердцу, разуму и водительству.

Такимъ образомъ, удовлетвореніе настоящаго ходатайства оставитъ слѣдующіе слѣды въ народномъ хозяйствѣ, въ государственной экономіи, въ лѣтописяхъ министерства финансовъ и въ исторіи настоящаго царствованія:

1) Одновременное теоретическое и практическое обученіе нѣсколькихъ сотъ мастеровъ и десятниковъ-руководителей производству дешевыхъ огнестойкихъ сельскихъ построекъ, т. е. устраненіе главнаго препятствія къ повсемѣстному распространенію таковыхъ построекъ, на которое ссылаются земства и высшія губернскія власти въ своихъ отзывахъ вышеуказанной коммиссіи.

2) Появленіе въ центрѣ страны цѣлаго поселка съ образцами огнестойкихъ построекъ всѣхъ типовъ, разнообразныхъ по свойству климата, мѣстнымъ строительнымъ матеріаламъ, бытовымъ условіямъ и достатку.

3) Готовое — въ центрѣ страны, на главномъ водномъ пути, въ мѣстѣ главнаго государственнаго торжища — помѣщеніе для постояннаго училища построенія дешевыхъ огнестойкихъ зданій сельскихъ и городскихъ, при чемъ часть расходовъ на содержаніе училища обезпечивается доходомъ отъ черепичнаго завода, устроеннаго по лучшимъ современнымъ образцамъ, какъ указано въ смѣтѣ.

4) Указанъ единственно вѣрный путь къ постепенному сложенію съ народа налога за право быть вѣчнымъ недоимщикомъ казны и земства; за право стоять впереди другихъ народовъ по заболѣваемости, смертности и безграмотности; за право быть бѣднымъ среди невѣдомаго другимъ народамъ обилія, разнообразія и богатства всякаго рода угодій.

«Временникъ центр. статист. комитета No. 27, 1893 г., свидѣтельствуетъ, что даже въ 1892 году, столь памятномъ по двумъ стихійнымъ бѣдствіямъ, народъ уплатилъ за вышеуказанныя права и преимущества въ видѣ ежегодной страховой преміи:

въ 34 земск. губерн	10,801,422 руб.
» 16 неземск. губ. и обл. . . .	5,723,956 »
А всего . . .	16,525,378 руб.

За понесенные въ томъ же году пожарные убытки, по самой ничтожной оцѣнкѣ строенія, деревня получила всего . . . . . 14,986,893 руб.

Въ дѣйствительности же сумма убытковъ превышаетъ полученное вознагражденіе никакъ не менѣе, какъ въ пять разъ, что подтверждаютъ всѣ спеціальныя изслѣдованія. Стало быть, даже въ 1892 году, нисколько не выдающемся въ пожарномъ отношеніи, кормилица государства, деревня, потеряла одного имущества въ строеніи на сумму до 60,000,000 руб., не считая прочаго сгорѣвшаго ея скуднаго «гунятья», разстройства хозяйства и платежныхъ силъ.

Но и этого мало; въ томъ же 1892 г. значится запаснаго страховаго капитала, собраннаго съ той же деревни — 49,806,697 руб.

И эти итоги касаются лишь 50 губерній... Въ нихъ не входятъ 10 привислянскихъ губерній, Финляндія, Кавказъ, вся Сибирь и азіатскія владѣнія, и тѣ девять десятыхъ нашихъ городовъ, которые по бѣдности населенія и конструкціи строенія — тѣ же деревни; городское же страхованіе изъ всей тысячи нашихъ городовъ введено лишь въ 66-ти.

Такимъ образомъ, дѣйствительная ежегодная потеря Россіи отъ одной изъ ея печальныхъ особенностей — отсутствія огнестойкихъ зданій — не поддается подсчету, если въ основу его взять оффиціальные источники, и лишь по частнымъ изслѣдованіямъ надлежитъ признать не менѣе четверти милліарда.

Столь тяжкій, спеціально-русскій налогъ на бѣдность долженъ былъ прежде всего отразиться на народномъ здравіи.

Вотъ цифровыя тому доказательства:

Въ Англіи средняя смертность.	19 на 1000
Въ Россіи.	35 » 1000.
Въ Англіи средняя продолжительность жизни . .	53 года.
Въ Россіи	29 лѣтъ.
А потому:	
У англичанина рабочихъ лѣтъ въ жизни	35 лѣтъ.
У русскаго. . . . . только	11 лѣтъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю присовокупить, что имѣются въ виду нѣсколько частныхъ лицъ, готовыхъ дать всѣ средства для осуществленія намѣченной программы отдѣла. Непрерывныя и громадныя траты казны на удовлетвореніе потребностей группы торговцевъ и промышленниковъ наводятъ, однако, на мысль ограничить частныя приношенія на столь примитивныя потребности другой группы — пахаря и прочей бѣдноты —

лишь внутренней отдѣлкой зданій поселка и снабженіемъ ихъ всякаго рода движимостью. Вполнѣ обезпеченный въ этихъ статьяхъ расхода, отъ яслей для младенца до утвари для храма включительно, я и не вносилъ ихъ въ смѣту расхода отъ казны.

30-го января 1894 г.

СМѢТА

ОТДѢЛА ДЕШЕВЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОГНЕСТОЙКИХЪ И НЕСГОРАЕМЫХЪ ПОСТРОЕКЪ.

1)	Публикаціи о конкурсѣ и преміи[1]	3,000 руб.
2)	Расходы по организаціи, дѣлопроизводство, командировка заграницу и въ Нижній-Новгородъ и пр. админ. расходъ на все время выставки	9,000 »
3)	Техническій персоналъ по теоретическому и практическому обученію и веденію работъ по постройкѣ всего поселка	8,000 »
4)	Стоимость жилыхъ строеній по два типа (для бѣдной семьи и достаточной): изъ калыпа, известково-песчанобитныхъ, глиномятныхъ и изъ жженаго кирпича (системы Герарда)	7,500 »
5)	Тоже не жилыя	2,500 »
6)	Зданіе вмѣщающее церковь, школу и читальню	3,000 »
7)	Зданіе, вмѣщающее ясли, больницу и баню	1,700 »
8)	Зданіе для училища построенія дешевыхъ огнестойкихъ сельскихъ построекъ	5,000 »
9)	Изгороди и хозяйство улицы	2,000 »
10)	Черепичный заводъ (кустарный) по послѣднимъ образцамъ, въ Германіи и Швейцаріи принятымъ	9,000 »
11)	Непредвидѣнные расходы	4,300 »
	Итого	55,000 руб.

СПРАВКА:

Изученіе вопроса о постепенномъ переходѣ деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую, начатое мною еще въ 70-хъ годахъ, шло слѣдующимъ путемъ:

1) изученіе вопроса въ техническомъ отношеніи.

2) вопросъ экономическій, и

3) пріемы практическаго примѣненія, т. е. возможно быстраго распространенія огнестойкихъ зданій.

По первому вопросу собранныя свѣдѣнія привели къ заключенію, что въ техническомъ отношеніи рѣшенію задачи не представляется никакихъ затрудненій, какъ въ

---

[1] Жюри: Предсѣдатель тайн. сов. Королевъ (членъ совѣта мин. гос. имущ., авторъ многихъ изслѣдованій объ огнестойкихъ постройкахъ и «Сельскаго строительнаго искусства»).

Товарищъ предсѣдателя: ред.-изд. газ. «Русская Жизнь» (предсѣдатель соединенной комиссіи о мѣрахъ къ распространенію огнеупорн. сельск. построекъ).

Члены: уполномоченный комитетомъ выставки (завѣдующій денежною частью), колл. сов. Гулевичъ — первый предсѣдатель комиссіи по огнеупорн. постр. при Имп. моск. общ. сельск. хозяйства; г. Шеліховъ секретарь той же комиссіи; и представители обществъ: Имп. моск. общ. сельск. хоз., моск. отд. Имп. русск. технич., москов. архитектурнаго общ. и общ. с.-петерб. архитек.

Эти лица приглашаются по соглашенію предсѣдателя, его товарища и уполномоченнаго комитетомъ изъ числа членовъ, посвятившихъ свои труды изученію этого вопроса.

смыслѣ повсемѣстной у насъ наличности дешевыхъ огнестойкихъ матеріаловъ, отвѣчающихъ разнообразію климата и прочимъ условіямъ, такъ и по отношенію соотвѣтственной этимъ условіямъ конструкціи.

Для выясненія экономическаго вопроса предприняты были мною совѣщанія на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ и устраивались періодическіе съѣзды въ Москвѣ изъ лицъ, извѣстныхъ свѣдѣніями въ этой области знаній, съ приглашеніемъ и нѣкоторыхъ особенно выдающихся предсѣдателей земскихъ управъ.

Выработанныя такимъ путемъ данныя были предложены министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, какъ лепта частнаго лица, сопровождаемая просьбой поставить этотъ вопросъ на первой очереди въ виду неисчислимыхъ ежегодныхъ потерь, которыя страна несетъ отъ пожаровъ вообще, и сельскихъ въ особенности.

Признавая за этимъ вопросомъ общегосударственное значеніе, гг. министры: Маковъ, гр. Толстой и гр. Лорисъ-Меликовъ, Рейтернъ и Бунге предпочитали, однако осуществленіе его путемъ частной предпріимчивости. Составленный вслѣдствіе того проектъ общества подъ фирмою «Земскій строитель» былъ представленъ группою слѣдующихъ лицъ, принявшихъ званіе учредителей: кн. Мещерскій (бывшій московскій губернскій предводитель дворянства), тайный совѣтникъ Королевъ, инженеръ д. с. с. Горчаковъ, землевладѣлецъ Иловайскій и редакторъ-издатель газеты «Русская Жизнь». И, не взирая на живѣйшія симпатіи, которыми проектъ этотъ былъ встрѣченъ, помимо вышеуказанныхъ гг. министровъ, г. министромъ государственныхъ имуществъ Островскимъ и госуд. контрол. Сольскимъ, тѣмъ не менѣе проектъ былъ оставленъ, потому что министерство финансовъ отказало въ признаваемой учредителями необходимою 5 проц. гарантіи на складочный капиталъ, хотя сумма гарантіи не превышала 125 т. р. въ годъ.

---

8 го апрѣля 1888 года, въ засѣданіи Императорскаго москов. общ. сельск. хозяйства я изложилъ ходъ дѣла и предложилъ собранію избрать комиссію для изысканія способовъ проведенія этого вопроса. Предложеніе было принято единодушно, и первой задачей своей учрежденная по сему комиссія поставила собрать свѣдѣнія о положеніи этого вопроса во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи.

Къ членамъ отъ Имп. моск. общ. сельск. хозяйства примкнули добровольцы отъ моск. отд. Императ. техническаго общества и моск. архитект. общ. и за этой соединенной комиссіей, руководимой первымъ ея предсѣдателемъ В. В. Гулевичемъ, имѣется нынѣ слѣдующая историческая заслуга: правильная постановка вопроса и энергическое преслѣдованіе намѣченной цѣли привели къ тому, что впервые за все тысячелѣтіе Россіи собраны матеріалы, представляющіе возможность широко поставить этотъ чисто государственный вопросъ. Вотъ имена этихъ почтенныхъ дѣятелей:

В. В. Гулевичъ, А. И. Шелиховъ, П. Е. Гронскій, П. М. Преображенскій, В. А. Красовскій, Ф. П. Поповъ, А. А. Мейнгардтъ, А. А. Матвѣевъ, М. А. Даниловъ, Н. В. Никитинъ, В. Г. Залѣсскій, Д. А. Беэръ, В. А. Бадеръ, А. Н. Колосовъ, Э. Д. Черноцкій, М. П. Пупоревъ, Н. Н. Дерягинъ и нѣкоторые другіе, принимавшіе повременное участіе.

Послѣ отъѣзда изъ Москвы В. В. Гулевича комиссія выразила желаніе, чтобы я былъ ея предсѣдателемъ, несмотря на переселеніе мое въ Петербургъ, и въ одномъ изъ засѣданій, бывшихъ въ Москвѣ въ прошломъ году подъ моимъ предсѣдательствомъ, постановлено ходатайствовать передъ общимъ собраніемъ объ обращеніи комиссіи въ постоянное при обществѣ учрежденіе.

Въ представленномъ докладѣ комиссіи общему собранію сдѣланъ сводъ ея работъ и приведены нѣкоторые отзывы изъ числа четырехъ сотъ семидесяти полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи (см. «Труды Имп. моск. общ. сельск. хоз.» вып. XXVI).»

* *
*

Такъ какъ эта записка была напечатана въ «Русской Жизни» въ самый день подачи ея министру финансовъ, такъ какъ въ ней былъ прямой намекъ не только на сочувствіе Наслѣдника Престола, нынѣ Императора Николая II, но и на категорически выраженную волю царствовавшимъ тогда Его Родителемъ, то союзу Chrétien-Juif ничего конечно не оставалось, какъ благосклонно отнестись къ проэкту, ребромъ поставленному его супротивникомъ и, хотя послѣ долгихъ проволочекъ, дать дѣлу ходъ. Такъ и случилось. У меня въ кабинетѣ былъ профессоръ А. А. Исаевъ, когда вошелъ г. Ковалевскій и объявилъ, что онъ принесъ радостную вѣсть, которую не хотѣлъ чтобы я узналъ отъ кого-нибудь другаго, — вѣсть о согласіи министра ходатайствовать въ Государственномъ Совѣтѣ о дополненіи выставки предложеннымъ мною отдѣломъ, но со скидкой пяти тысячъ съ представленной смѣты.[1]

На любезность г. Ковалевскаго я отвѣтилъ, что никакой скидки не боюсь, тѣмъ болѣе, что въ теченіи этихъ мѣсяцевъ, въ которые я не получалъ никакого отвѣта объ участи предложенія, мнѣ уже заявлено частными лицами свыше 20 тыс. руб., жертвуемыхъ на тотъ же предметъ, на статьи въ смѣтѣ не введенныя, а именно: на внутреннюю отдѣлку типа церкви-школы, больницы, яслей и трехъ типовъ крестьянскихъ избъ.

По утвержденіи Государственнымъ Совѣтомъ представленія министра, «Дешевыя огнестойкія и несгораемыя сельскія постройки» были отнесены къ XVII отдѣлу выставки и составили III группу. Принявъ оффиціальное завѣдываніе этой группой, я въ первомъ же общемъ собраніи гг. членовъ XVII отдѣла, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго, представилъ воспроизводимые ниже проэктъ расположенія группы этихъ построекъ и текстъ циркуляра, поясняющаго весь планъ дѣйствій; причемъ я испрашивалъ у собранія разрѣшенія разослать все вышеуказанное во всѣ управы губернскія и уѣздныя, а въ губерніяхъ не земскихъ и областяхъ — гг. губернаторамъ и начальникамъ областей. Собраніе состояло изъ представителей отъ всѣхъ министерствъ, и въ результатѣ преній было занесено въ протоколъ единодушное пожеланіе полнѣйшаго осуществленія.

Вотъ прочитанный мною на собраніи текстъ циркуляра и копіи съ двухъ плановъ:

---

1 Выходитъ такъ: впервые на избу ходатайствовали у Государственнаго Совѣта, да и то не по своему почину, 55 тыс. руб. и всетаки урѣзали, и безъ мотивовъ. Стало быть, милліоны — промышленникамъ и торговцамъ, гроши — кормильцамъ на избу, и еще изъ этихъ то грошей десятую часть скидки — безъ мотивовъ . . .

ВСЕРОССІЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ и ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1896 ГОДА
ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Отдѣлъ XVII — строительнаго и инженернаго дѣла, рѣчнаго и морскаго торговаго судоходства.

ГРУППА III.

Дешевыя огнестойкія и несгораемыя постройки.

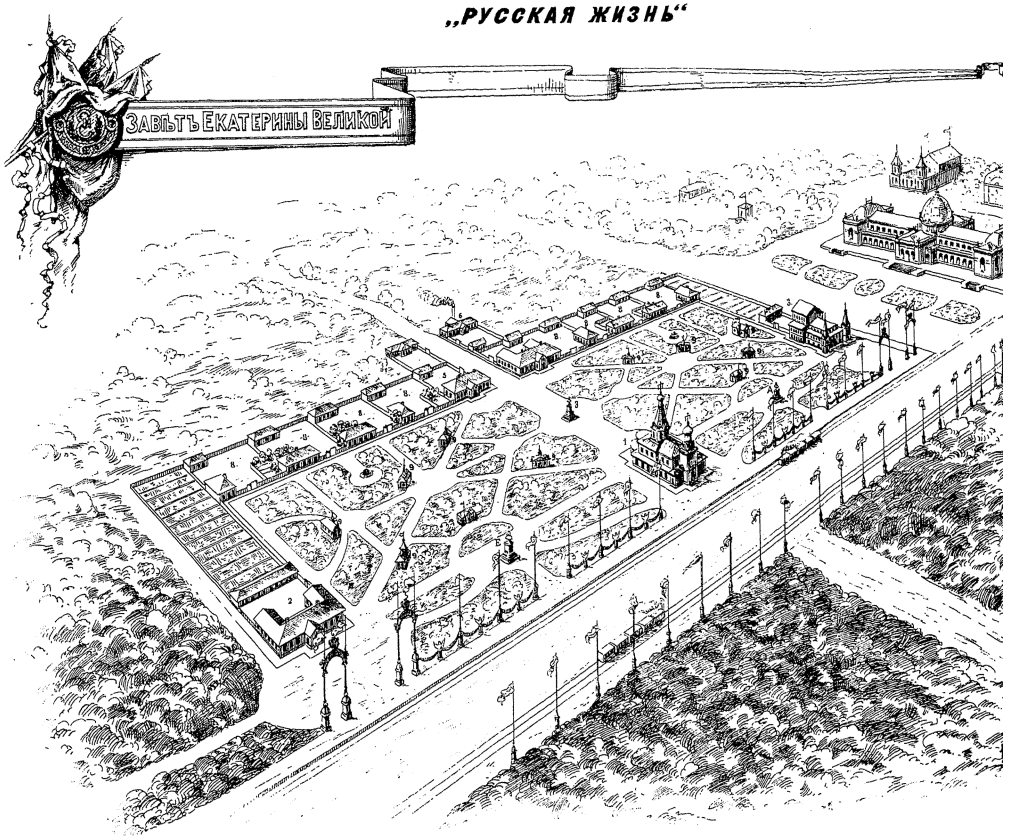
Воспроизводимыя на 8-ой страницѣ копія докладной записки, представленной министру финансовъ 30 января, и передовая статья «Русской Жизни» отъ 7 іюня сего года, объясняютъ возникновеніе, ходъ и рѣшеніе вопроса о включеніи въ программу предстоящей въ 1896 г. всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ отдѣла дешевыхъ сельскихъ огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ.

Время, которое потребовалось для проведенія самой идеи и непредвидѣнная скидка со смѣты, вызвали нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ планѣ дѣйствій.

Составитель докладной записки, на котораго нынѣ возложено ея осуществленіе, считаетъ долгомъ подвергнуть предварительной критикѣ предполагаемый планъ дѣйствій, а равно и прилагаемый при семъ проектъ расположенія всей группы дешевыхъ огнестойкихъ построекъ, во 1-хъ потому, что цѣль предпринятой работы — устраненіе тѣхъ препятствій (отсутствіе знаній и спеціальнаго кредита) къ распространенію въ Россіи дешевыхъ огнестойкихъ построекъ, которыя заявлены въ бывшую коммиссію правительственными лицами и учрежденіями, земствами, учеными обществами и частными лицами, всего въ количествѣ 470 отзывовъ; во 2-хъ потому, что осуществленіе плана во всемъ его объемѣ и дальнѣйшее его развитіе, а слѣдовательно и успѣшное рѣшеніе задачи, завѣщанной геніемъ Екатерины — постепенное обращеніе деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую, — возможны лишь при совмѣстной работѣ правительства, земства и общества; и въ 3-хъ потому, что предлагаемый критикѣ проектъ и пояснительная къ нему записка не могли быть выработаны путемъ открытаго для всѣхъ конкурса, съ назначеніемъ денежныхъ премій, какъ предполагалось, по причинамъ вышеуказаннымъ.

ПЛАНЪ ДѢЙСТВІЙ.

Настоящее заявленіе нынѣ же посылается во всѣ земскія управы, въ губернскія страховыя учрежденія въ неземскихъ губерніяхъ, въ городскія управы, гг. начальникамъ губерній и областей, сельскохозяйственнымъ и нѣкоторымъ ученымъ обществамъ и лицамъ, кои, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, принимали участіе въ разработкѣ вопроса.

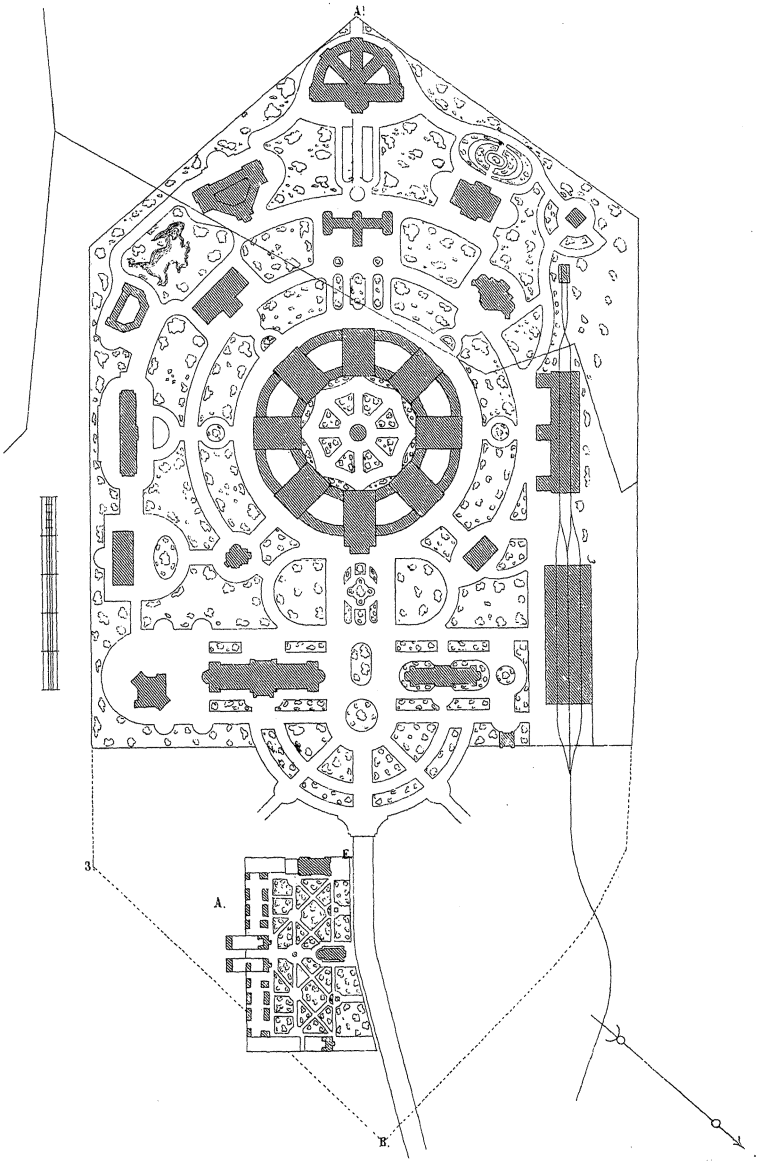
Проектъ расположенія группы дешевыхъ огнестойкихъ и несгораемыхъ сельскихъ и городскихъ по

ОПИСЬ СТРОЕНІЙ.

1. Церковь-школа вмѣстимостью: какъ церковь до 300 человѣкъ и какъ школа до 60 учениковъ — почти вдвое болѣе нынѣ существующаго процентнаго отношенія учащихся къ общему числу жителей.
2. Зданіе для постояннаго училища на 50 учениковъ и мастерскія для обученія построенію дешевыхъ огнестойкихъ и несгораемыхъ сельскихъ и городскихъ построекъ.
3. Театръ-школа на 600 человѣкъ, какъ образецъ для болѣе населенныхъ провинціальныхъ центровъ и устройства народныхъ развлеченій въ столицахъ.
4. Зданіе для помѣщенія больницы и при ней ясли.
5. Амбулаторія и при ней аптека.
6. Баня и колодцы.
7. Зданіе для заразныхъ больныхъ.
8. Типы дешевыхъ жилыхъ и нежилыхъ сельскихъ и изъ калыпа, известково-песчано-битныхъ, глиномятн наго кирпича (системы Герарда), землебитныхъ, плет
9. Павильоны для экспонентовъ.

Лит. Е. А. Н. — Мѣста спеціальнаго назначенія, требу наго разрѣшенія. (Лит. Е. — Памятникъ Екатеринѣ I Памятникъ Императору Александру III; лит. Н. — Пам Николаю II.)

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ
ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ ВЪ 1896 ГОДУ.

A. Проектъ расположенія группы дешевыхъ огнестойкихъ и несгораемыхъ сельскихъ и городскихъ построекъ.

A¹. Приблизительное расположеніе всѣхъ остальныхъ отдѣловъ.

Одновременно съ присылкой просимой критики или одобренія, желательно получить чертежи или хотя наброски тѣхъ дешевыхъ огнестойкихъ зданій, которыя на практикѣ оказались соотвѣтственными своему назначенію.

Просимъ также сообщить, во 1-хъ, предположительный средній размѣръ обыкновеннаго крестьянскаго двора, т. е. каждаго жилаго и нежилаго строенія (въ ширину, длину и высоту); во 2-хъ, мотивированныя указанія на тѣ мѣстные обычаи и спеціальныя условія, климатическія и иныя, которые должны быть приняты за основаніе при выработкѣ типовъ даннаго района; и въ 3-хъ указаніе извѣстныхъ въ околодкѣ техниковъ или практиковъ (мастеровъ), занимающихся этимъ вопросомъ, съ обозначеніемъ званія, имени, отчества, фамиліи и точнаго ихъ адреса.

Просимые отзывы необходимо должны быть получены нами не позднѣе 1 ноября с. г.

Ознакомленіе съ ними, группировка и выводы будутъ предметомъ занятій техническаго и хозяйственнаго отдѣловъ нашей группы въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ, а къ 1 февраля 1895 г. всѣ выработанные — примѣнительно къ симъ выводамъ — проекты съ детальными чертежами будутъ представлены на утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Для завѣдыванія техническимъ отдѣломъ приглашенъ мною членъ совѣта министра земледѣлія и госуд. имущ. т. с. Ф. Н. Королевъ, а хозяйственнымъ отдѣломъ — членъ отъ земства Смолен. отд. крестьянск. позем. банка В. В. Гулевичъ.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА КЪ ПРОЕКТУ РАСПОЛОЖЕНІЯ ГРУППЫ ДЕШЕВЫХЪ ОГНЕСТОЙКИХЪ И НЕСГОРАЕМЫХЪ ПОСТРОЕКЪ.

На генеральномъ планѣ Всероссійской выставки, имѣющей быть въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году, треугольникъ З. Е. В. («Завѣтъ Екатерины Великой») — мѣсто, отведенное комитетомъ для нашей группы — отвѣчаетъ почти всѣмъ заявленнымъ требованіямъ. Не могла быть только уважена просьба занять мѣсто по правую сторону дороги — на солнечной сторонѣ.

Отведенный пустырь принадлежитъ городу и на незначительной глубинѣ имѣетъ глинистый слой — главный матеріалъ для огнестойкихъ построекъ.

Принадлежность городу отведеннаго участка имѣетъ еще то существенное значеніе, что предполагается собственнику земли, городу, передать на попеченіе, если не въ вѣчную собственность, все на ней построенное. Ибо тутъ, въ центрѣ страны, на главномъ водномъ пути и рядомъ съ мѣстомъ ежегоднаго съѣзда сотенъ тысячъ предпріимчивыхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, слагается подъ флагомъ «Завѣтъ Екатерины Великой» нѣчто болѣе, чѣмъ выставка произведеній откуда-то добытаго новаго строительнаго искусства: созидается цѣлый поселокъ съ наличными и вѣрными доходными статьями, обезпечивающими содержаніе постояннаго училища обученія огнестойкому построенію, или, другими словами, — полагается правильное и прочное начало постепеннаго обращенія вѣчно пылающей деревянно-соломенной сельской и городской Руси въ огнестойкую. — Это вопервыхъ.

Во-вторыхъ, въ основѣ выработки типовъ дешевыхъ огнестойкихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ будетъ положено устраненіе, по возможности, той внутренней обста-

новки этой категоріи россійскаго жилья, которая у культурныхъ народовъ давнымъ давно считается принадлежностью помѣщенія рабочаго скота, а не человѣка. Если этотъ первый опытъ не во всѣхъ частяхъ будетъ удовлетворителенъ, то дѣло будущихъ дѣлателей, и прежде всего того же училища, исправить наши неудачи и добиваться лучшихъ типовъ. Во всякомъ случаѣ, типы огнестойкихъ церкви-школы, яслей, больницы, амбулаторіи, бани, крестьянской избы, крестьянскаго двора и проч. принесутъ несомнѣнную пользу и пахарю, и земствамъ, и городамъ; а типъ дешеваго огнестойкаго зданія для театра-школы, со смѣтой и указаніемъ наиболѣе подходящаго пріема образованія строительнаго капитала, значительно облегчитъ какъ провинціальные города, такъ и столичныя благотворительныя общества въ разрѣшеніи давно назрѣвшей задачи — устроенія народныхъ развлеченій.

И въ-третьихъ, всѣ имѣющіяся у насъ данныя по вопросу о театрѣ-школѣ, какъ понимала его императрица Екатерина, даютъ возможность приготовить ко времени окончанія постройки зданія богатый выборомъ и вполнѣ соотвѣтственный ея завѣту репертуаръ пьесъ.

«Народъ, который поетъ и пляшетъ — зла не думаетъ». И далѣе: «театръ — школа народная; она должна быть непремѣнно подъ моимъ надзоромъ; я — старшій учитель въ этой школѣ, и за нравы народа — мой первый отвѣтъ Богу.» И эти слова Императрицы не расходились съ дѣломъ, какъ будетъ видно изъ подробной записки, приложенной къ проекту зданія. Здѣсь же укажемъ только на тотъ фактъ, что народныя драматическія представленія развились у насъ изъ религіозныхъ и обрядовыхъ сторонъ народной жизни, и первыми нашими драматургами были не свѣтскіе люди, а святители церкви: Димитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій, Ѳеофилъ и Аполлосъ Байбаковъ.

ДЕНЕЖНЫЯ СРЕДСТВА.

Денежныя средства для выполненія работъ по ввѣренной мнѣ группѣ слагаются изъ 50,000 р., ассигнованныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, и заявленныхъ уже частныхъ пожертвованій по статьямъ расхода, невключеннымъ въ смѣту, а именно: по внутренней отдѣлкѣ церкви-школы и снабженію церкви утварью и ризницею, а школы — необходимою мебелью; обстановкѣ яслей, больницы и амбулаторіи, и нѣкоторымъ предметамъ крестьянскаго обихода. Такимъ образомъ остается лишь непокрытымъ расходъ на теоретическое и практическое обученіе во время самаго производства построекъ нѣсколькихъ сотъ мастеровъ, собранныхъ со всѣхъ губерній; а такъ какъ отсутствіе мастеровъ свѣдущихъ въ производствѣ огнестойкихъ построекъ заявлено какъ главное препятствіе къ распространенію этихъ построекъ, то очевидно, что средства для того должны быть найдены; и это не трудно, по незначительности самаго расхода.

По сдѣланному завѣдующимъ хозяйственнымъ отдѣломъ разсчету, полное содержаніе рабочаго, т. е. помѣщеніе, харчи, включая ежедневную винную порцію и чай, медицинскій надзоръ и таковую же, въ случаѣ надобности, помощь, обойдется въ десять р. въ мѣсяцъ, а въ шесть мѣсяцевъ (отъ 15 апрѣля до 15 октября) этотъ расходъ составитъ 60 р.; къ этому итогу надлежитъ прибавить путевые расходы отъ мѣста отправленія до Нижняго-Новгорода и обратно, и то вознагражденіе за 6 мѣсяцевъ, о размѣрѣ котораго отправитель договорится съ избраннымъ имъ рабочимъ.

Въ техническомъ отдѣлѣ нашей группы уже установлены главныя основанія для составленія учебника по каждому раздѣлу огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ. Самый текстъ учебника и рабочіе чертежи будутъ изготовлены ко времени открытія работъ, и провѣренные на практикѣ ежедневными рабочими журналами и почти годовымъ опытомъ отъ постройки до открытія выставки, будутъ напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ и поступятъ въ обращеніе.

Теоретическое и практическое обученіе рабочаго, имѣя цѣлью сдѣлать изъ него мастера свѣдущаго, способнаго составить чертежъ требуемаго зданія и самостоятельно руководить самой постройкой, попутно обучая другихъ, закончится общимъ публичнымъ экзаменомъ соотвѣтственнаго характера, т. е. не только устными отвѣтами и составленіемъ чертежей на заданныя темы, но и собственноручнымъ передъ экзаменаторами производствомъ нѣкоторыхъ работъ, доступныхъ по времени исполненія.

Обученный такимъ образомъ рабочій получаетъ свидѣтельство съ подробнымъ обозначеніемъ степени его познаній по каждому пройденному имъ раздѣлу, и соотвѣтственно своимъ способностямъ, знаніямъ, поведенію и всѣмъ прочимъ условіямъ получаетъ — о чемъ предполагается испросить разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ — именной серебрянный знакъ, для ношенія на груди. Знакомъ I-ой степени награждаются удостоенные званія мастера-десятника; знакомъ II-й степени, меньшаго размѣра, награждаются удостоенные лишь званія мастера.

При такой постановкѣ дѣла, безъ всякаго сомнѣнія явилась бы масса добровольцевъ изъ среды состоятельныхъ рабочихъ и десятниковъ, готовыхъ поступить на работы и на своихъ харчахъ и безъ какого-либо вознагражденія, кромѣ обученія и полученія вышесказаннаго званія и знака, обезпечивающаго ему пожизненный хорошій заработокъ; но въ интересахъ дѣла такой добровольческій составъ первыхъ патентованныхъ мастеровъ въ этомъ новомъ дѣлѣ не можетъ быть допущенъ: состоятельность рабочаго или готовность его остаться (5—6 мѣсяцевъ) безъ заработка ради пріобрѣтенія на всю жизнь знаній и званія мастера не должны служить исключительнымъ поводомъ къ пріему его въ эту первую дружину, долженствующую начать дѣло обращенія деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую; выдающіяся способности, трезвость, хорошее поведеніе, умѣніе читать и писать при знаніи первыхъ четырехъ правилъ счисленія — вотъ непремѣнныя условія для этого перваго призыва. Выборъ такихъ людей возможенъ только на мѣстѣ ихъ жительства; и земства или города, дѣлая какія бы ни было, въ сущности совершенно ничтожныя, затраты на присылку такихъ людей, не должны, казалось бы, договариваться съ ними объ иномъ возвратѣ расхода, какъ развѣ обязавъ ихъ нѣкоторымъ срокомъ службы, за извѣстное вознагражденіе, въ качествѣ техника по огнестойкимъ постройкамъ. Пріобрѣтеніе такого техника, уже по самому существу его знаній, сторицей оплачиваетъ произведенный на обученіе его расходъ.

Принимая во вниманіе, что въ теченіе наступающей осени и зимы хозяйственнымъ отдѣломъ должны быть приготовлены помѣщенія для ожидаемыхъ къ 15 апрѣля вышеуказанныхъ рабочихъ и сдѣланы своевременно всѣ заготовки для ихъ продовольствія, — просимъ земскія и городскія управы и прочихъ могущихъ быть гг. отправителей сообщить намъ неотлагательно, и не далѣе 1 Ноября сего года, о согласіи на предложеніе, буде таковое послѣдуетъ. При этомъ желательно, чтобы посылаемые для обученія люди выби-

рались изъ печниковъ, каменщиковъ и плотниковъ — въ равномъ количествѣ, каковое въ общемъ итогѣ предоставляется волѣ самихъ отправителей.

Какъ бы ни было велико число присланныхъ для обученія — средства для размѣщенія ихъ и увеличенія учебнаго персонала будутъ найдены.

Завѣдующій группой А. Пороховщиковъ.

Примѣчаніе I. Канцелярія группы дешевыхъ огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ помѣщается при редакціи газеты «Русская Жизнь» (С.-Петерб., Большая Морская 23—12), куда и просятъ адресовать корреспонденцію на имя завѣдующаго группой Александра Александровича Пороховщикова. Адресъ телеграммъ: Петербургъ, «Русская Жизнь».

Примѣчаніе II. Проектъ устраненія втораго изъ двухъ заявленныхъ препятствій распространенія огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ — «отсутствіе спеціальнаго кредита на сей предметъ и бѣдность населенія» — будетъ напечатанъ приложеніемъ къ «Русской Жизни» въ концѣ осени сего года.

* * *

Какъ только планъ этотъ сдѣлался извѣстенъ, то одновременно съ массой сочувственныхъ отзывовъ объявились и враждебныя выходки со стороны предсѣдателя ярмарочнаго комитета, архимилліонера купца Морозова, которому, какъ выше сказано, принадлежитъ и самая мысль о всероссійской выставкѣ. И вотъ, сначала отводятъ мѣсто для III группы на ямахъ и даже не на солнечной сторонѣ, отговариваясь тѣмъ, что солнечная сторона и все лучшее мѣсто уже обѣщаны какимъ то предпринимателямъ подъ постройку временныхъ гостинницъ. Затѣмъ, подъ предлогомъ не закрывать главнаго фасада морозовской затѣи, до нельзя сжимаютъ самое расположеніе построекъ этого перваго на Руси огнестойкаго сельскаго поселка; потомъ объявляютъ, что даже и этотъ участокъ не можетъ быть оставленъ для выполненія завѣта Екатерины и предлагаютъ мѣсто сзади выставки на землѣ не городу принадлежащей, а частнымъ владѣльцамъ. Всѣ эти нажимы, исходившіе отъ всесильнаго представителя раскола, будущаго кавалера св. Владиміра и дворянина, были поневолѣ приняты. Затѣмъ, печатая отчеты о подготовительныхъ работахъ, я въ послѣднемъ изъ отчетовъ за время отъ 8 Августа по 1 Октября, между прочимъ, въ No. 261 «Русской Жизни» отъ 2 Октября напечаталъ слѣдующее:

«Настоящій отчетъ былъ сданъ въ печать, когда мы получили весьма отрадное къ нему дополненіе. Это дополненіе, — помѣщаемое ниже письмо о. протоіерея кронштадскаго собора Іоанна Сергіева, въ которомъ чтимый всею Русью пастырь изъявляетъ свое сердечное желаніе пріѣхать въ Нижній-Новгородъ ко дню открытія работъ III группы, т. е. къ началу теоретическаго и практическаго обученія первой дружины крестьянъ, долженствующей повести дѣло обращенія деревянносоломенной Руси въ огнестойкую».

ПИСЬМО ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ-ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ
«РУССКАЯ ЖИЗНЬ».

«Ваша газета сообщала, что Государственный Совѣтъ ассигновалъ 50000 руб. на постройку въ Нижнемъ-Новгородѣ образцоваго огнестойкаго крестьянскаго поселка съ церковью и школой для обученія такому построенію.

Теперь ввѣренная вамъ третья группа приглашаетъ меня положить первый камень въ фундаментъ этого дѣла, столь плодотворнаго, по своимъ послѣдствіямъ, для народнаго хозяйства.

Но вѣдь первый камень положенъ Екатериной II сто лѣтъ тому назадъ. Мнѣ же остается только стать рядомъ со всѣми служителями церкви, участниками въ этомъ дѣлѣ и избранными земствомъ крестьянами для обученія народа огнестойкому построенію и молить Бога объ успѣхѣ. И если я доживу до того радостнаго дня, когда вы приступите къ обученію пахаря знаніямъ, какъ обезопасить отъ огня его жилье и имущество, какъ примѣнить указанія науки къ улучшенію домашняго его быта, какъ устранить тѣ условія, которыя препятствуютъ хозяйственному и отчасти духовному его преуспѣянію, — то, по полученіи извѣстія о наступленіи этого дня, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы быть на мѣстѣ среди тѣхъ, кто молитвою будетъ призывать благословеніе Божіе на вашъ трудъ».

Протоіерей Кронштадтскаго собора

30 сентября 1894 г. ІОАННЪ СЕРГІЕВЪ.

И вотъ четыре дня спустя, въ засѣданіи 6 октября, вице-президентъ главнаго комитета всероссійской выставки г. Ковалевскій обращаясь ко мнѣ, какъ къ иниціатору и завѣдующему этой группой, сказалъ слѣдующее: «Стройте на отпущенные Государственнымъ Совѣтомъ 50000 руб. какіе хотите типы огнестойкихъ сельскихъ зданій кромѣ типа церкви-школы»; когда же я выразилъ изумленіе и возразилъ, что даже не имѣю права отступать отъ той программы и смѣты, которая въ теченіи 9 мѣсяцевъ находилась на обсужденіи буквально всей страны, — смѣты, итогъ которой послужилъ основаніемъ для Государственнаго Совѣта при утвержденіи вышеуказанной ассигновки, то тотъ-же вице-президентъ добавилъ, что «въ главномъ комитетѣ (гдѣ предсѣдательствуетъ министръ финансовъ) уже рѣшено, въ случаѣ моего несогласія исключить изъ посёлка типъ церкви-школы, совсѣмъ закрыть этотъ отдѣлъ выставки».

Я не исполнилъ бы долга передъ современниками и потомствомъ если бы не отмѣтилъ, что прямо противъ предсѣдателя, дѣлавшаго такія заявленія, сидѣлъ тотъ же представитель раскола, всесильный Морозовъ, принимавшій участіе и въ баллотировкѣ этого вопроса, т. е. вопроса объ исключеніи изъ программы для перваго крестьянскаго огнестойкаго поселка церкви-школы... При этомъ нельзя забывать, что этотъ поселокъ предполагалось строить не какъ часть временной Морозовской выставки, а какъ учрежденіе постоянное, съ доходными статьями, обезпечивающими дальнѣйшее существованіе государственной, а не частной школы для обученія огнестойкому построенію, какъ и было представлено при исходатайствованіи 50000 руб. кредита.

* * *

Вотъ какъ откликнулась «Русская Жизнь» на добрую мысль Императора Александра III, на вышеприведенный отзывъ Наслѣдника Его, нынѣ Царствующаго Императора Николая II, и вотъ какую лепту принесли мы для выполненія великаго завѣта Екатерины.

Такимъ образомъ Царю и каждому изъ посѣтителей выставки предлежало, прежде осмотра гнилыхъ ситцевъ Морозова и проч. товаровъ и отдѣловъ, убѣдиться въ томъ, что къ этой громадной затратѣ народнаго достоянія ради осуществленія Морозовской

затѣи пристегнуто и неизмѣримо болѣе важное государственное дѣло: положено прочное основаніе постепенному обращенію деревянно-соломенной Руси въ огнестойкую и сдѣланъ приступъ къ улучшенію быта пахаря и всей прочей бѣдноты въ ея домашнемъ обиходѣ.

Но такимъ идеямъ, такой экономической политикѣ Императорскаго Величества нѣтъ мѣста въ умахъ и сердцахъ членовъ фактическаго величества, именуемаго Chrétien-Juif: болѣе восьми мѣсяцевъ проектъ и смѣта, разосланные мною по всей имперіи въ количествѣ свыше 30,000 экземпляровъ съ цѣлью вызвать критику, служили предметомъ обсужденія и всеобщаго сочувствія; на приглашеніе прислать на выставку избранныхъ на мѣстѣ рабочихъ для обученія огнестойкому построенію, почти во всѣхъ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ дали тотчасъ согласіе и ассигновали потребныя суммы; тайный совѣтникъ Королевъ, завѣдывавшій по моему приглашенію технической частью, ѣдетъ за границу, гдѣ болѣе мѣсяца подготовляетъ мнѣ матеріалы по данной ему программѣ, а помощникъ его здѣсь работаетъ со мной нѣсколько мѣсяцевъ; частныя пожертвованія заявляются главнымъ образомъ на отдѣлку типа церкви-школы; Государственный Совѣтъ утверждаетъ кредитъ въ 50,000 руб., составляющій итогъ той именно смѣты, во главѣ которой стоитъ все тотъ же типъ дешевой огнестойкой сельской церкви-школы; для церкви-школы уже обезпечено ежедневное богослуженіе съ лучшимъ хоромъ, исполняющимъ всѣ дорогія народу по преданіямъ и выдающіяся по композиціи пѣснопѣнія на литургіи; по окончаніи обѣдни слѣдовало обращеніе церкви въ школу самымъ простымъ механизмомъ, при чемъ стѣны помѣщенія школы должны были быть покрыты портретами съ краткой біографіей тѣхъ отмѣченныхъ въ исторіи дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, кои вышли изъ простолюдиновъ; въ этой школѣ въ теченіе всей выставки должны были обучаться 30 мальчиковъ и 30 дѣвочекъ изъ семей бѣднѣйшихъ Нижегородскихъ гражданъ; какъ 4-хъ мѣсячное обученіе ихъ, такъ равно прокормленіе и одежда уже были оплачены жертвователями; было обезпечено жертвователями и приглашеніе двухъ даровитѣйшихъ проповѣдниковъ для ежедневныхъ во время литургіи краткихъ поученій; такъ же точно и для театра-школы предположено было выработать цѣлый репертуаръ, соотвѣтственный вышеприведенному завѣту Екатерины, и уже ведены были переговоры съ лучшими знатоками театральнаго дѣла и авторами, сердечно откликнувшимися на сдѣланный призывъ...

Все вышеизложенное составляетъ предметъ моихъ устныхъ докладовъ досточтимому В. М. Верховскому, какъ завѣдующему XVII отдѣломъ, и г. Ковалевскому, какъ вице-президенту главнаго комитета выставки. Наконецъ, жертвователи на внутреннюю отдѣлку типа церкви-школы и прочихъ типовъ огнестойкаго крестьянскаго поселка просятъ о. Іоанна Кронштадскаго лично на мѣстѣ благословить начало этого народнаго дѣла, а черезъ четыре дня по оглашеніи согласія о. Іоанна, живѣйшаго его сочувствія и денежнаго приношенія, «наши новые государственные финансовые дѣятели» заявляютъ рѣшеніе совсѣмъ закрыть этотъ отдѣлъ если я не выброшу изъ программы крестянскаго поселка типъ церкви-школы... И не успѣлъ я придумать, какимъ бы путемъ обратить вниманіе Царя на Имъ же вызванное дѣло, — дѣло, котораго столѣтія ждалъ народъ — какъ уже мнѣ объявили, что предполагается замѣстить меня, какъ супротивника такой резолюціи Chrétien-Juif, человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ новичкомъ, а по вѣроисповѣданію католикомъ. Затѣмъ спохватились, спустили все частному огнегасительному обществу, гдѣ за отказомъ моимъ вести дѣло пригласили г. Гулевича, мною же приглашеннаго завѣдовать хозяйственною частью отдѣльно отъ технической.

Вотъ какимъ путемъ благая мысль и желаніе покойнаго Императора Александра III и нынѣ Царствующаго Императора Николая II, и сердечный откликъ того изъ неимущихъ рублей, который ежегодно добывая личнымъ подвигомъ сотни тысячъ рублей раздаетъ ихъ обездоленнымъ, и наконецъ вопіющая народная нужда именно въ такихъ типахъ постройки, какъ типъ церкви-школы — все это должно было уступить вкусамъ, силѣ и волѣ союза Chrétien-Juif. . . Явленіе не монархіи, а только анархіи присущее.

* * *

Такъ какъ съ тѣхъ поръ въ печати не появлялось какого либо официальнаго отчета, или хотя сообщенія о ходѣ этого дѣла, то въ концѣ лѣта сего года я поѣхалъ въ Нижній, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ результатами вышесказаннаго. И что же оказалось? На томъ мѣстѣ, на которомъ предполагалось возвести первый образцовый огнестойкій крестьянскій поселокъ уже были выстроены громадныя двухъ этажныя гостинницы для ожидаемыхъ посѣтителей выставки. Но это не зданія, не гостинницы, какъ обыкновенно принято разумѣть и строить таковыя, а скорѣе деревянные двухъ этажные костры, отъ которыхъ не останется и слѣдовъ если только къ половыя щели попадетъ непогашенная папироска, уголь изъ самовара, случайно опрокинутая лампа и т. д. и т. п. О каменныхъ брантъ-мауерахъ, требуемыхъ закономъ для жилыхъ деревянныхъ домовъ, тутъ нѣтъ и помина, а къ этимъ длиннымъ корпусамъ гостинницъ прилаживаютъ теперь какіе то деревянные балконы на деревянныхъ же подпоркахъ. Этой прибавкой предоставляется, въ случаѣ пожара, возможность выпрыгнуть на эти балконы и изъ нихъ сдѣлать второй прыжекъ прямо на землю. Очевидно, что этотъ послѣдній прыжекъ не совсѣмъ безопасенъ для обитателей 2-го этажа. И вотъ, словно для вразумленія «нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей» одинъ изъ такихъ костровъ уже развалился, не дожидаясь открытія выставки; нѣсколько рабочихъ при этомъ убито; нѣсколько изувѣчено; а самъ строитель-архитекторъ застрѣлился.

Затѣмъ, войдите въ одинъ изъ этихъ корпусовъ, построенный на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, въ моментъ испрашиванія у Государственнаго Совѣта ассигновки денегъ, предполагалось встрѣтить Царя въ проектированной тутъ сельской церкви-школѣ, переполненной благодарнымъ народомъ, съ духовенствомъ во главѣ и колокольнымъ звономъ съ колокольни перваго образцоваго огнестойкаго крестьянскаго поселка на Руси. На этомъ самомъ мѣстѣ велѣніями Chrétien-Juif встрѣтитъ васъ, читатель, иная картина: тутъ уже готовъ кафе-шантанъ. . . Тутъ высокая стройная дѣвица, указывая на выглядывающихъ изъ номеровъ хористокъ и артистокъ, приглашала меня и моего спутника пожаловать на открытіе этого кафе-шантана съ кабинетами для уединенія, а набѣленныя или напудренныя дамы aus Riga — Шкловъ-Бердичевъ ходившія тутъ же по корридору и большой залѣ, дополняли милую сердцу Chrétien-Juif обстановку . . .

Одинъ изъ лучшихъ дѣятелей по страхованію въ Москвѣ говорилъ мнѣ лѣтъ 8-мь тому назадъ, что изъ десяти пожаровъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ не болѣе 3-хъ не вызывали подозрѣнія въ поджогѣ. Я готовъ допустить, что въ половыя щели этихъ двухъ-этажныхъ деревянныхъ костровъ никто не кинетъ сознательно непогашенной папиросы, но не могу не выразить сомнѣнія, чтобы таковая не вывалилась туда изъ рукъ охмѣлевшаго посѣтителя этого кафе-шантана. Это предположеніе основано на первой и

главной обязанности хористокъ употреблять всѣ мѣры, чтобы питія имѣли какъ можно большій сбытъ, т. е. чтобы было какъ можно болѣе потерявшихъ сознаніе . . . И такъ какъ все это не можетъ быть неизвѣстно «нашимъ новымъ государственнымъ финансовымъ дѣятелямъ», то спрашиваемъ ихъ: готовы-ли они замѣнить кормильцевъ въ тѣхъ семьяхъ, коихъ кормильцы погибнутъ на этихъ кострахъ, въ случаѣ пожара? . .

Если никакими единовременными пособіями и пенсіями нельзя возмѣстить осиротѣлымъ семьямъ ихъ отцовъ и кормильцевъ; если такія потери даже не поддаются цифровому подсчету, то есть и такія, могущія быть потери, которыхъ итоги легко опредѣлить. И вотъ, еще въ то время когда мечтали израсходовать на устройство выставки около четырехъ милльоновъ, и предполагали въ 100—150 саж. отъ нея строить деревянные двухъ-этажные дома для гостинницъ, я и говорилъ и писалъ вицепрезиденту г. Ковалевскому, что цѣлесообразнѣе и дешевле было-бы строить огнестойкія зданія для гостинницъ изъ того прекраснаго дароваго матерьяла, который имѣется тутъ же на лицо и тою даровою-же рабочею силою, которую предлагали со всѣхъ концевъ Россіи въ отвѣтъ на сдѣланный мною вызовъ. — Указывая на то, что времени для таковой постройки имѣется болѣе чѣмъ нужно; ссылаясь на очевидную возможность, помимо единовременной экономіи, дать такимъ, т. е. огнестойкимъ постройкамъ, какое угодно производительное для государства назначеніе на многіе десятки лѣтъ, я приводилъ и такія цифры: если устройство выставки обойдется, какъ предполагали, около 4-хъ милліоновъ рублей (а теперь уже истрачено болѣе семи мил.), то стоимость содержимаго выставкой въ 10—15 разъ болѣе этой суммы, и въ случаѣ пожара въ погоду вѣтренную — а тутъ нерѣдко бываютъ бури — все это народное достояніе на сумму, около 80-ти милльоновъ обратится въ пепелъ со всѣми пожарными трубами, которыми знаменитый Густавъ Листъ приглашенъ снабдить выставку.

Такіе доводы и расчеты не удостоились вниманія ни «Chrétien-Juif — раскола», ни строителей выставки г. Цидлеръ-фонъ-Шафгаузенъ и г. Цетлеръ, и участь всероссійской выставки, т. е. участь народнаго достоянія стоимостью около 80-ти милльоновъ зависитъ теперь отъ того охмѣлѣетъ-ли купецъ въ объятіяхъ хористки въ погоду тихую, или вѣтренную, или въ бурю, и будутъ ли охмѣлевшіе изъ числа «nicht raucher» или не будутъ . . .

Готовы-ли «наши новые государственные финансовые дѣятели» на такую случайность? . . .

Идя далѣе, позади выставки промышленниковъ и торговцевъ, я увидѣлъ наконецъ огнестойкую хату нашего кормильца и нѣсколько такихъ же начатыхъ построекъ. Орудуетъ тутъ всѣмъ, т. е. и технической и хозяйственной частью одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей и неустанный дѣятель на пользу общественную — тотъ самый В. В. Гулевичъ, который по приглашенію моему долженъ былъ завѣдывать одною лишь хозяйственной частью; и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что все доступное ему, все возможное при живѣйшемъ сочувствіи завѣдующаго отдѣломъ, такого же хорошаго русскаго человѣка, В. М. Верховскаго — все будетъ сдѣлано. Но, какъ бы то ни было, того дѣла, которое завѣщала Екатерина, котораго желали Александръ III и Николай II, которое доработано «Русской Жизнію», котораго желала страна, и на которое только Государственный Совѣтъ и отпустилъ 50,000 руб. — того дѣла нѣтъ. Оно погребено по существу, и въ такой степени, что даже при посѣщеніяхъ работъ предсѣдателемъ главнаго комитета выставки, т. е. мини-

стромъ финансовъ, и вице-президентомъ комитета, директоромъ департамента торговли и мануфактуръ — ни одно изъ этихъ двухъ отвѣтственныхъ за выставку передъ Царемъ и народомъ лицъ не сочло нужнымъ даже взглянуть на ходъ работъ въ этомъ отдѣлѣ. За то министръ А. С. Ермоловъ, начавъ обозрѣніе работъ съ семи часовъ утра, прежде всего вошелъ въ эту новую избу пахаря, а министръ князь Хилковъ при каждомъ докладѣ В. М. Верховскаго выражаетъ живѣйшее сочувствіе къ этому дѣлу и предлагаетъ всевозможное содѣйствіе. Но вѣдь не они «фактическое величество», не они «Chrétien-Juif-расколъ» . . .

Что такія идеи, такая экономическая политика не по нутру Chrétien-Juif, это доказываетъ вся исторія его родоначальника «союза бюрократіи съ плутократіей», и все прошлое членовъ «союза». Но какъ же быть тутъ съ «вѣрноподданническими» чувствами всесильнаго «союза»? . . . Съ такимъ рельефомъ они еще ни разу не выступали среди бѣла дня . . . Вѣдь Государь, давшій обѣтъ посвятить жизнь Свою устроенію счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ, можетъ спросить Chrétien-Juif почему же на мѣстѣ, отведенномъ для перваго на Руси огнестойкаго крестьянскаго поселка, вмѣсто огнестойкихъ и несгораемыхъ построекъ оказались деревянные костры обложившіе выставку? Почему вмѣсто церкви-школы во главѣ всего дѣла оказался «кафе-шантанъ» съ кабинетами? Почему на томъ мѣстѣ, на которомъ по плану распубликованному и въ теченіи девяти мѣсяцевъ никѣмъ не опротестованному (не исключая и Chrétien-Juif), а, на оборотъ, всѣми одобренному, — почему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ народъ ожидалъ встрѣтить изображенія Екатерины, Александра III и Николая II, коимъ обязанъ заботами о рѣшенія одного изъ насущнѣйшихъ своихъ экономическихъ вопросовъ — почему вмѣсто того тамъ встрѣчаютъ народъ размалеванныя дамы? Гдѣ тутъ постоянная, обезпеченная въ дальнѣйшемъ существованіи, государственная школа для обученія народа огнестойкому построенію? Кто тутъ отвѣтственный техникъ за техническую часть вводимаго крестьянскаго домостроительства? Гдѣ то дѣло, на которое не по секрету а гласно испрашивалось и Государственнымъ Совѣтомъ ассигновано 50,000 руб.? Почему наконецъ, государство, ассигновавшее 50,000 руб. на обученіе народа огнестойкому построенію, само-же воочію отрицаетъ такое построеніе, и имѣя подъ рукой весь даровой огнестойкій строительный матерьялъ и даже даровую рабочую силу, предложенную земскими и неземскими губерніями, упорно тратитъ и трудъ народный и достояніе его на возведеніе дорого стоющихъ и легко воспламеняющихся деревянныхъ костровъ, не взирая даже на такія предостереженія какъ развалившійся костеръ, убитые и изувѣченные при этомъ люди-рабочіе, осиротѣлыя ихъ семьи, и самоубійство самого строителя? . . .

Мнѣ скажутъ: да неужели самъ-то я вѣрю въ такое общеніе Царя съ истинными нуждами народными? Вѣдь путей-то правдѣ къ Царю изъ первоисточника нѣтъ, а «средостѣніе» и всемогущество Chrétien-Juif факты несомнѣнные, какъ несомнѣнны его фактическая безконтрольность и безотвѣтственность. Стало быть никакимъ надеждамъ тутъ мѣста нѣтъ, и самый пріемъ «противленія злу» — безполезная трата силъ . . .

И все это такъ; все это наша современная Русская правда. Но вѣдь правда и изложенное въ слѣдующей главѣ. И вотъ эта-то послѣдняя правда даетъ мнѣ и силы для борьбы, и надежды . . .

VI.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И НАДЕЖДЫ НА ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ САМОДЕРЖАВІЯ.

Четырнадцатое Ноября 1894 года — день свадьбы Императора Николая II — былъ, по видимому, первымъ днемъ Его самостоятельной жизни и дѣятельности. Что же случилось въ этотъ первый день? Что могло случиться неожиданнаго, непредусмотрѣннаго, предварительно невзвѣшеннаго, невключеннаго въ программу дня, въ церемоніалъ, Высочайше утвержденный и столь торжественно Россіи объявленный? И почему, наконецъ, этотъ день называемъ первымъ днемъ самостоятельной дѣятельности молодаго Государя?

Случилось въ этотъ день именно событіе, церемоніаломъ непредусмотрѣнное и для всѣхъ неожиданное, долженствовавшее притомъ встрѣтить на пути своемъ всѣ преграды, которыя только доступны творчеству администраціи всѣхъ ранговъ.

Какъ извѣстно, по Высочайше утвержденному и распубликованному церемоніалу охрана пути, по которому должны были слѣдовать Женихъ и Невѣста, а затѣмъ и Царь съ Царицей отъ Зимняго дворца къ Аничкову съ остановкой на пути у Казанскаго собора для молебна у чудотворной иконы, была ввѣрена войскамъ. Подъ охраной войскъ и совершился пріѣздъ брачущихся въ Зимній дворецъ. Но какъ только Царь-Женихъ вышелъ изъ кареты, то первымъ Его словомъ, какъ многіе утверждаютъ, было приказаніе отпустить войска. Мы слышали изъ разныхъ источниковъ о томъ изумленіи и испугѣ окружавшихъ Царя и о тѣхъ доводахъ, которые тутъ же были Ему представлены въ подкрѣпленіе настоятельныхъ представленій о невозможности удаленія войскъ, такъ какъ обратный проѣздъ сквозь трехсоттысячную толпу, освобожденную отъ такой охраны, не могъ входить въ соображенія администраціи, отвѣтственной за порядокъ и за личную охрану Царя и Царицы, и что такая непредвидѣнная отмѣна нарушила бы весь распорядокъ, Верховною же Властью утвержденный. Но Государь остался непреклоненъ; бракосочетаніе совершилось; и молодая чета возвратилась въ Аничковъ дворецъ съ вышеуказанною остановкою въ Казанскомъ соборѣ, лишь подъ охраною изстари унаслѣдованнаго

народомъ чувства благоговѣнія и къ Царской власти, имъ же самимъ созданной, и такого же благоговѣнія къ тому великому таинству, которымъ Церковь Христова только что освятила союзъ юныхъ сердецъ. И какъ въ 1612 году по собственному убѣжденію и изволенію народъ ходилъ въ Ипатьевскую обитель ставить себѣ Царя и любовно вручить Ему судьбы свои, такъ и 14 ноября 1894 года, по собственному же убѣжденію и изволенію, послѣ четверть-вѣковаго перерыва, возстановилось отвѣтное шествіе Царя съ тою же вѣрой въ народъ и съ тою же къ нему любовію. И какъ въ первомъ случаѣ надежда на добрый исходъ оправдалась и тогдашнимъ смутнымъ временамъ положенъ былъ предѣлъ единеніемъ этихъ двухъ силъ, такъ точно и здѣсь внезапная отмѣна преградъ крамольникамъ не очистила для нихъ путей, такъ какъ передъ Новобрачными были тѣ-же ходоки въ Ипатьевскую обитель, — до умиленія ликовавшая братія во Христѣ . . .

Такія историческія минуты не могутъ быть дѣломъ заранѣе подготовленнымъ или кѣмъ либо подсказаннымъ.

Этотъ шагъ едва ли былъ только порывомъ, присущимъ молодому возрасту. Не сказалась ли тутъ и другая сила — историческая, вѣковая? Настроеніе несмѣтной толпы не вызвало ли въ молодой, отзывчивой, взволнованной и безъ того душѣ Царя сознаніе, что эта толпа — потомки ходоковъ въ Ипатьевскую обитель, установившихъ монархію волей доброй и сознательной; что Самъ Онъ не завоеватель власти надъ нею, а лишь законный преемникъ власти, установленной предками этой же самой толпы? что сила и слава самодержавія и Самодержца не въ манифестахъ, складно писанныхъ, не въ пышныхъ церемоніяхъ, хорошо налаженныхъ, не въ милостяхъ и прощеніяхъ недоимокъ, которыхъ взять не съ чего, а въ томъ, чего всегда жаждала по праву законному и совѣсти безупречной эта самая толпа, которая свои историческія чаянія выразила въ пѣснѣ: «Да Батюшка-Царь нашъ всю правду бы вѣдалъ.» Вотъ все, что нужно нашему народу отъ самодержавія. Бо́льшаго онъ отъ Царя не проситъ и никогда не просилъ, вѣруя въ то, что въ этомъ вѣдѣніи Царемъ «правды» залогъ его всяческаго благополучія и мощи государственной.

Такова степень смиренія, довѣрія, почитанія и любви снизу . . . Такова наша Русская правда! . . . И что же мудренаго, что всякое недовѣріе Сверху, всякое «средостѣніе» тутъ показалось нестерпимымъ кощунствомъ. Степень живаго, сердечнаго настроенія массъ словно требовала соотвѣтственнаго отвѣта отъ Того, къ Кому относилось это настроеніе. И отвѣтъ былъ данъ воистину достойный Самодержца: принявъ благословеніе Церкви, Царь прямо изъ подъ вѣнца пришелъ къ Своему народу и привелъ Царицу принять его, народа, благословенія и объятья ранѣе всѣхъ другихъ. Вотъ что означало удаленіе войскъ, т. е. въ данномъ случаѣ устраненіе «средостѣнія» . . . И свидѣтели — очевидцы, много разъ видѣвшіе всякіе церемоніалы, утверждаютъ, что такого подъема народнаго чувства они не запомнятъ.

Имѣется, впрочемъ, и прелюдія къ такому взмаху Самодержавной Власти Императора Николая II. Незадолго до 14 ноября въ обществѣ ходили слухи, что Государь потребовалъ отъ оберъ-прокурора Синода измѣненій въ текстѣ «Прошенія на великой ектиніи» — молитвы, сочиненной и введенной въ литургію подъ давленіемъ иныхъ взглядовъ. Вотъ какую аттестацію своихъ подданныхъ пожелалъ Государь исключить изъ

этого сочиненія: «и потребити отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ», — и далѣе весь періодъ отъ словъ — «отъ грознаго посѣщенія гнѣва Твоего»; а также и слѣдующія слова: «Разруши совѣтъ нечестивыхъ, сыновъ погибельныхъ, дерзновенно возстающихъ на попраніе власти, Тобою установленныя: вразуми заблудшія, вложи въ сердца ихъ страхъ Твой Божественной и направи на путь истинный и т. д. Разруши вся яже на него (т. е. на Царя) козни вражія» и т. д.

Въ этихъ исключеніяхъ особенно примѣчательны слова «Разруши совѣтъ нечестивыхъ, сыновъ погибельныхъ, дерзновенно возстающихъ на попраніе власти, Тобою установленныя». Да гдѣ же этотъ совѣтъ? Кто его члены? Кто «возстающіе на попраніе власти»? Кто, наконецъ, ежедневные слушатели этого сочиненія? Тѣ ли труженики полуголодные, полураздѣтые, или изо дня въ день перебивающіеся и наполняющіе храмы по первому призыву, тѣ ли, которыхъ и молитвы и чаянія въ томъ «да Батюшка — Царь нашъ всю правду бы вѣдалъ» или тѣ — всячески ублажаемые — кто положилъ на столъ Царя проектъ конституціи и ожидалъ только его подписи? Кто тутъ «заблудшіе», кого надо «направить на путь истины?» Неужели тѣхъ изъ насъ, кто видитъ корень зла въ отсутствіи тѣхъ путей единенія Царя съ народомъ, которые были полюбовно установлены въ 1612 году и которыми только и сложилась Русь? Неужели тѣ «заблудшіе», кто вѣритъ въ Царя, вѣдающаго правду народную, и возстаетъ противъ хищенія тѣхъ правъ самодержавія, которыя вѣдь Ему одному вручены, а не союзу Chrétien-Juif? . . .[1]

Приказъ Царя объ удаленіи войскъ одни признавали дѣломъ рискованнымъ, опасаясь появленія «дерзновенно возстающихъ на попраніе власти», а другіе опасались неумѣстнаго проявленія все тѣхъ же чаяній, какъ вышеприведенныя, такъ какъ прямыя-то пути правды народной къ Царю все же оставались закрытыми и послѣ обѣщаннаго манифестомъ устроенія счастія всѣхъ вѣрноподданныхъ.

Но вѣдь этотъ торжественно данный обѣтъ Царя при восшествіи на престолъ не отмѣняется рѣчью 17 января и никто, конечно, не усумнится въ томъ, чтобы Давшій такой обѣтъ не ставилъ его Своей задачей. Такъ точно, никто не усумнится и въ томъ, что единственный путь для выполненія этой задачи, этого обѣта, т. е. устроенія счастья вѣрноподданныхъ, есть знаніе истинныхъ нуждъ ихъ изъ первоисточника. — Но наши государственные люди — ближайшіе совѣтники Царя, какъ и наша интеллигенція, не со вчерашняго дня раздѣлились тутъ на два лагеря. Большинство признаетъ конституцію единымъ свѣточемъ для истинныхъ нуждъ народныхъ, а меньшинство, отвергнувшее такой

---

1 Вскорѣ по объявленіи этой молитвы обязательною для прочтенія на литургіи, такъ именно и коментировалъ ее человѣкъ завѣдомо государственнаго ума и несомнѣнныхъ государственныхъ заслугъ. Такой же взглядъ высказалъ мнѣ одинъ изъ ученыхъ протоіереевъ въ Москвѣ, умершій года три тому назадъ. И не въ томъ трагизмъ или комизмъ, не въ этомъ сродствѣ идей и опѣнкѣ такой прибавки къ литургіи; даже не въ томъ, что тотъ же протоіерей столько лѣтъ читалъ эту молитву передъ паствой; а въ томъ, что думалъ онъ, читая ее, и что думали объ этой прибавкѣ всѣ тѣ іереи и тѣ изъ предстоящихъ, для которыхъ литургія нѣчто болѣе, чѣмъ обязательное манекенство въ такъ называемые «высокоторжественные дни» . . .

— Слышали Вы, какую прибавку къ литургіи прислалъ слѣпѣйшій синодъ? сказалъ мнѣ покойный протоіерей.

— Да причемъ же тутъ «слѣпѣйшій», возразилъ я; приказано ему, и исполнено.

способъ и осилившее большинство чуть не въ послѣднюю минуту, т. е. въ минуту, когда самъ Царь склонялся на сторону большинства — не сказало однако и по сихъ поръ своего слова, и не указало другаго пути Царю для вѣдѣнія правды народной изъ первоисточника.

Въ этой книгѣ мы уже указали причины, по которымъ признаемъ конституцію не только несоотвѣтственной современному уровню развитія кореннаго населенія, но и совсѣмъ непригодной, быть можетъ на долгій періодъ времени, для нашей колоссальной мозаики. Вотъ что писали мы генералъ-адъютанту Рихтеру, какъ управляющему дѣлами Комиссіи Прошеній, по этому поводу:

«Предпринятая Вашимъ Высокопревосходительствомъ реформа Комиссіи прошеній, приносимыхъ на Высочайшее Имя несомнѣнно является актомъ государственной мудрости. Но эта же реформа можетъ быть и величайшимъ историческимъ подвигомъ и самою блестящей страницей настоящаго царствованія, если основой реформы и ея свѣточемъ будетъ возстановленіе того государственнаго строя, который сложился не насиліемъ, а добровольнымъ врученіемъ власти.

Возстановленіе и упроченіе началъ самодержавія необходимо потому, что верховныя права Самодержавнаго Государя у насъ расхищались и расхищаются по произволу не только всякаго рода «сильными натурами» и администраторами «крѣпкой руки», но даже людьми самыми заурядными. Полуграмотный купецъ Рыковъ выдѣлилъ себѣ гор. Скопинъ и царилъ въ немъ самодержавно почти 20 лѣтъ (Россія на канунѣ XX вѣка», вып. III стр. 118—120). Купецъ Алексѣевъ самодержавно цѣлые годы управлялъ Москвой. Фактическое самодержавіе Рыкова выразилось ограбленіемъ 6000 семей и ссылкой его въ Сибирь. Одинъ изъ разоренныхъ Алексѣевымъ въ отчаяніи покончилъ самоубійствомъ въ Архангельскомъ соборѣ, нѣсколько человѣкъ сошли съ ума; самъ Алексѣевъ бѣжалъ на время изъ Москвы и наконецъ палъ отъ руки убійцы. Книга Ціона, наполненная вздоромъ, заключаетъ однако въ себѣ правду, поскольку она говоритъ о присвоеніи верховныхъ правъ Самодержавія.

Убѣжденному въ необходимости положить конецъ посягательствамъ на верховныя права Самодержавной Власти очевидно, что для этого нужно устранить самую возможность и причину такихъ посягательствъ. Эта возможность предоставлялась отсутствіемъ того прямаго пути, по которому правда могла бы свободно доходить до Царя изъ первоисточника.

Комиссія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, по принципіальному своему назначенію и должна была служить такой свободной и открытой дорогой между правдой и Царемъ. Если же теперь признано необходимымъ ее преобразовать, то значитъ она не вполнѣ удовлетворяла своему назначенію. Преобразованная Комиссія должна служить осуществленіемъ завѣтныхъ желаній народа: «да Батюшка-Царь нашъ всю правду бы вѣдалъ.» Высочайшее повелѣніе о преобразованіи Комиссіи свидѣтельствуетъ о таковомъ же завѣтномъ желаніи Самого Наря. И такъ, обоюдное желаніе Царя и народа — дабы всегда была прямая дорога для правды отъ народа къ Царю, то есть чтобы былъ установленъ несокрушимый никакими «сильными натурами» устой для Самодержавія. И это обоюдное желаніе опредѣляетъ и характеръ реформы Комиссіи прошеній.

При такомъ назначеніи Комиссіи основныя начала ея реформы слагаются сами собою: 1) коллегіальность, чуждая бюрократическаго элемента, 2) полная независимость Комиссіи

отъ всѣхъ «сильныхъ натуръ» и вѣяній и 3) Царь, — единственный голосъ, утверждающій или отвергающій мнѣнія коллегіи по прошеніямъ, принятымъ ею къ разсмотрѣнію и признаннымъ достойными вниманія Царя.

Чтобы обезпечить этотъ единственный у насъ путь народной правдѣ; чтобы не подвергать Верховную Власть отвѣтственности за неудачный выборъ, фаворитизмъ и т. п. поводы къ нареканіямъ и ропоту, а равно для устраненія зависимости учрежденія отъ чьего либо вліянія, и въ виду необходимости дать учрежденію потребное число дѣятелей, — въ этихъ видахъ предоставить земству не только избраніе членовъ, но и содержаніе ихъ, устраняя тѣмъ всякія денежныя или иныя отношенія, зависимыя не отъ законовъ, а отъ личной воли людей случайныхъ.

Такъ преобразованная Комиссія Прошеній будетъ не только проводникомъ правды и дѣйствительнымъ устоемъ Самодержавія, но и независимымъ и компетентнымъ судьею и докладчикомъ Царю во всѣхъ случаяхъ, требующихъ такой независимости и компетентности въ смыслѣ знанія страны и истинныхъ нуждъ народныхъ общихъ и мѣстныхъ.

При такой постановкѣ реформы, Комиссія Прошеній будетъ надежнѣйшимъ стражемъ всего исторически сложившагося государственнаго строя, и появленіе вышеуказанныхъ фактическихъ самодержцевъ будетъ немыслимо. Такимъ путемъ возстановится прямая связь Царя съ народомъ. Царю всегда вѣдомы будутъ нужды и скорби народныя изъ первоисточника. Торжественно данный Царемъ обѣтъ «устроенія счастія всѣхъ вѣрноподданныхъ» получитъ единственное орудіе для выполненія обѣта, и всѣ революціонныя попытки и замыслы, всякая крамола потеряютъ свой смыслъ. Вокругъ Царя встанетъ вся Земля въ лицахъ не случайныхъ, а тѣмъ или инымъ долгимъ искусомъ заслужившихъ довѣріе Земли.

Смѣю думать, что современники и исторія оцѣнятъ по достоинству рѣшеніе Вашего Высокопревосходительства сдѣлать изложенную здѣсь схему реформы Комиссіи Прошеній предметомъ всесторонней критики.

Если таковое обсужденіе послѣдуетъ, то въ прилагаемомъ запечатаномъ пакетѣ имѣются данныя, утверждающія вышеизложенное и его иллюстрирующія. Если же я не упомянулъ ни въ настоящемъ письмѣ, ни въ книгѣ моей о самомъ главномъ доводѣ въ защиту нашего государственнаго строя, законами установленнаго, то потому, что убѣжденъ, что объ этомъ доводѣ не надлежитъ говорить ни на письмѣ, ни въ печати.»

Ни отвѣта, ни какого либо запроса по поводу этого письма не послѣдовало... Такимъ образомъ, и эта попытка дать вѣскій отпоръ заявителямъ убѣжденія, что конституція есть единственный проводникъ къ Царю правды народной изъ первоисточника не только не имѣла успѣха, но даже не вызвала какого либо опроса сдѣлавшему такую попытку. А между тѣмъ никакою силою, никакою властію, никакимъ геніемъ человѣческимъ нельзя опровергнуть того выработаннаго наукой, выстраданнаго всею исторіей человѣчества и освященнаго вѣками начала, что «основы государственнаго быта поддерживаются и укрѣпляются не одною силою власти, но и силою убѣжденія». Убѣжденія же раздѣлились тутъ, и открыто высказывались людьми не школьнаго возраста и не крамольниками, а умами зрѣлыми и просвѣщенными, — даже тѣми слугами престола и отечества, коихъ только продолжительное и доблестное служеніе привело на высшія ступени іерархіи. Наша интеллигенція хорошо знаетъ авторовъ конституціи предложенной Императорамъ

Александру II-му и III-му, знаетъ и многихъ единомышленниковъ этихъ авторовъ. Убѣжденіе, что «только такая встряска какъ Крымская война можетъ быть хотя палліативомъ въ лѣченіи современнаго состоянія Россіи», такъ рельефно, хоть и невзначай, обрисованнаго въ книгѣ «Наша новая государственная финансовая дѣятельность» — это убѣжденіе высказывалось намъ тоже людьми не только безусловно благонамѣренными и просвѣщенными, но и издавна стоящими близко къ Престолу. И если изложенное въ вышеприведенномъ письмѣ къ лицу, поставленному притомъ во главѣ Комиссіи Прошеній, пріемлющей для разсмотрѣнія и доклада Царю не одни только просьбы о пособіяхъ, но и болѣе сложные запросы жизни, не разрѣшенные законодательствомъ, — если убѣжденіе, изложенное въ этомъ письмѣ идетъ въ разрѣзъ съ двумя вышеприведенными взглядами, да притомъ еще въ основѣ своей имѣетъ не фантастическій, а исторически сложившійся строй, то казалось бы, что «убѣжденіе» такъ обоснованное заслуживало какой-нибудь реплики или вниманія.

* *
*

Куда же идти теперь? . . Въ какую стучаться дверь вѣрующему и убѣжденному? Куда идти хотя бы за однимъ только разъясненіемъ неосновательности этихъ вѣрованій и убѣжденій, составляющихъ однако единственное начало, унаслѣдованное и усвоенное свыше ста милліоннымъ кореннымъ населеніемъ земли — не чужой, а своей кровной и родной? . . .

Уступить силѣ, и въ сознаніи безсилія въ борьбѣ съ захватившими фактическую верховную власть быть нѣмымъ свидѣтелемъ такого захвата и его послѣдствій, выразившихся въ признаніи самихъ ея похитителей, что «теперь въ обществѣ и въ народѣ средствъ почти нѣтъ, даже для обученія грамотѣ и закону Божію»? Да вѣдь эти-то «общество и народъ», въ такой мѣрѣ обсосанные, не Абиссинцы же и не Болгары; это даже не наши биржевики-спекулянты, тунеядцы, а наши завсегдашніе труженики безотвѣтные; и не сами же они довели себя и семьи свои до такого оскудѣнія, до такого ига экономическаго; и не по Высочайшему же повелѣнію или намѣренію это оскудѣніе послѣдовало. О, не устанемъ говорить, что сложилось это тягчайшее иго только потому, что не было путей правды къ Царю изъ первоисточника, а доходила она въ томъ видѣ, которое требовалось личными интересами членовъ союза Chrétien-Juif, но отнюдь не интересами Государя и Государства . . . Не устанемъ также и въ борьбѣ, и не потяготимся ею. Сознательно оставаться нѣмымъ свидѣтелемъ такого положенія не всякому человѣку позволяетъ совѣсть . . .

Конечно опасенъ путь для борьбы непотерявшему совѣсть съ свободными отъ совѣсти. Практика воочію доказала, что благоденствуютъ и благодушествуютъ у насъ тѣ, кто не вступаетъ на этотъ путь, а рукоплещутъ всему или молчатъ «лишь бы сорвать шерсти клокъ». И обратно: тяжкія раны наносятъ, — конечно изъ за угла, безъ суда, «безъ объявленія мотивовъ» — тѣмъ, чье слово и дѣло, оставаясь въ предѣлахъ правды и чести, идетъ въ разрѣзъ съ идеалами «союза бюрократіи съ плутократіей» и порожденнаго имъ союза Chrétien-Juif.

* *
*

На нашей памяти хоронили Ѳ. М. Достоевскаго съ истинно царскими почестями; на знаменахъ и на вѣнкахъ преобладала такая надпись: «великому учителю». Вотъ что, между прочимъ, завѣщалъ этотъ «великій учитель» колеблющимся въ избраніи одного изъ двухъ вышеуказанныхъ путей: «Вѣдь съ этимъ признаніемъ святости текущей выгоды, непосредственнаго и торопливаго барыша, съ этимъ признаніемъ справедливости плевка на честь и совѣсть, лишь бы сорвать шерсти клокъ, — вѣдь съ этимъ можно очень далеко зайти... Дипломатическій умъ, умъ практическій и насущной выгоды всегда оказывался ниже правды и чести, а правда и честь кончали тѣмъ, что всегда торжествовали. А если не кончали тѣмъ, то кончатъ тѣмъ, потому что такъ того неизмѣнно и вѣчно хотѣли и хотятъ люди».

И вотъ, сопоставьте «неизмѣнное и вѣчное хотѣніе» русскихъ людей «да Батюшка-Царь нашъ всю правду бы вѣдалъ» — съ «хотѣніемъ» и обѣтомъ Царя — «устроенія счастія всѣхъ вѣрноподданныхъ». Посмотрите, какое тутъ полное и трогательное созвучіе смиренія, любви, вѣры, надежды и самой утонченной совѣстливости съ одной стороны, и чести и совѣсти съ Другой! И какъ легко одухотворить это созвучіе, не ломая строй, вѣками сложившійся и съ народомъ сроднившійся.

И въ чемъ препятствіе? Только въ томъ, что эта гармонія, этотъ союзъ Царя съ народомъ несовмѣстимъ съ союзомъ бюрократіи съ плутократіей переродившимся въ Chrétien-Juif! Такъ вѣдь все равно, послѣднему рано или поздно придется уступить первому свое мѣсто...

Необходимость этой уступки ростетъ въ сознаніи народномъ. Слухи о проектѣ конституціи, предложенномъ Александру II-му и III-му самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственной полиціи, и не по своему же единоличному убѣжденію, а съ одобренія большинства ближайшихъ совѣтниковъ Царя, дали сильный толчекъ этому сознанію. Мотивы для такого перестроя, по тѣмъ же слухамъ, приводились тѣ же самые, т. е. отсутствіе путей правды народной изъ первоисточника, и были какъ нельзя болѣе на руку крамольникамъ для возможно большаго распространенія въ массѣ населенія.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что даже въ самыхъ узкихъ эгоистическихъ своихъ интересахъ членамъ союза бюрократіи съ плутократіей и Chrétien-Juif выгоднѣе, чтобы открытіе этихъ путей пришло сверху, а не выросло изъ Земли, — да и не замедлило приходомъ. Правда, Земля истощена, обезсилена; у нея средства вымотаны настолько, что по собственному признанію «союза» даже не осталось «на обученіе грамотѣ и закону Божію». Но разумъ-то и воля на лицо, и отобрать отъ Земли думы, силы и стремленія къ выходу изъ такого положенія не подъ силу «союзу», въ чемъ, полагаю, члены его, какъ люди практическіе, согласятся. Скажу болѣе: не приметъ коренное населеніе конституціи безъ одновременнаго съ нею и не фиктивнаго пониженія налоговъ, сколько не доказывайте ему, что конституція единственный путь правдѣ къ Царю; не приметъ, ибо не повѣритъ и не пойметъ; да и не подготовлено оно къ тому не только степенью умственнаго развитія, но и всею тысячелѣтнею своей исторіей даже до сего часа. Объявите, при существующемъ уровнѣ развитія кореннаго населенія, самую либеральную конституцію, и вы, пожалуй, прежде всего вызовете мѣстами даже рѣзню состоятельныхъ и привиллегированныхъ классовъ. И на оборотъ, объявите призывъ къ Царю совѣтниковъ, Землѣ вѣдомыхъ и ею избранныхъ, и вы прославите и Царя и себя,

и вызовете отъ края и до края бурю восторговъ истинныхъ, искреннихъ, а не диктованныхъ администраціей.

Россія не Петербургъ, и Петербургъ не Россія. Охотнорядскіе сборища, и толки въ Москвѣ въ періоды покушеній, и поводы къ рукопашной во время студенческихъ безпорядковъ должны быть извѣстны государственной полиціи и не должны быть забываемы.

Итакъ, реформа Коммиссіи Прошеній по схемѣ, изложенной въ вышеприведенномъ письмѣ къ генералъ-адъютанту Рихтеръ, представляется намъ тѣмъ именно «увѣнчаніемъ зданія», котораго желали всѣ, и благонамѣренные конституціоналисты, и убѣжденные монархисты, т. е. народники (быть народникомъ и не быть монархистомъ или обратно, — нельзя, такъ какъ народъ весь монархистъ, да и монархія то имъ же, народомъ, установлена). Разногласіе тутъ только въ пріемѣ «увѣнчанія»: à la française или à la russe.

И такъ какъ альфа и омега «увѣнчанія à la Russe» установленіе путей правды къ Царю изъ первоисточника, т. е. уничтоженіе «средостѣнія» между Царемъ и народомъ, а черезъ то и возвратъ фактической верховной власти тому Величеству, которому только и присягала Россія, — то казалось бы, по аналогіи съ событіемъ 14 ноября, не должно быть сомнѣній въ возможности постановки вышеприведенныхъ вопросовъ. Тутъ самая слабая сторона въ томъ, что правда отвѣтовъ «Chrétien-Juif-раскола» не попадетъ подъ печатный станокъ, а если и попадетъ, то не будетъ возможности освѣтить ее надлежащимъ свѣтомъ.

«Закрытыя двери» много, много бѣдъ натворили Русской Землѣ... «Увѣнчаніе à la Russe» хоть чуть-чуть пріотворило бы ихъ для слуха и сердца Царя. При «закрытыхъ дверяхъ» нельзя «устроить счастье вѣрноподданныхъ». По крайней мѣрѣ въ исторіи всѣхъ вѣковъ и народовъ не было тому примѣра.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Твердо вѣруя въ торжество правды, предлагаю читателю припомнить: когда обычныя у насъ хищенія народнаго достоянія и казны обратились въ открытый среди бѣла дня грабежъ? Когда объявились правильно организованные союзы съ патентами на право «грабежа на законномъ основаніи», на право даже закладывать въ своихъ интересахъ трудъ нѣсколькихъ поколѣній? Когда покрыли страну сѣтью мышеловокъ подъ вывѣской городскихъ общественныхъ банковъ? Когда объявились нигилисты, анархисты, министры-конституціоналисты и проч. тому подобныя группы, до фактическихъ самодержцевъ включительно? Когда начались покушенія, закончившіяся цареубійствомъ? Когда уѣздный предводитель дворянства Пазухинъ, впослѣдствіи правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и государственной полиціи, въ своей брошюрѣ «Современное состояніе Россіи» прямо приравнялъ состояніе Россіи къ смутнымъ временамъ XVI вѣка?

Все это было тогда, когда Россіей управлялъ «союзъ бюрократіи съ плутократіей» . . . . . .

Далѣе: когда объявилось у насъ — въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой — биржевое государственное хозяйство? Когда объявлено было, что науки финансовой — этой вѣковой работы генія человѣческаго — не существуетъ болѣе для Россіи, а что для управленія ея государственнымъ хозяйствомъ и всею экономическою жизнью страны достаточно умѣть ходить по туго натянутому канату, имѣя въ рукахъ лишь шестъ для баланса, да какъ можно болѣе «смѣлости» и нахальства?

Когда налоги довели до того, что «въ обществѣ и въ народѣ денегъ почти нѣтъ даже для обученія православнаго народа грамотѣ и закону Божію», хотя у иновѣрнаго народа, подъ Русской Державой живущаго, еще остались средства не только на обученіе грамотѣ и закону Божію, но и ремесламъ? Когда министерство финансовъ безнаказанно «своими мѣропріятіями быстро уничтожало милость Божію», (на народъ ниспосылаемую) и безнаказанно же «приводило государственные финансы въ еще большее разстройство»? Когда биржевая игра дошла до своего апогея и превратилась въ игру навѣрняка съ цѣлью ограбленія все того же «общества и народа» — ограбленія въ которомъ живѣйшее участіе приняли дамы? Когда министерство финансовъ изъ спеціальнаго мини-

стерства обратилось въ такое громоздское учрежденіе, что трудно даже разобраться въ этомъ смѣшеніи функцій государственнаго управленія — смѣшеніи, подобія которому не представляетъ ни одна сколько-нибудь культурная страна?[1] Когда въ Россіи — даже въ такомъ учрежденіи какъ Комиссія Прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ объявился мнѣ лично и дважды повторенный лозунгъ — «нельзя нынче ссориться съ министромъ финансовъ»? Откуда, когда, и для чего объявились въ государственной казнѣ сотни милліоновъ золота, праздно лежащаго въ кладовыхъ? Когда прочно установилось надъ Россіей иго экономическое? Когда, наконецъ, печать честную, «несомнѣнно оказавшую крупныя услуги государству», именно статьями по экономическимъ вопросамъ, — когда такую печать преслѣдовали, разоряли и наконецъ «прикрывали на глухо» безъ суда, и даже безъ объявленія мотивовъ? . . .

Все это случилось тогда, когда окончательно прерваны были всѣ пути правдѣ народной къ Царю изъ первоисточника, когда фактическое самодержавіе воочію перешло въ руки первенца «союза бюрократіи съ плутократіей» — союза Chrétien-Juif.

Надъ основателемъ этого страшнаго союза, надъ главою этой позорной школы еще при жизни его на глазахъ всѣхъ учениковъ его и всей Россіи, и Царя Россіи, свершился грозный судъ Божій, а затѣмъ и судъ людской: нищій семинаристъ Вышневолоцкій, восходя по іерархической лѣстницѣ подъ вымышленною фамиліею Вышнеградскаго, достигаетъ и громаднаго матеріальнаго благосостоянія и такого вліянія на ходъ дѣлъ въ государствѣ и лично на Царя, которые не часто встрѣчаются въ нашей исторіи. Но обязанный такимъ возвышеніемъ одному Богу, даровавшему и талантъ, и силы къ его развитію, и благопріятные случаи къ его приложенію — онъ потерялъ Бога истиннаго и не возвратился къ Нему даже тогда, когда соотечественники его напоминали ему о томъ, кто въ прозѣ, кто въ стихахъ, кто въ легендахъ, кто въ сказкахъ . . . И вотъ, послѣ многолѣтнихъ тріумфовъ, послѣ безнаказаннаго преслѣдованія и разоренія имъ тѣхъ, кто неотступно напоминалъ ему о чести, совѣсти, присягѣ и долгѣ предъ Отечествомъ, свершается судъ Божій; и тотъ же безнадзорный и всесильный Вышнеградскій оказывается безсильнымъ, безпомощнымъ, умирающимъ на своихъ милліонахъ и лаврахъ въ состояніи тихаго помѣшательства. И если агонія длилась такъ долго, то развѣ для того, чтобы дать время и для суда людскаго, при чемъ самымъ неумолимымъ судьей является старшій ученикъ его, имъ же выдвинутый, обученный и облагодѣтельствованный. Глотая пилюли, хотя и золоченыя, но изо дня въ день подносимыя, старикъ падаетъ духомъ и тѣломъ, теряетъ ра-

---

[1] Дир. департ. торговли и мануфактуръ г. Ковалевскій просилъ одного изъ депутатовъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ для поздравленія Царя по случаю бракосочетанія, прочесть какую-то важную записку и дать свое заключеніе. Депутатъ прочелъ записку, много разъ ходилъ въ департаментъ уловить тамъ г. Ковалевскаго на 5 минутъ для возвращенія ввѣренной ему рукописи и сообщенія своего заключенія, но получалъ одинъ отвѣтъ, что г. Ковалевскій очень занятъ. Не имѣя возможности оставаться долѣе въ Петербургѣ, депутатъ проситъ наконецъ одного изъ начальниковъ отдѣленій департамента устроить ему хоть пяти минутную аудіенцію и вотъ какой получаетъ отвѣтъ: «да вы мнѣ самому устройте получасовую аудіенцію, тогда я вамъ хоть 15 минутъ отдамъ; директоръ такъ занятъ, что ему даже подписать мои бумаги некогда». И вотъ, при такой то сутолокѣ обсуждаются, рѣшаются и приводятся въ исполненіе вопросы государственной важности — когда не только прочитать сочиненія начальниковъ отдѣленій, но даже подписать ихъ некогда . . . (записано со словъ депутата).

зумъ, и въ такомъ состояніи сходитъ въ могилу . . . Казалось бы всѣ счеты съ учителемъ сведены; но по кодексу Chrétien-Juif оказалось, что и этого мало: надо было послать еще послѣдній плевокъ на самый трупъ своего учителя и благодѣтеля. Этотъ плевокъ — книга Весселя, напечатанная на деньги, выданныя изъ кассы того же министерства финансовъ . . . . . Вотъ картина, передъ которой нельзя не остановиться и вѣрующему, и невѣрующему, и каждому мыслящему человѣку. Ея темный фонъ и темныя дѣла, на ней воспроизведенныя, освѣтятъ историку, и, быть можетъ, и современникамъ, а Богъ дастъ и Императору Николаю II путь къ справедливой оцѣнкѣ высказаннаго мною здѣсь взгляда на современное состояніе Россіи и той роли, которую безнадзорный, безконтрольный и безотвѣтственный союзъ Chrétien-Juif «всемилостивѣйше» удѣляетъ и православію, и самодержавію, и всему прочему, въ инвентарѣ родины моей значущемуся.

Мнѣ говорятъ въ семьяхъ, близкихъ къ Царской семьѣ, такъ: «выводы ваши неоспоримы, но вѣдь вы видите, какая сила этотъ союзъ Chrétien-Juif; передъ этой силой и законъ и мы безсильны; и все равно Chrétien-Juif васъ съѣстъ». Что же, можетъ быть и съѣстъ; а можетъ быть и не съѣстъ — «если Богъ не выдастъ». Можетъ послѣдовать и третій взмахъ самодержавной власти Императора Николая II, взмахъ такого же характера, какъ и первые два. Вѣдь прошлаго не надо забывать; наоборотъ, въ немъ надо искать указаній; а въ этомъ недавнемъ прошломъ вотъ что отмѣчено: министръ Кривошеинъ былъ выкормкомъ того-же союза, того-же «фактическаго величества» Chrétien-Juif, а между тѣмъ, не спрося позволенія «союза», Императоръ Николай II однимъ почеркомъ пера пресѣкъ столь прославленную Ему, патріотическую, вѣрноподданническую и энергическую дѣятельность Кривошеина. Средостѣніе, отдѣлявшее народъ въ самую торжественную минуту жизни Царя — 14 ноября — было разрушено Императоромъ Николаемъ II тоже по праву Самодержавнаго Царя, и даже прямо вопреки настоятельнымъ совѣтамъ близкихъ и родныхъ. И все это не случайно, а сознательно, во имя даннаго Имъ торжественнаго обѣта, посвятить жизнь Свою «устроенію счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ». Но вѣдь и надзиратель за союзомъ Chrétien-Juif тоже вѣрноподданный; и почему же не устроить и его счастье назначеніемъ надъ нимъ суда не «en petit comité» при закрытыхъ дверяхъ, а суда гласнаго? На такой судъ Chrétien-Juif повліять будетъ несравненно труднѣе; да главное хоть мотивы-то, т. е. правда, а не ложь, будетъ предметомъ суда, ибо обѣ стороны будутъ на лицо. А если и сказано будетъ на судѣ съ чьей либо стороны слово ложное, то вѣдь оно тутъ же и выяснится, и въ конечномъ результатѣ сбудутся вѣковыя чаянія вѣрноподданныхъ (кромѣ, конечно, Chrétien-Juif) — чаянія въ томъ — «Да Батюшка Царь нашъ всю правду бы вѣдалъ». И вотъ при такихъ-то, разбирательствахъ не будетъ повода ропоту, не будетъ пищи крамольникамъ и динамитчикамъ, и Самодержавному Царю, да и всему Его Царству ясно будетъ видно, которая тутъ изъ двухъ сторонъ . . . . . Кривошеинъ.

Положимъ, наканунѣ XX вѣка мы даже не говоримъ: «до Бога высоко, до Царя далеко», а уже болѣе ¼ столѣтія видимъ, что до Царя и совсѣмъ пути нѣтъ; стало быть возможно и такое рѣшеніе: суда не назначать, и какъ en petit comité порѣшили лишить бунтовщика противъ Chrétien-Juif достоянія и добраго имени, такъ точно и теперь, безъ объявленія мотивовъ заточить его, да и извести по-маленьку . . . убѣдивъ только Царя, что это не вѣрный слуга Престола и Отечества, не бунтовщикъ противъ Chrétien-Juif, а

просто человѣкъ, выжившій изъ ума. И такое рѣшеніе у насъ возможно, ибо такихъ страшныхъ людей, какъ члены союза Chrétien-Juif, не устрашаетъ даже казнь, на ихъ же глазахъ совершившаяся надъ Вышнеградскимъ — казнь, въ которой они же участвовали въ ролѣ палачей.

Но если Стамбуловскими пріемами легко избавиться отъ непродажнаго и неудобнаго органа печати, если безъ мотивовъ можно избавиться отъ человѣка или даже горсти людей, то какъ избавиться отъ милліоновъ единомышленниковъ ихъ? Куда укрыться отъ ихъ знамени, отъ той правды, которая рано или поздно совершитъ и надъ учениками тоже, что надъ учителемъ ихъ и благодѣтелемъ? Безнаказанно преслѣдуя и разоряя не холопствующихъ, а остающихся вѣрными Царю и Отечеству, вы — г. г. ученики — конечно можете приложить похищенныя вами права самодержавныя и ко всякому роду насилія «безъ оглашенія мотивовъ»; но развѣ вы уже совсѣмъ отрицаете возможность третьяго взмаха самодержавной власти Царя Николая II? Первые два, по личной Его иниціативѣ, вполнѣ отвѣчали вышеприведенному обѣту Царя, а могущій тутъ послѣдовать третій взмахъ дастъ неизмѣримо болѣе важные результаты. Вѣдь это будетъ ни болѣе ни менѣе какъ первой страницей «Новой Русской исторіи»!!.. Ибо «увѣнчаніе» по схемѣ, предложенной въ письмѣ къ ген.-адъют. Рихтеру, освободитъ Самодержавіе изъ одиночнаго заключенія; выведетъ его на свѣтъ Божій; и сольетъ Царя съ народомъ въ лицѣ завѣдомо лучшихъ сыновъ его. Люди и людишки съ вышеприведенными репутаціями и самъ Chrétien-Juif отойдутъ отъ Царя, отойдутъ и отъ Царской казны — этого хранилища пóта и крови народа. Будутъ тогда и въ Россіи «люди», — и въ преизбыткѣ будутъ. Будутъ пути нуждамъ народнымъ къ Царю изъ первоисточника. Народъ вздохнетъ. Законъ и правда оживутъ. Иго экономическое, какъ и ропотъ народный, и крамола всяческая отойдутъ въ исторію... Туда же пойдутъ и союзы бюрократіи съ плутократіей, и Chrétien-Juif, — пойдутъ они отъ насъ по завѣту Христа прощенными, сотнями тысячъ и милліонами нагруженные, — пойдутъ, напутствуемые забвеніемъ всего содѣяннаго зла... если хоть на этотъ разъ не будутъ препятствіемъ Царю въ исполненіи Его обѣта.

* * *

Мнѣ остается предложить читателю слѣдующіе вопросы:

1) Преступно или не преступно, своевременно или несвоевременно ставить задачей сверженіе съ народа экономическаго ига, выносимаго имъ только потому, что коренное населеніе, т. е. именно православный русскій народъ, представляетъ собою чуть не сплошное пятно невѣжества?

2) Достаточно ли ясно доказано въ этой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней необходимость: а) открыть пути правдѣ къ Царю изъ первоисточника; в) упразднить Комитетъ министровъ, или какъ его въ обществѣ называютъ «комитетъ взаимнаго одолженія»; и с) выдѣлить государственную полицію въ особое независимое учрежденіе.

3) Имѣется ли какой либо другой, болѣе сродный нашему исторически сложившемуся государственному строю, пріемъ для возстановленія путей народной правдѣ къ Царю изъ первоисточника, кромѣ того пріема, который изложенъ въ письмѣ къ ген.-адъют. Рихтеру.

4) Достаточно ли мы представили данныхъ, чтобы имѣть право утверждать, что если бы правдѣ народной были открыты пути къ Царю изъ первоисточника, то не было бы «союза бюрократіи съ плутократіей», что не родилъ бы этотъ «союзъ» другой союзъ «Chrétien-Juif»; не тяготѣло бы надъ народомъ иго экономическое; не было бы фактическихъ самодержцевъ, которымъ мы не присягали, а былъ-бы на Руси одинъ Самодержецъ, котораго мы сами призвали, которому присягали — послѣ того, какъ услышали обѣтъ «устроенія счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ».

* *
*

Петра Великаго нѣтъ въ живыхъ; въ могилѣ и Николай I, къ которому его вѣрный подданный — кто бы ни былъ — могъ подчасъ придти и выяснить положеніе. Изъ царедворцевъ, іерарховъ и высшихъ классовъ служащихъ и неслужащихъ давно что-то не слышно именъ съ потребнымъ для такого служенія подъемомъ чувства гражданственности. Члены Царствующаго Дома, какъ по исключительности своего положенія, такъ и по установленному обычаю, не могутъ являться иниціаторами или ходатаями передъ Царемъ въ подобномъ случаѣ. И вотъ изъ этихъ-то данныхъ самъ собой слагается планъ дѣйствій для достиженія цѣли, которую въ первой главѣ мы формулировали такъ: «освобожденіе родины отъ тягчайшаго ига экономическаго, а для того возвратъ къ монархіи отъ анархіи посредствомъ возстановленія путей къ Царю нуждамъ и горю народному изъ первоисточника». Планъ состоитъ въ томъ, чтобы до открытія путей правдѣ къ Царю изъ первоисточника перенести кафедру за рубежъ, ограничить аудиторію указанными въ той же главѣ группами, и оставаться на родинѣ «недрёманнымъ окомъ» при Chrétien-Juif, какимъ я былъ пять лѣтъ издавая «Русскую Жизнь».

Будущее укажетъ потребныя для блага родины измѣненія въ этомъ планѣ служенія.

. . . . . .

Разумъ и воля сами въ плѣнъ идутъ за плѣненнымъ сердцемъ обыкновеннаго смертнаго. Но русскаго человѣка учатъ, что «сердце Царево въ рукѣ Божіей»; и только потому еще не гаснетъ у насъ ни энергія, ни творчество, ни любовь къ Царю, ни вѣра въ Него, ни надежда . . . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо къ Великому Князю Константину Константиновичу, не отправленное вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній отъ двухъ лицъ близко къ Е. В. стоящихъ, что Великій Князь затруднится оказать какое либо содѣйствіе и

II. Письмо къ Государю, на который полученъ былъ вышеприведенный отказъ.

I.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Прекращеніе издаваемой мною газеты «Русская Жизнь» вслѣдъ за Монаршимъ призывомъ къ труженикамъ въ этой области «съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вящей славѣ и величію нашей горячо любимой Россіи», — указываетъ мнѣ путь искать облегченія участи у Вашего Высочества, какъ Президента учрежденія, коему ввѣрены нынѣ попеченія о тѣхъ членахъ этой группы вѣрноподданныхъ, кои по тѣмъ или инымъ причинамъ впали въ тяжкое или въ безвыходное, безъ сторонней помощи, положеніе.

Прекращеніемъ «Русской Жизни» отнято у меня и у семьи моей все достояніе, а многочисленная группа поголовно бѣдныхъ тружениковъ на литературномъ поприщѣ лишена заработка.

Самому тяжкому преступнику дается право апелляціи, даются время и средства для провѣрки правильности примѣненія кары, дается право просить помилованія у Царя, а населенію дается весь судебный матеріалъ, какъ оправдательный документъ безпристрастія.

Населеніе знаетъ, что судьи, лишая человѣка добраго имени и достоянія, не только открыто принимали на себя отвѣтственность за справедливость приговора, но что этотъ приговоръ провѣренъ одною или двумя такими же спеціальными инстанціями, и что право помилованія, присущее Верховной Власти, не будетъ устранено. Такъ творится судъ надъ каждымъ преступникомъ; причемъ общественная совѣсть и самъ преступникъ преклоняются передъ фактомъ, видя въ примѣненіи самой тяжкой кары удовлетвореніе требованіямъ и справедливости, и общаго блага.

Все вышесказанное не нашло себѣ примѣненія при составленіи приговора о прекращеніи «Русской Жизни», т. е. приговора о лишеніи меня добраго имени и всего достоянія.

Если такая жертва нужна для блага родины пусть берутъ ее. Если для того же блага нужна моя жизнь, — пусть берутъ и ее. Такъ понималъ я долгъ гражданина, дворянина и вѣрноподданнаго, когда почти безоружный стоялъ въ рядахъ гвардіи, также какъ и я вооруженной и снаряженной въ Крымскую войну, передъ хорошо вооруженнымъ врагомъ, пришедшимъ разорять Русскую Землю.

Такъ точно открыто исповѣдывалъ я этотъ долгъ, когда пять лѣтъ тому назадъ выступилъ на борьбу съ другимъ еще болѣе страшнымъ врагомъ, шедшимъ по пути разоренія страны и народа. Этотъ второй врагъ моей родины «биржевое государственное хозяйство въ земледѣльческой странѣ».

Я наблюдалъ этого врага, живя въ самомъ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ; изучалъ его объѣздами и личными сношеніями; я не выдумывалъ его; я его осязалъ. Своими глазами видѣлъ и слагавшееся оскудѣніе стомилліоннаго народа, и рядомъ съ этимъ оскудѣніемъ, обогащеніе кучки хищниковъ, которыхъ насаждалъ и плодилъ врагъ.

Сила этого врага, его идеалы, его пагубныя для страны послѣдствія, стояли предо мной во всей своей ужасающей правдѣ, когда я приступилъ къ составленію 4-го выпуска книги моей «Россія наканунѣ XX вѣка». Этотъ 4-й выпускъ озаглавленъ былъ «Экономическія силы Россіи». Онъ долженъ былъ составить продолженіе 3-хъ выпусковъ той книги, которую Наслѣдникъ Престола, нынѣ Царствующій Государь, назвалъ «чудной книгой», какъ сказалъ мнѣ Его Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Америку. Но вскорѣ мнѣ стало ясно, что обработка собраннаго матеріала потребовала бы два-три года усидчивой работы и при томъ работы единоличной, безъ критики, безъ гласной провѣрки выводовъ; и потому, оставивъ родное гнѣздо, я переселился въ Петербургъ, основалъ газету «Русская Жизнь», и неустанно пять лѣтъ изо дня въ день говорилъ, что этотъ врагъ разоряетъ страну и народъ; приводилъ факты, взывалъ къ ихъ опроверженію.

Понятно, что это пугало и возмущало главныхъ дѣятелей «биржеваго хозяйства», и они поспѣшили преслѣдованіями изобличающаго ихъ органа печати. Сначала они надѣялись извести «Русскую Жизнь» изморомъ, и потому почти ежемѣсячно возбуждали противъ меня судебные иски подъ самыми разнообразными предлогами, не гнушаясь даже скупкой моихъ долговыхъ обязательствъ передъ типографіей и поставщиками бумаги.

Но это имъ не удалось. Тогда они путемъ ложныхъ инсинуацій стали добиваться различныхъ денежныхъ каръ изданію: воспрещенія розничной продажи и частныхъ объявленій, и попутно съ этимъ сами лишали газету тѣхъ законныхъ ея доходовъ, которыми щедро награждали публицистовъ, служащихъ ихъ интересамъ. Когда же путь измора не удался, они прибѣгли къ клеветѣ, распространяя слухи, что «Русская Жизнь» органъ «нѣмцевъ, жидовъ и поляковъ», что она даже редактируется евреями, а не мною. Узналъ я объ этомъ изъ самыхъ оффиціальныхъ источниковъ.

Несмотря на то, что нѣтъ редакціи, въ которой бы не было по нѣскольку евреевъ, я имѣлъ лишь одного еврея-юриста, но желая устранить и этотъ поводъ къ преслѣдованію меня, поставилъ вопросъ о реорганизаціи редакціи такъ, что не только этотъ единственный еврей, но и друзья его вынуждены были оставить редакцію, объ чемъ даже напечатали въ «Новомъ Времени», а въ отмщеніе мнѣ распустили слухъ, будто замѣститель еврея чиновникъ тайной полиціи, которая якобы уплатила мнѣ 45,000 руб. за перемѣну направленія газеты.

Между тѣмъ положеніе творца такой экономической политики, и его личное вліяніе на ходъ дѣлъ слагалось, росло, укрѣплялось и достигло апогея власти въ странѣ при такихъ условіяхъ, что не только историку, но и мало освѣдомленнымъ современникамъ условія эти и до сихъ поръ представляются сказочными. «Русская Жизнь» только и твердила и доказывала, что именно эти условія разоряли страну и народъ, обогащая спекуляцію иноземную и туземную, питая при томъ самые дурные инстинкты массы, и во очію подрывая престижъ власти всѣхъ ступеней и болѣе всего Власти Верховной.

Изъ этихъ условій укажу лишь на одно, всѣмъ извѣстное, дорогой цѣной Россіей оплаченное и даже опубликованное; фактъ, заслоняющій собою все остальное и все выясняющій. Буду говорить даже не моими словами, человѣка оскорбленнаго и разореннаго; буду говорить выписками изъ книги, вчера вышедшей, автору которой сами дѣятели «биржеваго государственнаго хозяйства» предоставили всѣ матеріалы, которыми онъ и воспользовался съ приличествующей деликатностью и признательностью.

«Съ 1887 года, говоритъ Н. Х. Вессель («Наша новая государственная финансовая дѣятельность» стр. 24 и 25) наступаетъ необыкновенно благопріятное для Россіи время въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи, и программа новаго министерства финансовъ, какъ видно изъ его всеподданнѣйшаго доклада о государственныхъ росписяхъ на 1888 и 1889 годы, была составлена прекрасно». И далѣе: «Но дѣйствія министерства финансовъ оказались съ самаго начала въ совершенномъ противорѣчіи съ этою мудрою, прекрасною программою». Другими словами: Государю, Государству и его безчисленнымъ кредиторамъ предъявляли программу мудрую и прекрасную, а дѣйствовали прямо на оборотъ . . . Явленіе уже не удручающее, а ужасающее, впервые заносимое въ русскія финансовыя лѣтописи. Ужасающимъ оно становится не по необычайнымъ размѣрамъ элоупотребленія довѣріемъ Монарха, не по размѣрамъ пагубныхъ послѣдствій для страны, даже не по увѣренности въ безнаказанности, а потому что именно такая дѣятельность была осыпана Царскою милостію . . . И почему? Только потому, что не было пути къ Царю правдѣ. Голосъ «Русской Жизни», какъ и многіе подобные голоса, не допускался до уха и сердца Царя. Творилось все по волѣ ключемъ отъ кассы владѣющаго и тѣмъ сильнаго и смѣлаго, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ остальныхъ министерствъ власть не доходила до апогея власти въ странѣ, и противовѣса не оказывалось. Всѣ это видѣли; все это знали; въ стихахъ, въ прозѣ, въ легендахъ и сказкахъ читали уже не намеки, а прямыя указанія лицъ, пойманныхъ съ поличнымъ въ хищеніяхъ у Царя самодержавныхъ правъ и въ столь же преступномъ ихъ примѣненіи. И хотя не присягавшихъ на вѣрность служенія Престолу не было около Престола, но сколько нибудь дѣйственнаго протеста такому теченію Россія не слыхала. Фраза «нельзя ссориться съ министромъ финансовъ» сдѣлалась какъ бы лозунгомъ, и оставалось только съ болью въ сердцѣ наблюдать, какъ изо дня въ день сбывались страшныя пророчества Кадьяна (бывшаго преподавателемъ Императора Александра II), Фельдмана и другихъ.

Ваше Высочество! въ такихъ ли рукахъ мнилъ Русскій народъ видѣть апогей власти, когда билъ челомъ боярынѣ Романовой отпустить Михаила на царство? . . .

Но вотъ, весною 1892 г. Богу угодно было положить предѣлъ такому теченію, и уже 28 мая того же года на оффиціальной аудіенціи, не мною вызванной, я былъ изумленъ, но и осчастливленъ слѣдующимъ заявленіемъ одного изъ выдающихся нашихъ

государственныхъ дѣятелей, вѣдомаго Россіи не одними дарованіями и трудолюбіемъ, но и всѣмъ свѣтлымъ прошлымъ и настоящимъ. Вотъ точныя слова, сказанныя мнѣ, какъ руководителю «Русской Жизни»: «вашими статьями по экономическимъ вопросамъ вы несомнѣнно оказали крупныя услуги государству». Ваше Высочество! на моей памяти въ сферѣ публицистики такой Георгіевскій крестъ за тяжкую, непосильную борьбу за благо родины былъ данъ чуть ли не впервые. Правда, что такая оцѣнка «Русской Жизни» послѣдовала послѣ многократно налагаемыхъ каръ на газету и даже даннаго ей 1-го предостереженія за этотъ же самый экономическій отдѣлъ.... Но точно также, и много ранѣе 28 мая откликнулись буквально всѣ слои русскаго общества, и не только единоличными откликами, но и коллективными.

Затѣмъ, до 30 августа 1892 г., т. е. болѣе трети части года въ Россіи министерства финансовъ какъ бы не существовало; въ немъ какъ бы и не ощущалось надобности; и только свѣдѣнія о томъ, что воля Божія остается неумолимою, вызвали назначеніе преемника-самаго талантливаго и самаго дѣятельнаго изъ созидателей этого, лишь милосердіемъ Божіимъ прерваннаго режима...

Преемникъ г. Вышнеградскаго, столь же какъ и онъ даровитый, энергичный и столь же освѣдомленный въ финансовыхъ вопросахъ, не только воскресилъ силу и вліяніе министерства финансовъ на ходъ дѣлъ, но еще расширилъ это вліяніе и усилилъ эту силу до предѣловъ, неиспробованныхъ въ какой либо другой странѣ. Словомъ, министерство финансовъ въ томъ значеніи, которое вѣками выработалось въ странахъ культурныхъ, было окончательно упразднено. Объявилось министерство, объемлющее болѣе или менѣе чуть ли не всѣ отрасли государственнаго управленія; и только одна «Русская Жизнь», отдавая полную дань кипучей дѣятельности и благимъ намѣреніямъ новаго министра, высказаннымъ имъ при разныхъ случаяхъ, сочла долгомъ выразить опасенія за такой опытъ сочетанія разнообразныхъ функцій, на который не рѣшались даже государства меньшія въ объемѣ любой изъ нашихъ губерній, государства съ законодательствомъ дѣйственнымъ по отношенію ко всѣмъ гражданамъ безъ изъятія, и контролемъ фактическимъ и гласнымъ.

Очевидная основательность этихъ опасеній побудила меня увеличить силы двухъ отдѣловъ «Русской Жизни»: экономическаго и областнаго, такъ какъ не лицамъ, вызвавшимъ опасенія, а населенію предстояло оплачивать личнымъ тяжкимъ трудомъ и скудными достатками результаты такого необычайнаго опыта смѣшенія функцій. И надо было видѣть, съ какой любовью, съ какимъ искреннимъ сердечнымъ увлеченіемъ работала дружина подъ такимъ знаменемъ, — дружина, разбросанная на пространствѣ необъятномъ, оплачиваемая скудными средствами вмѣсто крупныхъ гонораровъ, такъ легко добываемыхъ при условіи продажности, холопства, безъидейности и отреченія отъ великаго призванія печати.

Въ первый пріѣздъ излюбленныхъ людей на поклоненіе праху усопшаго Царя и еще болѣе во второй съѣздъ депутатовъ со всей Россіи для привѣтствія юнаго Царя, представился случай провѣрить эти мои опасенія и подвести итоги «биржевому государственному хозяйству въ земледѣльческой странѣ», а равно и выше указанному опыту смѣшенія функцій государственнаго управленія. Результаты такой провѣрки опять буду приводить не устами оскорбленнаго и разореннаго, а устами избранныхъ, пришедшихъ изъ самой толщи Русской Земли.

«Я проѣхалъ Россію отъ моря Азовскаго до моря Балтійскаго — такъ сказалъ мнѣ при двухъ свидѣтеляхъ, лицахъ высокопоставленныхъ, глава одной изъ депутацій — ѣхалъ три дня и три ночи, и на протяженіи 1800 верстъ не встрѣтилъ ни одного человѣка, который бы не стоналъ».

«Ссуда подъ хлѣбъ была убійствомъ, сказалъ другой депутатъ, хлѣбо-торговецъ. Положимъ, пояснилъ онъ, что у меня было 100,000 руб. въ хлѣбѣ въ моментъ запрета вывоза («въ которомъ, какъ оказалось, въ дѣйствительности ни какой особенной необходимости не было» стр. 32. «Наша новая государственная финансовая дѣятельность» Н. Х. Вессель). Продавъ хлѣбъ по цѣнамъ въ моментъ запрета, я потерялъ бы лишь 30,000 руб. изъ своего капитала и имѣлъ бы 70,000 руб. свободныхъ для другаго дѣла. Но министерство финансовъ говоритъ: не продавай; нѣмецъ скоро смирится, хлѣбный рынокъ вернется, и ты съ лихвой вознаградишь это временное стѣсненіе; а чтобы не сидѣть сложа руки, возьми въ Государственномъ банкѣ тѣ же 70,000 руб. подъ залогъ твоего хлѣба. И я взялъ 70,000 руб.; я повѣрилъ; да и не могъ не вѣрить, ибо такой благожелательный совѣтъ и помощь исходили отъ тѣхъ, кто распоряжался судьбами всей русской торговли и промышленности. Но нѣмецъ не смирился; рынокъ не вернулся; цѣны пали еще ниже; наступилъ срокъ возврата ссуды, и отъ меня потребовали уже не одни проценты за ея продолженіе, но и доплату разницы отъ паденія цѣнъ. Вотъ начало разоренія.»

«Я торговецъ бакалейнымъ и мануфактурнымъ товаромъ, сказалъ слѣдующій депутатъ, и вотъ уже два года, что какъ не купи дешево товаръ — все таки убытокъ отъ покупателя, ибо покупательная его сила истощена.»

«Ссуды подъ хлѣбъ и предложеніе крестьянамъ ссуды, подъ что угодно, хотя бы подъ одно обѣщаніе купить лошадь, корову, плугъ, крестьяне приняли двояко: одни не повѣрили казнѣ, ссуды не взяли, махнули на все рукой и ушли за своими ходоками въ Сибиръ, въ тайгу; а другіе взяли таковыя ссуды и даже взяли ссуды подъ хлѣбъ, выдавъ росписки хранить тотъ хлѣбъ въ цѣлости. Но пришли за податями и недоимками, пришла нужда, и тѣ же крестьяне хлѣбъ тотъ продали или съѣли, объясняя такое отношеніе къ кредиту тѣмъ, что «это Царь далъ потому, что видно до Него дошло кое-что о нашемъ житьѣ» и т. д. и т. д.

Ваше Высочество, развѣ не взмолилась бы душа Ваша, какъ взмолилась моя, при такихъ показаніяхъ людей довѣренныхъ, очевидцевъ, пришедшихъ съ мѣста дѣйствія врага, именуемаго «биржевое государственное хозяйство въ земледѣльческой странѣ?» Вѣдь только борьба съ этимъ врагомъ была задачею «Русской Жизни», нынѣ всенародно казненной безъ суда и даже безъ объясненія мотивовъ . . . .

Но Русь велика; мѣстами непроходима и непролазна даже для такихъ «сильныхъ натуръ» какъ творцы «биржеваго государственнаго хозяйства», а потому еще не вся разорена. И въ интересахъ истины нельзя пройти молчаніемъ слѣдующей ошибки автора книги «Наша новая государственная финансовая дѣятельность». На стр. 4 авторъ говоритъ: «И дѣйствительно, если въ столь продолжительномъ разстроенномъ положеніи нашихъ государственныхъ финансовъ и происходили временныя улучшенія, иногда даже весьма значительныя, какъ въ 1872—1875 годахъ и особенно въ 1887—1890 годахъ, то единственно лишь по милости Божіей; министерство финансовъ не только не умѣло пользо-

ваться милостію Божіею и не упрочивало такихъ улучшеній, но своими мѣропріятіями быстро уничтожало ихъ и приводило государственные финансы еще въ большее разстройство».

Въ чемъ же тутъ ошибка автора? Въ томъ, что Русь такъ велика, что оборудовать ее всю, т. е. «быстро уничтожать» ниспосылаемую «милость Божію» повсемѣстно не подъ силу какому бы ни было энергическому «министерству финансовъ», какимъ бы ни было «сильнымъ натурамъ» и при какомъ бы ни было смѣшеніи функцій государственнаго управленія. Да вѣдь и выносливость и терпѣніе людское не безпредѣльны... Но кромѣ этой ошибки тутъ есть и другая, глубоко знаменательная, все и всѣхъ освѣщающая: время появленія этой книги — канунъ доклада юному Царю о результатахъ двухлѣтней дѣятельности «Нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей»; фабула книги — осужденіе министерства Вышнеградскаго и восхваленіе нынѣшняго режима; деньги на изданіе такой книги, въ Аничковомъ дворцѣ у всѣхъ имѣющейся, даны нынѣшнимъ министерствомъ финансовъ....

Казалось бы тутъ все предусмотрѣно человѣкомъ, не исключая положенія и возраста Царя. Забытымъ оказался лишь Промыслъ Божій. И вотъ этотъ-то Промыслъ Божій, лишившій Вышнеградскаго силъ продолжать политику разоренія страны, и нынѣ ниспославшій ему тягчайшую изъ казней — окончить земную дѣятельность помѣшательствомъ, этотъ же Промыслъ Божій обращаетъ эту книгу въ такой безпощадный обвинительный актъ «Нашимъ новымъ государственнымъ финансовымъ дѣятелямъ» передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ предостереженія «Русской Жизни», всѣ указанія ея, всѣ попытки ея освѣтить Царю истинный смыслъ «Нашей новой государственной финансовой дѣятельности». Авторъ книги и его вдохновители, собственноручно правившіе корректурные листы и уплатившіе казенныя деньги за ея изданіе, забыли, что вся Россія знаетъ, кто былъ воспитателемъ «Нашихъ новыхъ государственныхъ финансовыхъ дѣятелей».

Они забыли, что Россія знаетъ и помнитъ кто былъ не только правою рукою того же Вышнеградскаго, но и творцомъ многихъ мѣропріятій того-же, лишь милостью Божіею прерваннаго, режима...

Въ доказательство первой ошибки автора приведу одно изъ показаній тѣхъ же депутатовъ: «Тяжело было въ неурожайные годы, говорили мнѣ Сумцы Харьковской губерніи, но послѣдній урожай поправилъ все. Всѣ недоимки заплатили. Живемъ теперь слава Богу, потому мы на особомъ положеніи: у насъ климатъ благодатный, а заработокъ подъ рукой на заводахъ.»

На вопросъ о земствѣ: «земство работаетъ хорошо, и куда лучше теперь какъ было до земства. Бывало до земства гоняли народъ безъ толку на разныя работы; гоняли задаромъ на дороги, на гати, а нынѣ слава Богу все порядкомъ, и земство за всякую работу платитъ.»

На вопросъ о школахъ: «школы есть церковныя и земскія, да ихъ не хватаетъ. Польза отъ школы нынѣ всякому видна, и много народу рискуетъ на образованіе, да только мѣстъ не хватаетъ. Земскія школы лучше потому, что тамъ учителя настоящіе, пообразованнѣе, и только тѣмъ дѣломъ и занимаются, а въ церковныхъ учатъ дьякона, а много ли у нихъ свободнаго времени, часа два, а тамъ по требамъ надо идти, и такъ случается, что вмѣсто нихъ учатъ ихъ дѣти».

На вопросъ о народномъ здоровьѣ: «Земство хорошо старается, и какъ только гдѣ болѣзнь, сейчасъ доктора или фельдшера присылаютъ.»

На вопросъ о пьянствѣ: «Какъ школа пошла, такъ народъ сталъ скромнѣе, и куда какъ пьянство уменьшилось. Степеннѣе сталъ народъ отъ образованія.»

На вопросъ о нравственности: «Конокрады есть, но другого какого мошенничества не слышно. Гдѣ земскій начальникъ хорошій, тамъ и порядокъ лучше, потому что крестьяне пріучились слушаться. У насъ въ уѣздѣ земскіе начальники хорошіе и работаютъ усердно; диво только, какъ справляются, такъ много разнаго у нихъ дѣла. Главная причина, что мы живемъ у себя дома; заработокъ подъ рукой; народъ далеко отъ дома не ходитъ; земли только мало, многіе просили выселяться, да не дозволяютъ; гдѣ можно донимаемъ землю, а больше все дополняемъ изъ заработка на заводахъ.»

На вопросъ о ссудахъ государственнаго банка подъ хлѣбъ и на всякія нужды: «Предлагать предлагали, только мы не взяли, поопаслись, а теперь и такъ обошлись.»

Эта бесѣда была въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ день будній послѣ обѣдни. Подошелъ я къ этой группѣ потому, что она невольно обращала на себя вниманіе благоговѣніемъ, и всею внѣшностью. Это были четыре типа одинъ другого краше; и надо было видѣть ихъ лица, когда подведя ихъ къ чудотворной иконѣ Тихвинской Божьей Матери я объяснилъ, что эту икону перенесъ сюда и золотую ризу сдѣлалъ Александръ II Освободитель. Депутаты пали на колѣна и словно замерли въ молитвѣ.... Потомъ сложились по пятаку, и, поставивъ двадцатикопѣечную свѣчку, стали прикладываться.

Въ такой же молитвѣ сольется вся Русь за Ваше Высочество, за каждаго члена Вашей династіи, который встанетъ на защиту правъ и обязанностей, не завоеванныхъ ею силой и насиліемъ, а врученныхъ ей — и только ей — народной волей добровольно, любовно и сознательно.

Сказанное требуетъ поясненія. Извѣстно, что крѣпостное право тяготѣло не на всемъ народѣ; къ тому же прикрѣпленіе къ землѣ было очевидною тогда государственною необходимостью, что утверждали и Цари, и законы, и сама жизнь; и народъ вынесъ это иго, перестрадалъ его темныя стороны, и выйдя на свободу пошелъ не къ кому другому, а къ тому же вчерашнему своему барину за совѣтомъ, какъ быть теперь, какъ жить ему на свободѣ. Озлобленныхъ неволею, мстителей за нее, съ одной стороны, и такихъ же чувствъ за потерю правъ надъ человѣкомъ и потерю половины достоянія — съ другой — въ общемъ итогѣ не оказалось. Бояре и крестьяне, коими вся Русь сложилась, которыхъ кровію политы, костями усѣяны ея поля, оказались не только братьями во Христѣ, братьями на ратномъ полѣ, но и братьями вообще и во всѣхъ положеніяхъ, братьями работниками на родной нивѣ. Такъ говоритъ исторія.

Но иными путями сложилось надъ Россіей болѣе тяжкое иго — иго экономическое.

Вашему Высочеству не пришлось видѣть ту Россію, которую искони звали «житницей Европы». Я видѣлъ ее и свидѣтельствую, что она дѣйствительно кормила Европу, но и сама кормилась до отвала. На площадяхъ, на перекресткахъ столицъ и городовъ торговыхъ не одну русскую золотую монету продавали на лоткахъ старики и старухи сидя на тротуарахъ, — продавали и иностранное золото. И такъ сыта, запаслива, честна и почитаема была даже крѣпостная, безсудная, бездорожная кормилица, что въ

первую мою заграничную поѣздку за нашъ бумажный рубль мнѣ дали ровно четыре франка золотомъ.

Вашему Высочеству не пришлось видѣть нераскрытыя крестьянскія хаты и дворы, стада большія, тучныя, табуны коней безсчетные, усадьбы — то скромныя, а то и словно города; а я родился и выросъ среди ихъ.

Куда все это ушло? Кто и какими способами отнялъ все не только у живыхъ тружениковъ, но и у будущихъ, еще не родившихся? Кому даже всего этого показалось мало? Вотъ о чемъ я и хотѣлъ сказать въ 4-мъ выпускѣ моей книги «Россія наканунѣ XX вѣка».

Теперь же укажу лишь кассы, въ которыя перешли всѣ эти дворянскіе, крестьянскіе и иного всякаго простолюдина и слабаго имущественно русскаго человѣка достатки и запасы.

Денежныя сбереженія собрали въ городскіе общественные банки и рѣдко кому изъ вкладчиковъ возвратили. Земли городскія, споконъ вѣка обрабатываемыя городскою бѣднотою, которую та земля кормила, отобрали и сдѣлали предметомъ спекуляціи и наживы все тѣхъ же господъ новой формаціи, которые орудовали и въ «банкахъ-ловушкахъ». Высокими, безбожными пошлинами мало по малу создали кабалу для среднихъ и мелкихъ промышленниковъ. Послѣдніе соки дворянскіе выжаты частными земельными банками. И вотъ, среди опустѣлыхъ, развалившихся помѣщичьихъ усадьбъ, среди полураскрытыхъ избъ крестьянскихъ и оголенныхъ отъ лѣсовъ полей объявился полуголодный, полураздѣтый, безлошадный людъ съ новыми и новыми окладными листами, недоимками и правомъ проѣзда, за плату конечно, по желѣзной дорогѣ въ такую даль за заработкомъ для прокормленія семьи, чтобы и семью не видать годами и чуть не забыть ея обликъ.

Орудовали тутъ единичными силами не долго. Зависть и корысть къ легкому и скорому обогащенію съ одной стороны, и некультурность съ другой, вызвали образованіе союзовъ плутократіи съ бюрократіей; и пообчистивъ деревни, села, города, отчасти при содѣйствіи казны, союзники пошли на штурмъ самой казны. Характеристика вожаковъ, штурмующихъ казну враговъ, очерчена самимъ творцомъ «биржевого государственнаго хозяйства» въ рѣчи, произнесенной имъ въ Петербургѣ въ Соляномъ городкѣ лѣтъ одиннадцать тому назадъ на одномъ спеціальномъ съѣздѣ: «М. м. Г. г., сказалъ Его Превосходительство, мы собрались здѣсь для дѣла, намъ извѣстнаго и близкаго, и, такъ какъ здѣсь нѣтъ представителей печати, то можно говорить откровенно. Наше отношеніе къ государственной казнѣ двояко: мы платимъ казнѣ, и беремъ изъ казны; постараемся же придумать какъ сдѣлать такъ, чтобы намъ платить казнѣ какъ можно меньше, а взять изъ казны какъ можно больше».

Ваше Высочество! казна вѣдь ничего сама не производитъ, и иныхъ денегъ у нея нѣтъ какъ тѣ, которыя взяла она прямо или косвенно изъ той же захудалой и покинутой усадьбы, полураскрытой хаты, отъ того же полуголоднаго, полураздѣтаго, потомъ — кровію котораго полита и костями усѣяна Русская Земля . . . И этотъ подговоръ съѣзда сытыхъ обусловленъ только тѣмъ, что . . . «здѣсь нѣтъ представителей печати» . . . Отъ кресла оратора черезъ 2—3 дома стоялъ домъ департамента государственной полиціи; кругомъ его трибуны резиденція Царя, сенатъ, юстиція, полиція явная и тайная, и не того боялся онъ, а только лишь . . . «представителей печати». — Какой печати? Лавирующей,

или холопствующей, или прямо продажной, или грубые инстинкты толпы питающей ради той же наживы; или такой печати, которой можно заказать завѣдомо ложный доносъ на другое вѣдомство, на личнаго врага, на ограбленіе неповинной семьи его, какъ пробовалъ мнѣ предлагать товарищъ министра финансовъ Антоновичъ? Говорю съ документами въ рукахъ. Или боялся ораторъ такой печати, какою была «Русская Жизнь» съ знаменемъ развернутымъ, съ дружиной неподкупной, прямо, хотя и эзоповскимъ подчасъ языкомъ, раскрывавшей дѣянія воровъ родной земли, и нужды, и горе, и болѣсти Русскаго народа?

Для таковой печати въ кодексѣ оратора, учителя и основателя школы нашлись два орудія: изводить ее изморомъ, лишая всѣхъ прямыхъ, присущихъ газетѣ доходовъ, какъ объявленія и розничная продажа, а если бы газета оказалась выносливою и живучею, то просто «прикрыть ее на глухо». Это выраженіе «прикрыть на глухо» нашъ народъ употребляетъ, когда говоритъ объ убійствѣ изъ засады, изъ за угла въ темную глухую ночь. А такое орудіе для избавленія отъ честной печати избрано потому, что оно и самое легкое и самое вѣрное: если изъ священнаго писанія можно понадергать такъ, что слушатель повѣритъ развращающему началу книги, то во сколько же разъ легче понадергать изъ газеты ежедневной, составляемой не въ тиши монастырской кельи, а среди денной и ночной столичной сутолоки. — Словомъ «Русская Жизнь» въ пятилѣтнее служеніе Государю и Государству пережила то, чего еще не переживала ни одна русская газета. Закрыта она не послѣ 2-хъ или 3-хъ предостереженій, какъ требуетъ законъ ст. 148 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV, а закрыта такъ, просто, безъ объявленія мотивовъ — «прикрыта на глухо» . . .

* * *

Прежде вывода изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ указать хотя на нѣкоторые слѣды врага, для борьбы съ которымъ и объявилась «Русская Жизнь».

Вотъ эти слѣды и итоги:

1) Разбогатѣвшая казна и быть можетъ сотня-другая, изъ числа ста милліоновъ бѣдняковъ, превращенная въ милліонеровъ.

2) Россія — страна, увы! и послѣ тысячелѣтія по преимуществу земледѣльческая — потерявшая главный рынокъ сбыта произведеній земли и измученная въ поискахъ къ чему приложить руки, гдѣ взять деньги, чтобы отсрочивать отъ срока до срока назначаемую продажу съ аукціона послѣдняго своего достоянія.

3) Россія обезлѣсенная и отъ того съ засухами и неурожаями, съ полями не унавоженными, стадами тощими, и безлошадная.

4) Россія съ такой экономической политикой за послѣднее десятилѣтіе, которая, угнетая среднихъ и мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, отдаетъ ихъ въ кабалу крупнымъ промышленникамъ, предоставляя этимъ послѣднимъ возможность выручать по 25% чистой прибыли даже съ такихъ предметовъ первой потребности пахаря и всей бѣдноты какъ гнилой ситецъ для рубашки.

5) Россія, въ которой «въ настоящее время, какъ въ обществѣ такъ и въ народѣ денегъ почти совсѣмъ нѣтъ». И какихъ денегъ? «Такихъ, которыя доставили бы средства для удовлетворенія самой главной, давно назрѣвшей потребности Россіи — для рас-

пространенія именно среди православнаго русскаго народа начальнаго обученія грамотѣ и закону Божію.» Это не Ціонъ говоритъ, а стр. 276 «Наша новая государственная финансовая дѣятельность» Н. Х. Весселя, книга изданная на деньги данные министромъ финансовъ.

6) Россія съ стомилліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, которому поздно спохватившееся «биржевое государственное хозяйство» навязываетъ теперь деньги подъ хлѣбъ насущный, подо всякое гунятье, даже подъ одно только обѣщаніе купить на предлагаемыя за проценты!! — деньги лошадь, чтобы не запрягать бабъ для пахоты, корову — чтобы хоть груднымъ дѣтямъ было молоко взамѣнъ истощенной материнской груди, и прочую т. п. роскошь его быта.

7) Россія съ одними лишь бумажными деньгами взамѣнъ той золотой монеты, которую еще на моей памяти старухи продавали сидя на улицахъ и площадяхъ.

8) Россія съ свыше милліардным бюджетомъ, съ крупными ассигновками и прибавками на всѣ статьи, кромѣ земледѣлія — залога сытости и здравія народа, — да кромѣ такихъ же щедрыхъ ассигновокъ и прибавокъ на главный рычагъ народнаго благосостоянія — на школу народную.[1]

9) Россія съ такимъ смѣшеніемъ функцій высшаго государственнаго гражданскаго управленія, котораго не встрѣчаемъ ни въ одной странѣ культурной и некультурной.

10) Россія со столицей, гдѣ противъ дворца ея Царя открыто, безпошлинно и безнаказанно-установилась за послѣдніе два года такая бѣшенная биржевая игра, т. е. такое обираніе непосвященныхъ въ тайны игры владѣльцевъ какихъ либо сбереженій, какого у насъ еще никогда не было. А кто принимаетъ живѣйшее участіе въ этой игрѣ навѣрняка, въ этомъ обираніи толпы, о томъ Ваше Высочество благоволите спросить не у меня, какъ оскорбленнаго и разореннаго; или благоволите прочесть въ поэтическихъ произведеніяхъ, сказкахъ, легендахъ, пророчествахъ и пр. т. п. проявленіяхъ накипающаго чувства негодованія въ средѣ людей, для которыхъ благо отечества дороже блага личнаго, дороже рублей.

11) Россія, въ которой 6-го октября 1894 года въ моемъ присутствіи поставленъ былъ на баллотировку вопросъ: строить или не строить на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ типъ дешеваго огнестойкаго зданія для сельской церкви — школы рабочими, избранными земствами для обученія сельскому огнестойкому построенію; или обучить ихъ постройкѣ всѣхъ какихъ угодно типовъ огнестойкихъ зданій кромѣ типа церкви-школы? И вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, о которомъ только могъ мечтать богатѣйшій изъ всѣхъ представителей раскола Морозовъ, сидя противъ предсѣдателя, ставившаго такой вопросъ, и принимая участіе въ баллотировкѣ . . .

---

[1] Недавняя ассигновка на церковно-приходскія школы несомнѣнная заслуга г. Побѣдоносцева; но куда въ дѣйствительности пойдутъ эти три милльона? Я думаю, что они пойдутъ на улучшеніе быта духовенства; и развѣ крохи какія перепадутъ на улучшеніе школы. Ибо исполненіе требъ во всякомъ случаѣ даетъ болѣе дохода чѣмъ вознагражденіе за учительство въ церковно-приходской школѣ, и съ этой статьей прихода духовенство не разстанется тѣмъ болѣе, что исполненіе требъ есть его первая обязанность. Оно же не пожелаетъ лишить себя и новыхъ ассигновокъ на школу. Ну, а что значитъ дѣлать два такихъ дѣла того изъ Петербурга не видно, но можно узнать о томъ правду изъ вышеприведеннаго показанія депутатовъ харьков. губ. (см. стр. VI).

12) Россія, въ которой люди даровитые, на деньги народа обученные и просвѣщенные, Царскою милостью взлелѣянные, изъ нищихъ въ милліонеровъ превращенные, совѣщаясь, какъ взять изъ государевой казны возможно больше и платить государевой казнѣ возможно меньше, открыто, съ трибуны, говорятъ, что никого и ничего не боятся на Руси, кромѣ представителей честной печати.

Ваше Высочество! Выводъ изъ вышесказаннаго не представляется ли совершенно яснымъ: «не прикрывать на глухо» честную печать, а наоборотъ, признать ее единственнымъ путемъ правдѣ къ Царю, а согласно заявленію вышеуказаннаго оратора и единственнымъ неизмѣннымъ стражемъ государственнаго достоянія.

Народъ нашъ вынесъ иго монгольское; онъ вынесъ и иго крѣпостное, но не вынесетъ втораго десятилѣтія ига экономическаго. Таковъ выводъ моихъ наблюденій гораздо ранѣе проѣзда того депутата, который на протяженіи 1800-верстнаго пути «не встрѣтилъ ни одного человѣка, который бы не стоналъ».

Дать права гражданства печати не продажной, не раболѣпствующей, не спекулирующей на слабости людскія и грубые инстинкты толпы, — да развѣ это не есть долгъ государственной совѣсти и государственной мудрости? И если это такъ; если Ваше Высочество не найдете тому возраженій, то защитите «Русскую Жизнь» и въ лицѣ ея всю честную печать Вашей родины, печать настоящую и будущую. Благоволите принять всеподданнѣйшую просьбу мою о ходатайствѣ у Государя помилованія той «прикрытой на глухо» «Русской Жизни», которая по вышеприведенному свидѣтельству «своими статьми по экономическимъ вопросамъ оказала несомнѣнно крупныя услуги Государству».

Остается пояснить, какъ разумѣемъ права гражданства для честной печати. Разумѣемъ такъ: за злой умыселъ, за проступки, за преступленія имѣть право быть судимымъ и казненнымъ на общихъ основаніяхъ на ряду съ самыми тяжкими преступниками.

Необходимость дарованія такихъ правъ той части печати, которая ставитъ знамя открытое, пріемлетъ бремя служенія честнаго, является даже неизбѣжнымъ послѣ двухъ торжественныхъ обѣтовъ новаго Царя: устроенія счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ и сохраненія Самодержавія. Ибо для выполненія перваго обѣта прежде всего необходимо обезпечить путь къ правдѣ къ Царю изъ первоисточника, а безъ такихъ путей къ правдѣ отъ народа къ Самодержавію не можетъ быть и Самодержавія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно сложилось полюбовно, которому только и присягала Россія, которому только и присущи любовь и миръ въ странѣ.

Вотъ мой отвѣтъ на упреки въ моемъ пристрастіи къ Самодержавію какъ исторически сложившемуся нашему политическому строю.

Слѣдующія выписки привожу изъ книги моей «Россія наканунѣ XX вѣка» выпускъ 2-й «Политическій строй Русскаго Государства» стр. 21 и 17.

> «Наблюденіе надъ исторіею народовъ показываетъ, что ни съ чѣмъ народный организмъ такъ тѣсно не сживается, ни съ чѣмъ такъ крѣпко, неразрывно не сочетавается, какъ съ выработанною имъ формою верховной власти.»

И далѣе:

> «Каждый здравомыслящій человѣкъ убѣдится, что форма правленія-та или другая, съ тѣми или другими недостатками и неудобствами, разъ она сжи-

лась съ народнымъ организмомъ и укрѣпилась въ немъ, а онъ сроднился съ ней, должна быть оберегаема, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе народа, какъ историческая святыня, какъ надежный залогъ правильнаго развитія — а не застоя, конечно — народной жизни.»

И далѣе:

«Англія тѣмъ и крѣпка, что не только умѣла сохранить, какъ святыню, свои обычаи, но и продолжаетъ охранять ихъ чуть не фанатически. Наоборотъ, Франція, вѣчная страна моды, а слѣдовательно и всевозможной новизны, легкомыслія и непостоянства, этими именно свойствами и успѣла ослабить самое себя до того далеко неблестящаго положенія, въ какомъ теперь находится послѣ того величія, коимъ не разъ удивляла Европу въ теченіе свой многовѣковой славной исторіи».

Вотъ та рѣчь, то сорокалѣтнее мое служеніе, которое «прикрыто на глухо» не только безъ суда, но и безъ объявленія мотивовъ...

ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО! Какое же требуется служеніе нынѣ Тому, Кому присягалъ народъ, въ которомъ я живу и который живетъ во мнѣ?

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
почтительнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга
Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отставной
штабсъ-капитанъ Александръ Пороховщиковъ.

С. Петербургъ
9 февраля 1895 г.
Жительство: Гороховая 12.

II.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

13 января сего года Вамъ угодно было проявить особую милость къ труженикамъ печати и призвать ихъ къ еще болѣе ревностному служенію на благо родины.

20 января сего же года газета моя, «Русская Жизнь», была прекращена постановленіемъ министровъ просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и оберъ-прокурора Синода безъ указанія статей, вызвавшихъ такую тяжкую кару, и даже безъ намека за направленіе ли моего органа я лишенъ добраго имени и всего достоянія или за нѣчто другое.

Передъ Богомъ Всевидящимъ, передъ престоломъ Вашего Величества исповѣдую, что совѣсть моя чиста и спокойна. Я не сознаю на себѣ никакой вины. Я не провинился ни передъ правительствомъ Вашего Императорскаго Величества, ни передъ однимъ

изъ вѣдомствъ, начальники которыхъ рѣшили участь газеты въ особомъ совѣщаніи. Министръ просвѣщенія не предъявитъ Царю другаго органа печати, который болѣе ратовалъ за народное просвѣщеніе, чѣмъ «Русская Жизнь». Оберъ-прокуроръ Синода не найдетъ въ синодальныхъ архивахъ другаго столь крупнаго вкладчика, какимъ я былъ въ теченіи многихъ лѣтъ, обращая своими знаніями, трудомъ и деньгами бездоходныя развалины духовнаго вѣдомства въ имущества съ сотнями тысячъ ежегоднаго дохода. Министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ не найдутъ въ своихъ архивахъ за всѣ 60 лѣтъ моей жизни ни одного дѣла, свидѣтельствовавшаго о томъ, чтобы я когда либо поступилъ противъ совѣсти или измѣнилъ присягѣ Царю. И вотъ, люди всѣхъ классовъ, отъ высшаго до низшаго, спрашиваютъ меня: за что я лишенъ добраго имени и достоянія? Семья моя и кредиторы спрашиваютъ какимъ моимъ преступленіемъ я разорилъ ихъ? Свыше трехсотъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ тружениковъ-поголовно бѣдняковъ-спрашиваютъ: за что они лишены заработка?

Одну мою особенность я отмѣчаю, но не каюсь, и впервые исповѣдую ее Вамъ, Государю моему: я основалъ «Русскую Жизнь» съ единою цѣлью открытой борьбы съ той экономической политикой, которая водворилась на Руси послѣ оставленія министерства финансовъ Н. Х. Бунге. Я былъ убѣжденъ, что такая политика быстро разоритъ страну и народъ. А что это убѣжденіе не было ошибкой, что опасенія мои оправдались, тому еще два новыхъ доказательства въ дополненіе массѣ снимковъ съ дѣйствительности, ничтожную часть коихъ я печаталъ въ моемъ органѣ. Эти новыя доказательства-дословно записанныя показанія нѣкоторыхъ депутатовъ, изъ числа прибывшихъ со всѣхъ концовъ Россіи для поздравленія Вашего Величества, и книга Весселя «Наша новая государственная финансовая дѣятельность». Книга написана и издана при живѣйшемъ участіи министерства финансовъ; но видно Богу угодно было обратить ее въ такой безпощадный обвинительный актъ, на который никогда не рѣшилась бы «Русская Жизнь». Читая эту книгу надо быть вооруженнымъ только грамотой да вѣрностью присягѣ Царю и Отечеству.

Но если бы эта полемика была причиной закрытія газеты, то по прямому смыслу закона (примѣчаніе къ 148 ст.) министръ финансовъ долженъ былъ бы участвовать и подать свой голосъ въ совѣщаніи, но именно онъ-то и не участвовалъ.

Не могу также вѣрить заявленіямъ, приходящимъ со всѣхъ сторонъ и вездѣ вслухъ повторяемымъ, будто «Русская Жизнь» закрыта за то, что въ рубрикѣ «Отголоски» были указаны два печальные факта изъ дѣятельности г. Кривошеина, уволеннаго Вашимъ Величествомъ.

Разоренный матеріально, помѣченный какимъ-то неопредѣленнымъ пятномъ политической неблагонадежности, и исповѣдуя и Царю и Родинѣ моей полную мою невиновность, доказать которую я не могу только потому, что у меня отняли всѣ законныя къ тому средства, повергаю къ подножію Престола всеподданнѣйшее прошеніе о пересмотрѣ состоявшагося объ моей газетѣ постановленія. Путь къ тому указанъ въ самомъ законѣ. Повелите, Самодержавнѣйшій Монархъ, чтобы мое дѣло было передано на обсужденіе въ I Департаментъ Правительствующаго Сената. Повелите, чтобы меня судило то установленіе, въ которомъ нѣкогда судился и оправдывался покойный собратъ мой Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Если же взведенное на меня преступленіе не допускаетъ свѣта, то быть можетъ оно не преступленіе, а недоразумѣніе, присущее всякой человѣческой дѣятельности, единичной и коллективной. И если автору книги «Россія наканунѣ XX вѣка», которую Ваше Величество назвали «чудной книгой», какъ я имѣлъ счастье слышать отъ В. К. Александра Михаиловича наканунѣ отъѣзда въ Америку; если редактору-издателю «Русской Жизньни», отдавшему все состояніе и всѣ силы на борьбу съ той экономической политикой, которая обогащаетъ казну путемъ разоренія народа и сама въ томъ невзначай признается; если такому вѣрноподданному отказано будетъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ тягчайшему преступнику, то проявите, Самодержавнѣйшій Монархъ, милосердіе Свое разрѣшеніемъ мнѣ уступить право изданія такому лицу, которое пользуется бо́льшимъ чѣмъ я довѣріемъ Правительства Вашего Величества, въ тѣхъ видахъ, что путемъ такой передачи я могу возвратить хотя часть затраченнаго въ газету капитала около 300,000 руб. — и тѣмъ спасти свою семью отъ нищеты и триста бѣдныхъ тружениковъ отъ голода до пріисканія ими подходящей работы.

Вѣрный подданный Вашего Императорскаго Величества Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка отставной Штабъ-Капитанъ Пороховщиковъ.

С. Петербургъ. Февраля 9 дня 1895 г.

III. POSTSCRIPTUM.

Вмѣстѣ съ послѣдними корректурными листами этой книги я получилъ и «Новое Время» отъ 19-го августа. На первой страницѣ этого нумера разсказанъ фактъ на столько подтверждающій все выше сказанное о современномъ состояніи Святой Руси, и о фактическомъ величествѣ въ особенности, что необходимо привести эту статью цѣликомъ, переведя на русскій языкъ нѣкоторыя выдающіяся по своему значенію строки, такъ какъ вся статья написана языкомъ С.-Петербургскимъ. — Этотъ С.-Петербургскій языкъ не какой нибудь volapük, а тотъ же русскій языкъ, только пріуроченный къ современному намъ строю . . . или, точнѣе, къ тѣмъ «вѣяніямъ», которыя въ данное время преобладаютъ; или, еще точнѣе, принаровленный къ тому направленію вѣтра, который дуетъ со стороны мѣстонахожденія фактической верховной власти — легальной или нелегальной, все равно, лишь бы она была не мистическая, а фактическая.

Вотъ эта статья, читать которую надо слѣдя за переводомъ подъ знаками 1, 2, 3 и т. д.

«Не откажите въ интересахъ истины напечатать въ уважаемой вашей газетѣ нѣсколько словъ по поводу нападокъ достопочтеннаго князя Мещерскаго на вѣдомство Государственнаго контроля вообще и на желѣзнодорожный контроль въ частности.

Сами-по-себѣ эти нападки или все то, что призналъ нужнымъ наговорить въ своемъ дневникѣ кн. Мещерскій по поводу вреда, принесеннаго будто бы желѣзнодорожнымъ контролемъ[1] не только дѣлу постройки Сибирской желѣзной дороги, но и всей Сибири, — настолько неосновательны, прямолинейны и пристрастны, что объ нихъ не стоило бы и говорить, тѣмъ болѣе, что печать, въ лицѣ вашей газеты, достаточно ихъ охарактеризовала. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, писалъ князь Мещерскій въ своемъ «Гражданинѣ» такого, въ чемъ впослѣдствіи приносилъ публичное покаяніе! Но одно обстоятельство въ данномъ случаѣ вызываетъ необходимость продолжать рѣчь на заданную княземъ тему.

Дѣло въ томъ, что послѣ замѣтки вашей газеты по поводу содержанія упомянутаго выше дневника, князь Мещерскій вторично разразился филиппикою, и уже противъ всего контрольнаго вѣдомства, а не одного только желѣзнодорожнаго контроля.

Такая настойчивость нападокъ на вѣдомство, не имѣющее, повидимому, никакого отношенія къ общественной дѣятельности князя Мещерскаго, невольно можетъ оставить въ обществѣ недоумѣніе. Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ быть дыма безъ огня. Нельзя

же допустить, что князь Мещерскій, издатель и редакторъ газеты, посвятившей себя благородной задачѣ стоять на стражѣ общественныхъ и государственныхъ интересовъ, — чтобы такой человѣкъ могъ безъ какой-либо особоуважительной причины бросать грязью въ такое вѣдомство, какъ Государственный контроль, которому ввѣрено блюсти неослабно интересы казны и слѣдить за правильнымъ удовлетвореніемъ государственныхъ нуждъ.

Есть, стало-быть, въ дѣятельности контроля что-нибудь такое, что пришлось больно не по душѣ почтенному князю. Да, есть нѣчто такое, что должно раздражать всякаго, попавшаго въ такое положеніе, въ какомъ оказался князь Мещерскій; но зато это самое «нѣчто» должно радовать каждаго искренняго радѣтеля государственныхъ интересовъ, каждаго порядочнаго человѣка.

Суть въ томъ, что Государственный контроль, несмотря на крайне неблагопріятныя условія для своей дѣятельности,[2] хотя, быть-можетъ, медленно, но зато послѣдовательно, шагъ за шагомъ, добивается постепеннаго упорядоченія то одной, то другой отрасли государственнаго хозяйства. Да проститъ меня достопочтенный князь, если я позволю себѣ привести, какъ примѣръ успѣшной дѣятельности контроля, слѣдующій единичный случай, касающійся его лично.

Въ бытность г. Кривошеина[3] министромъ путей сообщенія, князь Мещерскій, пользуясь своими связями и вліяніемъ, успѣлъ заключить чрезвычайно выгодный для себя и крайне убыточный для казны долгосрочный договоръ на производство всѣхъ необходимыхъ для желѣзнодорожнаго хозяйства типографскихъ, литографскихъ и переплетныхъ работъ, составляющихъ довольно крупную статью расходовъ не только для управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но и для каждой такой дороги въ отдѣльности. Договоръ этотъ былъ заключенъ помимо контроля и безъ всякой предварительной конкуренціи, какъ того требуетъ законъ,[4] такъ-что контролю оставалось считаться съ совершившимся фактомъ, — тѣмъ болѣе, что, по закону, всякій договоръ, заключенный съ казною, долженъ быть соблюдаемъ свято, хотя бы и обнаружилось, что при его исполненіи казна должна нести явные убытки.

Заручившись такимъ договоромъ, князь считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ со стороны контроля и разсчитывалъ, очевидно, спокойнымъ образомъ получать законнымъ порядкомъ незаконные сборы съ казны.[5] Но вотъ, въ минувшемъ году, когда, по переходѣ въ казну Николаевской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ, послѣдовало распоряженіе о передачѣ всѣхъ печатныхъ и переплетныхъ работъ для этихъ дорогъ тому же князю Мещерскому, вмѣсто типографіи Голике, исполнявшей эти работы ранѣе по несравнимо болѣе выгоднымъ условіямъ, контролю представилась, наконецъ[6], возможность обуздать расходившуюся алчность князя и не только добиться отмѣны приведеннаго распоряженія, но и возбудить въ общемъ ревизіонномъ порядкѣ вопросъ объ убыткахъ казны, причиняемыхъ упомянутымъ выше договоромъ.

Чтобы судить, насколько велики эти убытки, достаточно сказать, что за извѣстную работу (именно печатаніе опредѣленнаго образца бланокъ), которая обходилась въ недешевой типографіи Голике какихъ-нибудь 2 р. 38 к., князю Мещерскому приходится платить не менѣе 8 р. 55 к., которые въ большинствѣ случаевъ фактически обращаются въ

17 р. 10 к. въ виду того обстоятельства, что большинство заказовъ даются[7] князю Мещерскому, какъ экстренные и потому подлежащіе оплатѣ по двойнымъ цѣнамъ въ силу того же договора. Но этимъ дѣло не ограничивается. Какъ человѣкъ обстоятельный, князь Мещерскій работаетъ исподволь, не спѣша, и поэтому предпочитаетъ, напримѣръ, принимать заказы на многіе бланки, въ которыхъ текстъ сохраняется безъ измѣненій, не разомъ на все потребное въ году количество этихъ бланокъ, а по частямъ, благодаря чему является возможность получать за одинъ и тотъ же наборъ и, въ сущности, за одинъ и тотъ же заказъ полную плату по нѣсколько разъ! И при такихъ-то неестественно выгодныхъ для себя условіяхъ князь Мещерскій не только не сдаетъ своихъ работъ въ добросовѣстномъ видѣ, но еще выгадываетъ гроши на бумагѣ, ставя ее гораздо худшихъ качествъ противъ установленныхъ образцовъ. Ну, скажите, могъ ли контроль пропускать безъ вниманія подобныя безобразія. И послѣ всего того, что я изложилъ здѣсь, развѣ нападки князя Мещерскаго на контроль не есть безумныя выходки сердитаго безсилія?»

---

[1] Во главѣ желѣзнодорожнаго контроля всѣмъ извѣстная, всѣми уважаемая, безупречная, свѣтлая, но по рукамъ и ногамъ связанная личность — генералъ-контролеръ А. В. Васильевъ.

[2] Переводъ. Мы присягали служить вѣрой и правдой Императорскому Величеству, но такъ какъ имѣется еще другое величество «фактическое», то условія для нашей дѣятельности, для охраны народнаго достоянія отъ хищниковъ «крайне неблагопріятны». И до такой степени «неблагопріятны», что мы, т. е. Государственный Контроль, очень часто не можемъ вѣрой и правдой служить Императорскому Величеству.

[3] Переводъ. Въ бытность (горячо рекомендованнаго покойному Государю на должность министра) гофмейстера Высочайшаго Двора г. Кривошеина министромъ путей сообщенія, камергеръ Высочайшаго же Двора, «твердый въ вѣрѣ» издатель высокопатріотической газеты «Гражданинъ» князь Мещерскій, «пользуясь своими связями и вліяніемъ» въ высшихъ правительственныхъ сферахъ «успѣлъ заключить выгодный для себя и крайне убыточный для казны долгосрочный договоръ».

[4] Переводъ. Для заключенія этого договора камергеръ Высочайшаго Двора въ союзѣ съ министромъ-гофмейстеромъ Высочайшаго же Двора (тоже «твердымъ въ вѣрѣ» до того, что даже на свой счетъ отдѣлалъ домовую церковь въ министерской квартирѣ) и подъ прикрытіемъ «связей и вліяній», надругались среди бѣла-дня надъ всѣми законами изданными Самодержцемъ для охраны народнаго достоянія; и Государственному Контролю, по рукамъ и ногамъ связанному этими «связями и вліяніями, оставалось только считаться съ совершившимся фактомъ», т. е. съ фактомъ ограбленія Отечества, за что-же нибудь, не даромъ-же преданнаго и проданнаго тѣми-же «связями и вліяніями». Судить же о «вѣрноподданническихъ чувствахъ» представителей «связей и вліяній» мы, Государственный Контроль, не призваны. Охрана Отечества и Самодержавія въ этой области довѣрена Императорскимъ Величествомъ мин. внутреннихъ дѣлъ по департ. полиціи.

5 Переводъ. Такимъ образомъ камергеръ Высочайшаго Двора и журналистъ-патріотъ, его сообщники и укрыватели расчитывали долго получать и уже получали (въ разныхъ только видахъ) «законнымъ порядкомъ незаконные сборы съ казны».

6 Переводъ и дополненіе. Этому «наконецъ» предшествовало слѣдующее начало: въ то время когда задумано было это воровское дѣло, въ управленіи казен. желѣзн. дорогъ служилъ честнѣйшій и бѣднѣйшій отставной офицеръ М. П. Надѣинъ. Родной дядя его по матери, Бахтинъ, отдалъ еще при жизни своей все свое состояніе-свыше трехъ милльоновъ — на учрежденіе кадетскаго корпуса въ Орлѣ, и родному племяннику и наслѣднику на склонѣ лѣтъ пришлось службой заработывать средства для существованія. Вотъ этому-то Надѣину и поручено было начальствомъ сочинить проектъ оформленія задуманной махинаціи. Такъ какъ сумма грабежа по этому долгосрочному контракту исчислена была въ нѣсколько сотъ тысячь, то бѣдняку, да еще больному старику Надѣину предстояла полная возможность обезпечить все свое будущее въ матерьяльномъ отношеніи, и получить еще и повышеніе по службѣ. Стоило только заявить камергеру или самому гофмейстеру настоятельное требованіе на долю участія . . .

И Надѣинъ пошелъ къ министру-гофмейстеру; но пошелъ съ заявленіемъ другого рода: онъ подалъ записку съ расчетомъ, выяснявшимъ грабежъ, а при запискѣ приложилъ и просьбу объ увольненіи своемъ отъ службы, объяснивъ на словахъ, что «служить съ мошенниками не можетъ». — Пилюлю проглотили; записку подъ сукно положили; грабительскій контрактъ заключили; у Государя и Государства однимъ честнымъ слугою стало меньше . . . честному, больному бѣдняку пришлось обратиться къ другому заработку вмѣсто службы Императорскому Величеству . . .

Весь Петербургъ, юстиція, полиція, всѣ власти это знали, ибо вездѣ о томъ вслухъ говорили; узнали о томъ и въ Россіи . . . Незналъ о томъ только Самодержецъ Россіи потому, что правдѣ къ Нему пути не было. —

Въ молодыхъ годахъ, беззавѣтно, быть можетъ подчасъ и безтолково ратовавшій всегда за правое дѣло, Надѣинъ перебывалъ во многихъ кутузкахъ и даже былъ упрятанъ въ казематъ Петропавловской крѣпости, но въ концѣ концовъ всѣ власти признали его чистую совѣсть — и до такой степени, что на Чикагскую всемірную выставку онъ ѣздилъ какъ командированный правительствомъ чиновникъ. — Я думаю, что если бы были прямые пути правдѣ къ Царю, то тотъ же Надѣинъ пошелъ бы ни кому болѣе какъ къ Царю съ расчетной запиской, и вмѣсто потери мѣста получилъ бы отъ Царя и повышеніе и хоть достаточныя средства для излѣченія своего недуга, за предупрежденіе о готовящемся хищеніи. И сколько такихъ случаевъ вокругъ да около Царя! И какъ близка къ Нему «правда» — рукой бы подать если бы ей пути были . . . И не мало среди насъ Надѣиныхъ . . .

7 Переводъ и дополненіе. Такое явное нарушеніе присяги Императорскому Величеству не всегда вызывается корыстолюбіемъ «дающихъ заказы», а въ большинствѣ случаевъ вызывается опасеніями преслѣдованій того-же фактическаго величества за измѣну его интересамъ, т. е. за вѣрность присягѣ Императорскому Величеству, пути къ Которому правдѣ давно заросли все тѣми же проклятыми «вліяніями» фактическаго величества... Если бы были пути правдѣ къ Императорскому Величеству, то народъ платилъ бы 2 р. 38 коп.; а такъ какъ нѣтъ этихъ путей, то за ту-же работу народъ платитъ по 17 р. 10 коп.

И что же вы думаете: хищники удовольствовались тѣмъ? Пощадили наконецъ плательщика? Нашлось у фактическаго величества хоть сколько нибудь чувства жалости къ своимъ кормильцамъ и поильцамъ? Нашелся среди «связей и вліяній» хоть одинъ голосъ страха — если не совѣсти? . . . Увы! Ничего подобнаго не нашлось; а наоборотъ, читайте далѣе — «Но этимъ дѣло не ограничивается» . . . . . И такъ почти отъ края и до края . . . И нѣтъ иного средства пощадить, пожалѣть народъ, и оградить Императорское Величество отъ ропота, отъ крамолы всяческой, нѣтъ иного средства уберечь Его, Подругу Его, всю Семью Его и народъ Его отъ тревогъ и пережитыхъ потрясеній, какъ только открыть пути правдѣ изъ ея первоисточника.

* * *

Эти строки, эту книгу я не дамъ въ руки «незрѣлыхъ» и обездоленныхъ. Не прочтутъ ея и платящіе 17 р. 10 коп. вмѣсто 2 р. 38 коп. Даже печатаю её не въ моей типографіи въ Петербургѣ, а въ чужой, въ Лейпцигѣ, исполняя самъ работу корректора среди наборщиковъ, знающихъ лишь буквы русской азбуки. Но разоблаченіе «Новаго Времени» прочтутъ въ Россіи буквально сотни тысячъ людей всѣхъ возрастовъ и положеній, не исключая учащейся молодежи, и имѣющихъ непосредственныя связи съ Землей: курьеровъ, артельщиковъ и иныхъ. Прочтутъ его и заграницей; прочтутъ всѣ недовольные, всѣ конституціоналисты, крамольники и динамитчики . . .

Сколько же прибавится къ этимъ послѣднимъ группамъ? . . . И на кого какъ не на Самодержавіе возропщутъ? . . . А можетъ-ли Самодержавіе роптать на «Новое Время» за это разоблаченіе? Конечно нѣтъ; ибо въ разоблаченіяхъ зла великое призваніе печати. Въ такихъ разоблаченіяхъ охрана Самодержавія — если между жизнью Самодержавія и народной жизнью нѣтъ «средостѣнія», а имѣется связь живая и дѣйственная, взаимно другъ-друга устрояющая и оберегающая, и потому желанная и любовная всѣмъ кромѣ хищниковъ, ихъ сообщниковъ и укрывателей.

— Мы не конституціоналистами родились, а грудью стояли и кровь свою проливали за Самодержавіе, скажутъ изъ этой «прибавки» вчерашніе монархисты, «постепеновцы», и колебавшіеся; да сами видите что даже отъ 2 р. 38 коп. такъ мало остается кормильцу Самодержавія, что не на-что поучиться грамотѣ, закону Божію, ремесламъ; а тутъ 17 р. 10 коп. . . . И все какъ слѣдуетъ; словно какъ «быть по сему»; все на законномъ основаніи — только потому . . . . что «ёнъ» молчитъ . . .

— Мы вѣдь только потому противъ Самодержавія, что 17 р. 10 коп. болѣе 2 р. 38 коп. — съ невинной, или съ ехидной улыбкой скажутъ убѣжденные конституціоналисты.

— «Ну ужъ, что ужъ! . . .» — какъ въ пьесѣ Островскаго — скажутъ погруженные въ химическіе анализы анархисты и динамитчики . . .

— Нѣтъ, нельзя далѣе идти въ такомъ направленіи, скажетъ взволнованный читатель-монархистъ.

— Можно, спокойно отвѣтитъ фактическое величество, и предъявитъ этому слѣдующее доказательство: въ то время какъ завѣдомо даровитымъ и благонамѣреннымъ литераторамъ, ученымъ и инымъ съ безупречнымъ прошлымъ вѣрноподданнымъ, отказываютъ въ разрѣшеніи издавать газету или журналъ, даже съ предварительной цензурой;

въ то время когда преслѣдуютъ, карaютъ, разоряютъ и «прикрываютъ на-глухо» «Русскую Жизнь», которая «своими статьями по экономическимъ вопросамъ несомнѣнно оказала крупныя услуги государству»; въ тоже время тому-же камергеру Высочайшаго Двора и журналисту, уже пойманному съ поличнымъ въ грабежѣ Отечества, разрѣшается кромѣ «Гражданина» издавать еще и другую безцензурную газету «Русь», да еще при такихъ условіяхъ, которыя ведутъ ее прямо въ толщу населенія, въ самую среду плательщиковъ 17 р. 10 коп. вмѣсто 2 р. 38 коп. . . .

Пять лѣтъ изо дня въ день боролась «Русская Жизнь» съ фактическимъ величествомъ за этихъ самыхъ плательщиковъ . . . Въ моей же власти было не прерывать ея служенія переведя изданіе въ Англію. Настоящій планъ борьбы, усугубляя тягость служенія все тѣмъ же плательщикамъ, а стало быть и Императорскому Величеству, даетъ однако возможность избѣгать ошибокъ при оцѣнкѣ событій совершающихся за тридевять земель.

ТИПОГРАФІЯ Ф. А. БРОКГАУЗА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.